

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Горохова
Дарья Вадимовна

ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ И НОМЕНКЛАТУРЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ИМЕН В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель – доктор
филологических наук, профессор
Бубнова И.А.

МОСКВА

2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Специфика существования прецедентного имени в культуре, социуме и языковом сознании их носителя	13
1.1. Сущность и роль прецедентного имени в национальной культуре	13
1.1.1. Понятие национальной культуры и ее роль в формировании и сохранении этнического своеобразия народа	13
1.1.2. Фразеологизмы и прецедентные феномены как элементы концептосферы культуры. Прецедентное имя с позиций лингвокультурологии и психолингвистики.....	24
1.1.3. Национальная культура и цивилизация как элементы общего информационного поля культуры. Специфика соотношения национальных и цивилизационных аспектов поля культуры в XXI веке	35
1.2. Прецедентное имя и социум.....	41
1.2.1. Роль системы образования в формировании номенклатуры и содержания прецедентных имен.....	41
1.2.2. Роль массовой культуры в трансформации номенклатуры и содержания прецедентных имен.....	70
1.3. Прецедентное имя в индивидуальном языковом сознании.....	76
1.3.1. Понятие языкового сознания. Языковое сознание этноса vs индивидуальное языковое сознание	76
1.3.2. Специфика формирования содержания прецедентного имени в языковом сознании человека как носителя культуры и члена определенной социальной группы	82
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	92
ГЛАВА 2. Экспериментальное исследование содержания и номенклатуры прецедентных имен в сознании носителей русской лингвокультуры	96
2.1. Теоретическая основа, методика и процедура проводимого эксперимента.	96
2.1.1. Методологическая основа и понятийный аппарат исследования	96
2.1.2. Методика и процедура проводимого эксперимента.....	101

2.2. Сравнительное исследование номенклатуры и содержания прецедентных имен в языковом сознании поколения 60-80-х годов XX века и поколения, родившегося на рубеже веков (конец 90-х-начало 2000 годов).....	107
2.2.1. Экспериментальное исследование слова <i>патриотизм</i>	107
2.2.2. Экспериментальное исследование слова <i>честь</i>	118
2.2.3. Экспериментальное исследование слова <i>героизм</i>	130
2.2.4. Экспериментальное исследование слова <i>преданность</i>	141
2.2.5. Экспериментальное исследование слова <i>предательство</i>	148
2.2.6. Экспериментальное исследование слова <i>жестокость</i>	162
2.2.7. Экспериментальное исследование слова <i>успех</i>	170
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	190
СПИСОК СЛОВАРЕЙ	221
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	226

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой современного мира является то, что на фоне ускоряющихся процессов глобализации под угрозой оказываются, прежде всего, основополагающие культурные ценности, а поэтому сегодня, пытаясь найти ответ на вопрос о своих главных чертах, отличающих их от других наций, народы «отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность» [Хантингтон 2003].

Именно этим обстоятельством обусловлен тот факт, что проблема ценностей и этнической идентичности оказалась в последние десятилетия одной из тех, к которым все чаще обращаются представители самых разных научных сфер: философии, психологии, социологии и культурологии [Beer 2002; Hoffman 1995; Inglehart, Baker 2000; Schwartz 2008; Базовые ценности россиян 2005, 2015, 2016, Гидденс 2005; Дубов 2003; Монгуш, Зайцева, Бакшеев 2014; Немировская 2005; Рикёр 2002; Стефаненко 2009; Тишков 2003; Хабермас 2008] и др.

В психолингвистическом аспекте изучение этих вопросов состоит, прежде всего, в описании смыслового содержания базовых ценностей, характерного для того или иного народа, его динамики и факторов, ее обуславливающих. И в данном случае стоящая перед исследователями задача оказывается весьма сложной, так как слова, обозначающие самые важные для человека феномены, относятся к группе абстрактной лексики, не имеющей в реальности конкретного денотата. Однако, несмотря на эту их особенность, «абстракции, – как отмечает Ф. де Соссюр, – все же чему-то соответствуют» [Соссюр 2001: 149]. Более того, замечает Г. Лейбниц: «Духовные качества не менее реальны, чем телесные. Конечно, справедливости не видят так, как видят лошадь. Но ... она также содержится в действиях, как прямота и кривизна в движении, независимо от того, обращают на нее внимание или нет» [Лейбниц 1983: 306]. Иными словами, в абстрактных именах, с точки зрения психологии, воплощен совершенно иной тип ментальной деятельности, они представляет собой «переход в новый и высший план мысли» [Выготский 2004: 937], являясь особого рода артефактами: «они

предметы духовной культуры (если термин «культура» понимать широко), то есть такой информации об опыте социума, которая закодирована не в генах, а в символах. Они духовные предметы, и ими дух измеряет действительность» [Чернейко 2019: 58].

Данное диссертационное исследование посвящено изучению прецедентных имен, которые, составляя важную часть общей когнитивной базы, являются символами базовых морально-нравственных ценностей носителей русской лингвокультуры.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения динамики смыслового содержания морально-нравственных ценностей в индивидуальном сознании современного поколения российской молодежи, установления и описания основных факторов, обуславливающих изменения в номенклатуре прецедентных имен, входящих в когнитивную базу носителей русской лингвокультуры. Не менее актуальным является сопоставление списка прецедентных имен, хранящихся в языковом сознании разных поколений, выявление специфики и смысла ситуаций, с которыми они связаны, в аспекте проблемы сохранения традиционных основ национальной культуры.

Объектом исследования являются прецедентные имена, отражающие ключевые ценности русской лингвокультуры в сознании поколений, получивших образование и прошедших социализацию в советский и постперестроечный периоды в истории России.

Предметом диссертационного исследования является содержательный состав номенклатуры и смысловая сущность прецедентных имен, репрезентированная в характере ассоциативных реакций.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что на современном этапе развития России внешние социальные факторы, непосредственно связанные с глобализационными процессами, начинают превалировать над национальной культурой, играя ведущую роль в формировании смыслового содержания морально-нравственных ценностей и, соответственно, номенклатуры

прецедентных имен, маркирующих данные ценности в языковом сознании российской молодежи.

Целью исследования является выявление динамики содержательного состава номенклатуры и смысловой сущности прецедентных имен, олицетворяющих ключевые морально-нравственные ценности русской лингвокультуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих **конкретных задач**:

- сформировать теоретико-методологическую базу и понятийный аппарат исследования;
- проанализировать специфику взаимодействия национальной культуры и цивилизационных факторов на современном этапе развития мира, выявить роль и возможности влияния цивилизационных факторов, в частности, системы образования и массовой культуры, на специфику формирования качественного состава номенклатуры прецедентных имен и их смыслового содержания в индивидуальном языковом сознании;
- выявить экспериментально список прецедентных имен, сохраняющийся в когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества, определить ключевые морально-нравственные ценности, связанные с данными именами, проанализировать полученные экспериментально данные;
- выявить содержательный состав номенклатуры прецедентных имен, раскрыть смысловое содержание ценностей, символами которых являются прецедентные имена, сохраняющиеся в языковом сознании поколения 60-80-х и современного студенчества;
- провести сравнительный анализ экспериментальных и лексикографических данных, построить модели семантических гештальтов исследуемых понятий, выявить динамику смыслового содержания ключевых морально-нравственных ценностей русской лингвокультуры.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в доказательстве происходящих в настоящий момент качественных изменений в структуре русской языковой личности, обусловленных трансформацией

содержательного состава номенклатуры прецедентных имен, а также смыслового наполнения морально-нравственных ценностей, символами которых являются прецедентные имена, входящие ранее в когнитивную базу носителей русской культуры.

Материалом исследования послужили лексикографические источники; Интернет-ресурсы; экспериментальные данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов (общее количество исследованных реакций – 2188), а также данные, полученные методом группового и индивидуального анкетирования.

В целом в исследовании на разных его этапах приняли участие 350 человек: 240 студентов в возрасте от 18 до 22 лет и 110 представителей старшего поколения, получивших среднее и высшее образование до распада СССР, т.е. в единой общеобразовательной средней школе и вузах, где программы и предъявляемые к знаниям школьников и студентов требования кардинально отличались от современных. Гендерный фактор и половые различия в процессе исследования не учитывались.

В работе использованы следующие **методы**:

- 1) свободный ассоциативный эксперимент;
- 2) направленный ассоциативный эксперимент;
- 3) метод анкетирования (группового аудиторного и индивидуального);
- 4) анализ дефиниций толковых словарей;
- 5) метод построения семантических гештальтов;
- 6) сравнительно-сопоставительный метод.

В необходимых случаях для уточнения полученных реакций с участниками эксперимента после его проведения проводилась дополнительная беседа.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования являются:

- 1) положения о *сознании* как высшей форме психического отражения, свойственной общественно развитому человеку и связанной с речью, как идеальной стороной целеполагающей деятельности, выступающей в двух формах:

индивидуальной (личной) и общественной, разработанные в классической философии;

2) положения об опосредованности содержания индивидуального сознания современного человека не его собственной познавательной деятельностью, а деятельностью различных социальных институтов, намеренно тормозящих индивидуальную познавательную активность и навязывающих личности определенные идеи об окружающей ее реальности, развитые в современной постнеклассической философии (В.С. Степин, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз);

3) основные положения культурно-исторического подхода, сформированного в работах Л.С. Выготского;

4) положения общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, прежде всего, тезис о двойственности существования значений в индивидуальном сознании;

5) развитые в рамках психолингвистики положения:

– о значении слова как «превращенной форме деятельности», представленной в сознании человека комплексной структурой, включающей в себя различные формы и уровни отражения объекта познающему мир субъекту (А.А. Леонтьев);

– о способах выявления объективного содержания сознания через исследование *языкового сознания*, под которым в московской психолингвистической школе понимается «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» (Е.Ф. Тарасов), проводимое в ходе ассоциативных экспериментов;

– о существовании специфических черт и структурообразующих элементов этнического бессознательного, т.е. тех обусловленных культурой констант, через которые человек видит окружающий мир (А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева);

– о возможности изменения этнически обусловленного образа мира любого лингвокультурного сообщества посредством трансформации

индивидуального образа мира человека как представителя определенной социальной группы, что происходит через модификацию содержания значений слов, прежде всего тех, в которых заключены важные для этноса ценности (И.А. Бубнова, В.В. Красных);

б) положения о культуре как совокупности всей ненаследственной информации, способах ее организации и хранения, разработанные в рамках семиотики (Ю.М. Лотман).

Теоретической основой работы стали также исследования отечественных и зарубежных ученых, выполненные в общих рамках культурологического направления (Ф. Боас, П.С. Гуревич, М. Коул, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, К.Н. Леонтьев, С.В. Лурье, Д. Мацумото, Д.Г. Мид, А. Моль, Х.Р. Ортега-и-Гассет, Р. Бенедикт, П. Риккерт, С. Скрибнер, П.А. Сорокин, Т.Г. Стефаненко, Э.Б. Тейлор, А. Тойнби, О. Шпенглер и др.); психолингвистики, этнолингвистики, этнопсихолингвистики и лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, Е. Бартминьский, Т.И. Булыгина, Е.М. Верещагин, Д.Б. Гудков, А.А. Зализняк, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, И.Б. Левонтина, А.А. Леонтьев, Е.Ю. Мягкова, В.А. Пищальникова, В.Н. Телия, С.Н. Толстая, Н.И. Толстой, Н.В. Уфимцева, А.Д. Шмелев и др.); социолингвистики и когнитивной лингвистики (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, У. Лабов, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, J. Cheshire, N. Coupland, D. Hymes, A. Jaworski, P. Trudgill и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в проработке алгоритма анализа ценностных понятий и в создании модели формирования семантических гештальтов их языковых репрезентантов.

Практическая ценность исследования заключается в рекурсивности и верификативности использованной методики анализа. Полученные данные могут применяться в социологических исследованиях, теориях базовых человеческих ценностей в рамках кросс-культурной психологии, этнопсихолингвистики, неопсихолингвистики, психолингвокультурологии; исследованиях дискурсов, которые современные исследователи относят к «агентам глобализации»;

вузовском преподавании курсов психолингвистики, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, практикума по культуре речевого общения, теории дискурса и др. Материалы исследования могут использоваться при разработке различных типов учебных пособий и учебных справочников.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) В современном российском обществе процесс формирования смыслового содержания прецедентных имен и их номенклатуры в индивидуальном языковом сознании детерминирован основными цивилизационными факторами – массовой культурой и системой школьного образования, которые, в силу ускорения глобализационных процессов, стремительного распространения информационных технологий, фундаментальной трансформации условий и способов социальной ориентации личности, получили неограниченную возможность транслировать ценности и имена, связанные с некой всеобщей, но не национальной, культурой.

2) При наблюдаемом внешнем сохранении основных морально-нравственных ценностей русской лингвокультуры в когнитивной базе народа, количественное совпадение прецедентных имен, обозначающих данные ценности в языковом сознании поколения 60-80-х и современного российского студенчества, минимально. Общими остаются только те имена, которые упоминаются в СМК в связи с каким-либо событиями.

3) Особенности состава и интерпретации смысла прецедентных имен, олицетворяющих ценности *патриотизма, чести, героизма, преданности*, анти-ценностей *предательства, жестокости* в сознании старших респондентов определяются, прежде всего, контекстом исторического развития России. Для студентов в этом случае основную роль играют масскультура и массмедиа, вследствие чего как состав прецедентных имен, так и смысловое содержание ценностей качественно различаются.

4) Реальное смысловое содержание исследованных ценностей *патриотизма, чести, героизма, преданности*, анти-ценностей *предательства, жестокости* в языковом сознании современного студенчества существенно

отличается от конвенционального. Наблюдается, во-первых, сужение значения, причем чаще всего утрачивается компонент, связанный с нравственностью: нравственный принцип (*патриотизм*), совокупность высших морально-нравственных качеств (*честь*), отсутствие связи с личными интересами и потребностями (*героизм*). Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев смысловое содержание ценностей детерминировано границами субъективного я: личная сфера, переживания (*преданность, предательство*), объект действия и его чувства (*жестокость*), ценность, относящаяся только к прошлому (*честь*).

5) Современные учебники по предметам гуманитарного цикла, несмотря на различные стили подачи материала – критический, сократический и софистический – не обеспечивают направленное формирование смыслов морально-нравственных ценностей, характерных для русской лингвокультуры и ассоциированных с российской историей. В этих условиях под воздействием масскультуры и СМК происходит постепенное наполнение национальной когнитивной базы прецедентными именами, относящимися к иным культурам (*патриотизм, честь* – Жанна Д’Арк, *преданность* Хатико, *жестокость* – Башни-Близнецы), сопровождающееся размыванием специфического компонента смысла морально-нравственных ценностей, характерных для национального миропонимания (*успех* – Билл Гейтс), а также семантическим опустошением значений в индивидуальном языковом сознании.

Достоверность результатов обеспечивается фундаментальной основой исследования, репрезентативностью и объемом проанализированного материала (1138 реакций респондентов, получивших образование и прошедших социализацию в советский период истории страны и 1050 реакций современных студентов), комплексным анализом смыслового содержания морально-нравственных ценностей, маркированных прецедентными именами.

Апробация работы. Основные положения и результаты обсуждались на заседаниях кафедры зарубежной филологии МГПУ, в виде докладов и выступлений на конференциях, а также в ряде публикаций. В целом по теме диссертационного исследования опубликовано 8 статей (4 в журналах из списка

ВАК РФ), 5 тезисов докладов. Общий объем опубликованного материала составляет 2,85 п.л.

Структура и объем диссертации. Структура работы определяется ее целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. Специфика существования прецедентного имени в культуре, социуме и языковом сознании их носителя

1.1. Сущность и роль прецедентного имени в национальной культуре

1.1.1. Понятие национальной культуры и ее роль в формировании и сохранении этнического своеобразия народа

В современной науке существует множество определений культуры (см. об этом подробнее в: [Kroeber, Kluckhohn 1952]), и такое положение представляется вполне логичным, так как каждая из предлагаемых формулировок определяется принадлежностью исследователя к одной из парадигм научного знания.

Проблемы культуры в наиболее широком научном контексте обсуждаются в общих рамках культурологического направления, внутри которого (весьма условно, принимая во внимание сходство в целях и задачах), эти работы можно отнести к философии, антропологии и социологии [Сорокин 2000; Риккерт 1983; Ортега-и-Гассет 1991; Стёпин 2010; Гуревич 1995; Каган 1996; Боас 2006; Леви-Брюль 1994; Лич 2001; Ионин 1998; Леви-Стросс 1985].

В психологическом направлении, и, прежде всего, в социальной психологии и этнопсихологии, в фокусе внимания оказывается тесная взаимосвязь психологических и этнических характеристик, специфических для определенного народа, которые, по мнению ученых, и определяют особенности его культурного фонда [Коул 1997; Коул, Скрибнер 1977; Леонтьев 1961; Мацумото 2003; Моль 2008; Бенедикт 2004; Стефаненко 2000].

Не меньший вклад в развитие представлений о культуре как уникальном феномене сыграли исследования, выполняемые в семиотике, где был дан глубокий анализ особенностей этого феномена как информационной системы [Levi-Strauss 1949; Лотман 1992; Лотман, Успенский 1993; Успенский 1996].

В лингвистике специфика связи между культурой, языком и мышлением традиционно изучается в таких ее направлениях как этнолингвистика, этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Бартминьский 2005; Толстой

2003; Толстая 2010; Леонтьев 1993; Уфимцева 2003; Зыкова 2011; Телия 2005; Красных 2002]. Продолжают эту линию исследований активно развиваемые сегодня неопсихолингвистика и психолингвокультурология [Бубнова, Красных 2014; Красных, Бубнова 2015; Бубнова, Зыкова, Красных, Уфимцева 2017], ставящие акцент на своеобразии мировидения, опосредованного культурой, представителей разных социальных групп, а также факторах, обуславливающих эти отличительные черты.

Как подчеркивает П.С. Гуревич, многообразие трактовок культуры объясняется уникальностью данного феномена, выражающего «глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна и многоаспектна и культура. Нас не должно смущать множество определений. Каждый исследователь обращает внимание на одну из ее сторон. Кроме того, и подходы к культуре могут быть различными у разных исследователей. Культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи, историки, психологи, антропологи... Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами» [Гуревич 2003: 28].

Полностью разделяя мнение П.С. Гуревича, отметим важнейший, с нашей точки зрения, факт: независимо от принадлежности к различным научным сферам, и, соответственно, несмотря на различия в методах и способах изучения культуры, все исследователи фокусируют внимание на главном ее предназначении – сохранении и передаче последующим поколениям определенного ценностного национально-специфического отношения общества к миру, подчеркивая невозможность сведения культуры к набору прагматических правил.

Именно это качество культуры прежде всего выделяется во всех словарных определениях.

Так, с точки зрения философии «КУЛЬТУРА (лат. cultura – возделывание, воспитание, почитание) – универсум искусственных объектов (идеальных и материальных предметов; объективированных действий и отношений), созданный

человечеством в процессе освоения природы и обладающий структурными, функциональными и динамическими закономерностями (общими и специальными). Понятие «К.» употребляется также для обозначения *уровня совершенства того или иного умения и его внепрагматической ценности*. < > С т.зр. «К.» может быть рассмотрен любой объект или процесс, в котором нас интересует не только его прикладная значимость, *но и скрытый в нем способ интерпретации и ценностной окраски мира, предполагающий неутилитарный выбор*. Особую роль в К. играет система образования, поскольку культурное наследие не воспроизводится само собой и требует сознательного отбора, передачи и освоения. При этом К. не только поощряет и закрепляет необходимые для нее качества, но и выступает как репрессивная сила, осуществляющая при помощи системы запретов различение «своего» и «чужого». ... Мир К. решает две формально противоположные задачи: *поддержание статичности общества, благодаря сохранению и воспроизведению традиции*, и обеспечение его динамики благодаря творческим инновациям..... В этом отношении К. можно определить как *информационную сверхсистему, которая обеспечивает обратную связь со средой при сохранении фонда исторической памяти*» [Философия: Энциклопедический словарь http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/581] [курсив наш – Д.Г.].

В Большом Энциклопедическом словаре отмечается, что «КУЛЬТУРА (от лат. cultura – возделывание – *воспитание, образование, развитие, почитание*), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, *выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях*, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [Большой Энциклопедический словарь <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/171278>] [курсив наш – Д.Г.].

В Большой психологической энциклопедии культура определяется как «Совокупность материальных и духовных ценностей, созданных обществом и характеризующих определенный уровень его развития. Здесь различается культура материальная и духовная. В более узком смысле термин относится

именно к культуре духовной. Согласно З. Фрейду, культура – это вся сумма достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни животных предков, и служащая целям защиты от природы и урегулирования взаимоотношений. Зиждется на двух началах: на овладении силами природы и на ограничении человеческих влечений. Есть и еще одно ее основание: принуждение к труду» [Большая психологическая Энциклопедия <http://psychology.academic.ru/1010>] [курсив наш – Д.Г.].

Согласно дефиниции, данной в историческом словаре, «Культура – исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, *выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях* [Исторический словарь http://dic.academic.ru/dic.nsf/hist_dic/11514] [курсив наш – Д.Г.].

Новый словарь иностранных слов определяет культуру (лат. culture) как «совокупность материальных и *духовных ценностей*, созданных человеческим обществом и *характеризующих определенный уровень развития общества*, различают материальную и духовную культуру; в более узком смысле *термин к. относят к сфере духовной жизни людей* [Новый словарь иностранных слов http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/39002] [курсив наш – Д.Г.].

И, наконец, в словаре Д.Н. Ушакова отмечается, что культура есть, прежде всего «*Совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе*» [Толковый словарь русского языка <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/846138>] [курсив наш – Д.Г.].

Таким образом, словарные дефиниции подтверждают: в любом направлении науки и, соответственно, в общественном сознании (что отражено в толковых словарях), культура понимается, прежде всего, как ценностная основа, передаваемая через формы организации социальной жизни, прежде всего, через образование. Эта духовная база определенного национально-этнического сообщества содержит в себе важнейшие для народа жизненные смыслы, которые, говоря словами Х. Ортеги-и-Гассета есть: «суть коренные верования, мы не

отделяем их от самой реальности – они наш мир и наше бытие; в связи с этим они, собственно говоря, утрачивают характер идей, мыслей, которые могли прийти, а могли бы преспокойнейшим образом и не приходить к нам в голову. <...> Об идеях, приходящих нам в голову – а здесь следует иметь в виду, что я включаю в их число самые строгие научные истины, – мы можем сказать, что созидаем их, обсуждаем, распространяем, сражаемся и даже способны умереть за них. Что с ними нельзя делать <...> так это жить ими. Они суть наше творение и, стало быть, уже предполагают жизнь, основанную на идеях-верованиях, создаваемых не нами, верованиях, которые мы даже не формулируем, а не то что обсуждаем, распространяем или отстаиваем. С собственно верованиями ничего нельзя сделать, кроме как просто пребывать в них» [Ортега-и-Гассет 2006: 228] (ср.: «вопрос о ее существовании лишен всякого смысла. Проблема ценности есть проблема «значимости» ценности, и этот вопрос ни в коем случае не совпадает с вопросом о существовании акта оценки» [Риккёр http://kulturoznanie.ru/?work=cennost_i_deistvitelnost]).

Иными словами, культура каждого народа «вырастает» из его коренных верований, представляющих собой одну главную ценность, которая и «служит основой и фундаментом всякой культуры» [Сорокин 2000: 47]. Эта обобщенная ценность или, иначе говоря, предельно обобщенная система мировоззренческих представлений и установок, существующих в сознании народа, не просто определяет «способ осмысления, понимания и переживания человеком мира ... < ... В этом отношении *система универсалий культуры предстанет в качестве своеобразного генома социальной жизни*» [Степин 2006] [курсив наш – Д.Г.].

Второе важнейшее свойство культуры, на наш взгляд, заключается в том, что она не хаотична, а представляет собой гигантскую информационную систему со сложной структурой, где ценности духовные, в которых заключены важнейшие представления о мире и отношениях между живыми и неживыми объектами, существующими в нем, являются ее ядром. И, как любая генетическая информация, этот геном социальной жизни передается последующим поколениям

в силу того, что он, в отличие от культуры материальной: «принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» [Толстой 1999: 37], а затем отражается в языке всем тем главным для народа, что он в ходе своей истории «узнал о себе и захотел сообщить другому <...> свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку» [Арутюнова 1999: 3].

Заметим, что именно такой взгляд на культуру как «информационную сверхсистему, которая обеспечивает обратную связь со средой *при сохранении фонда исторической памяти*» [Философия: Энциклопедический словарь http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/581] [курсив наш – Д.Г.], как на «систему информационных кодов, *закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт*, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологическая программа» [Степин 1999: 344] [курсив наш – Д.Г.], берущий начало в философии, активно развивался, однако в несколько ином аспекте, в рамках семиотики в работах Ю.М. Лотмана.

Отмечая, что, в отличие от определения культуры как суммы, получаемой «в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [Тейлор 1989: 18], сегодня культуре «можно было бы дать более обобщенное определение: совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [Лотман 2000: 396], Ю.М. Лотман делает на этом основании несколько выводов, важнейших, как нам представляется, не только в аспекте нашего исследования, но и в целом для объяснения процессов, происходящих сегодня во все более глобализирующемся мире.

Прежде всего, подчеркивая, что сущность культуры состоит в накоплении информации, которая, являясь одним из основных условий существования

человечества, постоянно увеличивается в объеме, Ю.М.Лотман акцентирует внимание на том факте, что она непременно становится предметом обмена в процессе коммуникации (отметим здесь также, что именно на этот факт обращал внимание в своей работе и К. Леви-Стросс [Levi-Strauss 1950]).

Не менее важным моментом является то, что, в отличие от биологического, социальное бытие человека с необходимостью требует наличия невещественного, ценностного в высшем смысле. И в этом случае культура как информация и ингерентный признак человеческого существования, непременно становится, говоря словами Ю.М. Лотмана, полем битвы за выживание – биологическое и социальное [Лотман 2000].

И, наконец, определение сущности культуры как информации, за которую ведется непрерывная борьба, неизбежно ставит вопрос «об отношении культуры к основным категориям ее передачи и хранения» [там же: 395], прежде всего, как нам представляется, к способам фиксации важнейшей для коллективной памяти народа информации, имеющей смысл для определенного национально-этнического сообщества, и к тем социальным институтам, которые призваны транслировать культурную память.

Для нас необходимость особо остановиться на выделенных Ю.М. Лотманом положениях обусловлена тем, что они оказались необычайно актуальными уже в XXI веке, получив свое развитие в различных лингвистических направлениях. В аспекте нашей работы интерес представляют несколько концепций, которые, вобрав в себя многое из семиотики и философии, тем не менее продолжают разработку идей, лежащих в основе отечественной психолингвистики и лингвокультурологии.

Прежде всего, это концепция культуры как комплексного и постоянно эволюционирующего образования, формирующегося на базе трех тесно взаимосвязанных онтологических оснований: духовного, ментального и материально-знакового. Первые два представлены как информационно-порождающие составляющие культуры, материально-знаковое основание выполняет функцию информационного сбережения. Формирование

взаимосвязанных «информационных сетей», ответственных за культурно-специфические характеристики каждого этноса, происходит в процессе познания человеком мира и включает в себя не только знания, но и поступающую к нему постоянно информацию и его чувственный опыт, причем особая роль в этом случае принадлежит языку как знаковому комплексу [Зыкова 2011].

Анализ данной концепции показывает ее тесную связь как с культурно-исторической теорией Л.С. Выготского [Выготский 2004] и теорией деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев А.Н. 1994; Леонтьев А.Н. 2004; Леонтьев А.Н. 1983; Леонтьев А.Н. 2000], так и с отечественной этнопсихолингвистикой, в рамках которой национально-культурная специфика языкового сознания рассматривается в его предметном, деятельностном и ментальном аспектах, т.е. в причинных, пространственных связях явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, причем именно возникающие в ходе познания человеком окружающей его действительности различия (в значительной степени определяемые, как мы полагаем, социально) и обуславливают специфику образа мира в разных культурах [Тарасов 1996; Тарасов 1998; Уфимцева 2000; Уфимцева 2011]. Более того, здесь совершенно очевидна связь и с классической отечественной психолингвистикой, где образ мира рассматривается и как индивидуально-личностное образование, возникающее изначально при непосредственном восприятии и взаимодействии с реальностью, и тогда он опосредован личностными смыслами, и как инвариантный феномен, описывающий общие черты в видении мира различных людей, и, соответственно, «соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [Леонтьев А.А. 1993]. Иными словами, несмотря на индивидуальные различия между носителями одной лингвокультуры, существует и национально-специфический образ мира, наличие которого обусловлено тем, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено <...>; видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого

народа» [Там же: 20]. Таким образом, как в психолингвистике, так и в концепции культуры как комплексной эволюционирующей системы, несмотря на разные ракурсы рассмотрения, подчеркивается внешняя культурная обусловленность индивидуального и этнического сознания.

Основное отличие развиваемых сегодня новых сфер лингвистического знания – неопсихолингвистики и психолингвокультурологии [Бубнова, Красных 2014; Красных, Бубнова 2015; Бубнова, Красных 2014; Бубнова, Зыкова, Красных, Уфимцева 2017] – от классической этнопсихолингвистики состоит в том, что с точки зрения последней: «В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы, сквозь призму которых человек и смотрит на мир. В процессе социализации происходит “присвоение” этой системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека» [Уфимцева 2004: 5]. Что касается авторов предлагаемой концепции, то они полагают, что в этнопсихолингвистике, развиваемой в рамках московской психолингвистической школы, учитываются только центростремительные силы, в роли которых выступает культура, позволяющая сохранять этническое своеобразие. При этом они подчеркивают (см., например, [Бубнова, Красных 2013; Бубнова, Красных 2014; Бубнова, Красных 2016]), что тот же Ю.М. Лотман неоднократно обращал внимание на весьма важный для развития науки факт: «существование человеческого мира, полностью организованного по циклическим моделям, представляет собой философскую абстракцию, обращенную против исторической реальности. Линейная модель движения – столь же древняя, как и само человечество. Конечно, соотнесение линейных и циклических процессов многократно меняло свой характер на протяжении долгого пути человечества. Но их конфликтная соотнесенность всегда была динамическим фактором развития культуры» [Лотман 2000: 145]. В силу этого, обращаясь к представлениям о развитии человеческого общества этнологов и антропологов, в частности, к мысли Леви-Стросса об инвариантах

человеческого общества, о всеобщности, лежащей за их эмпирическим разнообразием, о существовании некоего общего механизма, «который, возможно, лежит в основе тех различных способов, каким человеческий разум действует в различных обществах, на разных этапах исторического развития» [Леви-Стросс 1994: 340], исследователи выдвигают гипотезу, сущность которой заключается в том, что и сама культура – это результат преобразования предобраза мира, в основе формирования которого лежала изначально «неприрученная» (термин К. Леви-Стросса) мысль отдельного человека, входящего в некую социальную группу. «Именно эта мысль и разворачивалась линейно, позволяя первым людям осваивать действительность, окружающую их. Именно она и продолжает, на индивидуальном уровне, разворачиваться линейно, изменяя постепенно ОБРАЗ МИРА всего этноса» [Бубнова, Красных 2014: 12]. Разрабатывая данное представление далее, И.А. Бубнова и В.В. Красных приходят к выводу, что в неопсихолингвистике как одном из современных направлений психолингвистики акцент должен быть перенесен на категорию человек, который «являясь основным звеном в диаде индивид – языковое сознание этноса, определяет не только своеобразие структуры и содержания последнего, но и сложность его природы, динамику и направления его изменений» [Там же]. Предлагаемый ракурс исследования связывает неопсихолингвистику, с одной стороны, и концепцию И.В. Зыковой, с другой, т.к. совершенно очевидно, что формирование непротиворечивой и цельной «информационной сети», определяющей культурно-специфические характеристики каждого этноса, непосредственно зависит как от способности отдельного человека к усвоению знаний и переработке всей поступающей из внешнего мира информации, так и от типа информации, поступающей из социума.

Таким образом, в рассмотренных направлениях именно человек и его образ мира становится тем основным звеном, от которого непосредственно зависит сохранение этнического разнообразия культур (ср. с мыслью В.Н. Телия: «базовой категорией культуры является человек, а базовой оппозицией – достойно / недостойно личности» [Телия 1996: 169], что, в свою очередь, делает

возможным объяснение как стабильности культурных ценностей, так и их динамики. В этом случае в фокусе внимания оказывается смысловое содержание культурных знаков в сознании личности как члена определенной социальной группы, т.к. именно специфические, отличные от инвариантного понимания, черты, становясь групповой тенденцией, способны изменить в обозримом будущем национальный геном социальной жизни.

Подводя краткий итог всему, сказанному выше, подчеркнем следующее:

1) Культура – это совокупность достижений общества, ядром которых являются духовные ценности, определяющие основы миропонимания и отношения к миру членов данной культуры. Эти ценности часто имеют неосознаваемый характер, однако именно они детерминируют иерархию смысложизненных ориентаций и поведение их носителей.

2) В любом национально-этническом сообществе культура представляет собой некое информационное поле, которое растет вместе с развитием социума. При этом существование культуры неизбежно в силу присущей человеку особой потребности – потребности в информации, являющейся необходимым средством познания мира.

3) Важнейшим фактором является то, что владение информацией определенной социальной группой, с одной стороны, и потребность в ней у социума в целом, с другой, стимулируют, во-первых, обмен ею в процессе коммуникации, и, во-вторых, огромную заинтересованность определенных социальных слоев в ее отборе и способах подачи. Этот аспект культуры представляет чрезвычайно важным в рамках нашей работы, поэтому он будет рассмотрен детально в следующих разделах исследования.

4) Культура представляет собой сложнейшую систему иерархически организованной структуры знаков, представленных разными, в том числе и вербальными, языками. Наличие различных языков в общей системе культуры позволяет существовать ей в двух различных видах: в виде «сверхязыка» (термин Ю.М. Лотмана), естественно и непротиворечиво объединяющего все возможные

языки данной культуры, либо в виде симбиоза нескольких самостоятельных систем.

5) На современном этапе развития человечества не существует единой общечеловеческой культуры, так как пока не существует всеобщей определённой иерархически организованной структуры знаков, включенных в единую систему языка (в семиотическом смысле этого термина), подчиненных признанным всем человеческим сообществом единым правилам их сочетания. Такая единая общечеловеческая культура на настоящий момент является абстракцией, т.к. каждое национально-этническое сообщество погружено в собственную культуру в силу того, что оно пока пользуется своим национальным языком, в котором закодированы присущие данному народу ценности.

6) В диаде человек – культура человек как член определенной группы может играть как роль звена, стабилизирующего присущий данному лингвокультурному сообществу геном социальной жизни, так и противоположную роль, когда изменения смыслового содержания, стоящего за культурными знаками в определенном социальном слое, могут провоцировать изменения на уровне национально-этнического миропонимания.

1.1.2. Фразеологизмы и прецедентные феномены как элементы концептосферы культуры. Прецедентное имя с позиций лингвокультурологии и психолингвистики

История развития любого этноса, все знаменательные события, повлиявшие на его становление и остающиеся значимыми для современных поколений, а также ценности, на которых в течение столетий выстраивалось мировидение и миропонимание того или иного народа, отражены в текстах: летописях, исторических документах, художественных произведениях. Не менее значимым источником, позволяющим понять особенности национального характера, является паремиологический фонд языка и фразеологизмы. Последние в рамках интенсивно развивающейся в настоящее время лингвокультурологии определяются как один из наиболее емких «языков культуры» (см. об этом

подробнее: [Телия 2004; Большой фразеологический словарь русского языка 2006]) в силу того, что в них заключены и универсальные, и национально-своеобразные черты разных этносов, раскрыть которые становится возможным в ходе скрупулезного лингвокультурологического анализа. Именно такой подход, как было убедительно доказано в рамках московской школы лингвокультурологии, идеи которой были заложены в работах В.Н. Телия [Телия 1993; Телия 1994; Телия 1995], позволяет не только выявить связь образа фразеологизма с древнейшими пластами культуры: архетипами, мифами, религиозными представлениями, обрядами и обычаями народа, но и, как подчеркивает И.В.Зыкова, соотнести их образное содержание с кодами культуры и видами тропов, что и позволяет рассматривать их не просто как языковые, но как культурно-языковые знаки: «Культура инкорпорирована в «тело» фразеологического знака и транслирует через его значение свое – культурное – содержание, благодаря чему фразеологизм становится знаком культуры» [Зыкова 2015: 83]. Другими словами, фразеологизмы относятся, прежде всего, к сфере ментального, а само их появление, как и дальнейшее функционирование в системе языка тесно связано с когнитивным процессом – познанием мира, которое происходит в процессе его переживания (эмоционально-чувственного, душевного и эстетического) и осмысления (архетипического, мифологического, религиозного, философского и научного) [Зыкова 2011]. При этом вся полученная «ценностная информация содержится, хранится, репрезентируется в дифференцированном виде в разного рода концептуальных сущностях (концептах), совокупность которых представляет собой **концептосферу**. Ее образование можно фактически рассматривать как собственно **культурный процесс**» [там же: 44] [выделено автором – Д.Г.].

Таким образом, фразеологизмы являются неотъемлемой частью концептосферы культуры, представляющей собой, по мнению автора работ, процитированных выше, **«сложнейшее системное образование, которое создается из концептуально упорядоченной и концептуально оформленной ценностной информации, выработанной или полученной в результате**

познания неким сообществом мира и воплощенной (или воплощаемой) во всем множестве существующих невербальных знаков самой разной природы и составляющих различные и взаимосвязанные семантические области» [там же: 47] [выделено автором – Д.Г.], причем И.В. Зыкова особо отмечает, что концептосфера культуры охватывает (и, соответственно, воплощается в семиотических знаках) самые разные сферы, куда входит и повседневная реальность, и социальные отношения, и разнообразные виды искусства (см. подробнее [там же]).

Не менее важным элементом концептосферы, стремительный рост интереса к которым был также связан со становлением московской школы лингвокультурологии, являются прецедентные феномены, теснейшим образом связанные с фразеологизмами и рассматриваемые, подобно последним, как «сгустки культурной информации» [Красных 2002], входящие в ядро когнитивной базы определенного лингвокультурного сообщества. Близость фразеологизмов и прецедентных феноменов определяется тем, что и первые, и вторые имеют в своей основе чувственное восприятие, осознание и ценностное переживание некоторого явления или события, которое затем закрепляется вербально (выражением или словом) в языковом сознании народа, т.е. в его ментальном мире.

Само понятие прецедентности, как и термин прецедентный текст, появляются в известной работе Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Подчеркивая, что «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре» [там же: 216], Ю.Н. Караулов выделяет основные характеристики, необходимые для причисления текста к прецедентному:

- 1) значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях,
- 2) сверхличностный характер, т. е. широкая известность текста не только для данной личности и ее современников, но и предшественников, и, наконец,

3) постоянное обращение к подобному тексту в дискурсе данной языковой личности [там же: 216]. Важным для дальнейших исследований феномена прецедентности оказывается, на наш взгляд, не только выделение значимых черт прецедентного текста, но и замечание автора о том, что только прецедентному тексту доступно семиотическое существование. Иными словами, прецедент «вступает в игру» несмотря на то, что он вводится в сжатом виде, активируя в сознании личности некое социально-психологическое явление или значимое в общественно-политическом либо историческом плане событие.

Здесь следует особо подчеркнуть, что само положение об определенной соотношенности языковых единиц с внеязыковой действительностью, на которое опирался Ю.Н. Караулов, вводя в научный обиход новый термин, не являлось чем-то новым и всегда признавалось одной из методологических основ в языкознании. Именно этим объясняется тот факт, что одновременно с развитием понятия прецедентности в теории языковой личности, в отечественной науке глубоко исследовались и другие феномены, способные при восприятии какого-либо слова актуализировать культурные представления, существующие в сознании человека. Прежде всего это относится к изучению различных аспектов механизмов референции, специфических черт русской языковой картины мира, различных сторон проблемы отражения культуры в языке [Арутюнова 1999; Булыгина, Шмелев, Зализняк 2000; Зализняк 2005; Верещагин, Костомаров 2005; Степанов 1997] и некоторых других феноменов.

Однако даже на этом фоне проблема прецедентного оказалась в центре внимания лингвистов, что в значительной степени было связано с ростом работ, выполняемых в когнитивной парадигме. С одной стороны, новая модель, сформировавшаяся в отечественной науке к концу XX века, объединила многих исследователей, работающих в разных сферах научного знания, но сфокусированных на выявлении специфических, обусловленных культурой, черт того или иного национального сообщества. С другой, изучение определенного набора знаний, хранящих культурные смыслы, которые зафиксированы в языке и в силу этого служат сохранению этнического своеобразия, стало одним из

магистральных направлений в появившейся в России когнитивной лингвистике. При этом межпредметный характер самой проблемы обусловил возникновение и развитие сразу двух лингвистических течений: лингвокультурологии и лингвоконцептологии, представляющих собой, как отмечает С.Г.Воркачев, направление, характерное именно для русскоязычного научного пространства, где основной единицей анализа «является концепт (лингвокультурный), нашедший своё самое общее определение: это сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке). Лингвокультурные концепты – это конституирующие единицы этнического менталитета и организующее начало дискурса» [Воркачев 2010], и это положение подтверждается целым рядом работ, выполненных отечественными учеными [Воркачев 2007; Воркачев 2008; Карасик 2004; Попова 2001; Попова 2007; Слышкин 2004; Стернин 2008].

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что именно благодаря совокупным результатам, полученным исследователями, относящими себя к разным течениям и школам, в настоящий момент появилась возможность говорить не только о национальной концептосфере, но и о специфике содержания когнитивной базы – определённым образом структурированной совокупности «знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2002: 113], обеспечивающей сохранение чувства национальной идентичности и передачу культурных ценностей нации от поколения к поколению.

Что касается собственно теории прецедентности, то она была развита в исследованиях В.В. Красных [Красных 1999; Красных 2001; Красных 2002; Красных 2003], Д.Б. Гудкова [Гудков 1997; Гудков 1998; Гудков 1999; Гудков 2003; Гудков 2004], И.В. Захаренко [Захаренко 1997; Захаренко 1997; Захаренко 1999].

В данной концепции выделяется четыре типа прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация [Красных 2002], определяемые ее авторами как

«феномены 1) хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [там же: 58]. Следует подчеркнуть, что именно такой широкий подход к формам существования прецедентов (отметим, что в настоящее время само понятие прецедентности трактуется и как функциональная категория [Панарина 2017: 48]), позволяющий охватить весь круг явлений – предания и мифы, устно-поэтические произведения, включая и различные виды устной народной словесности, популярные фильмы, имена киногероев или их реплики, названия произведений искусства (скульптуры, картины), уникальные архитектурные сооружения и т.п., – которые в настоящее время многие исследователи относят к прецедентным, определил высокий теоретический и аппликативный потенциал данного направления в современной когнитивной лингвистике, психолингвокультурологии и когнитивной лингвокультурологии.

В нашем исследовании прецедентные феномены (далее – ПФ) понимаются как «культурные предметы», которые, с одной стороны, имеют сверхличностный характер, а, с другой, значимы для человека в познавательном и эмоциональном отношении [Караулов 2010]. Очевидно, что в силу вышеперечисленных свойств, все ПФ отражают и обуславливают специфику национального характера в целом. Однако, как нам представляется, наиболее емким и точным «зеркалом» глубинного содержания языкового сознания того или иного лингвокультурного сообщества, его ценностей, внутренних установок, целей и мотивов поведения общенационального языкового типа, являются прецедентные имена – имена людей, олицетворяющие определенную идею, культурный эталон, используемый в лингвокультурном сообществе в качестве меры, что позволяет его членам воспринимать явление, называемое этим именем, в качестве такового. Специфика прецедентных имен заключается в том, что они, будучи тесно связаны с национальным языком, одновременно передают и культурное своеобразие, и

исторический путь развития народа, и его настоящее, позволяя тем самым делать прогнозы относительно его будущего.

С точки зрения психолингвистики как набор прецедентных имен (далее ПИ), составляющих, с одной стороны, весомую часть национальной конфетосферы, а, с другой, элемент индивидуального образа мира, так и их содержание, а также функционирование в языковом сознании народа и его отдельных представителей, определяется целым рядом факторов.

Прежде всего, эти имена, являясь неотъемлемой частью когнитивной базы национального сообщества (далее – КБ), значимым фрагментом инвариантной картины мира, входят в фонд экстралингвистических знаний, приобретаемых личностью в процессе ее социализации. В этом случае совершенно очевидна роль социума в наполнении содержания ПИ, т.к. именно через различные социальные институты, масс-медиа, интернет, массовую культуру в сознание отдельного человека транслируется информация, которая направлена либо на сохранение, либо на изменение национальной системы мировидения и миропонимания, закрепленной, в том числе, и в прецедентных именах.

Не менее важным аспектом оказывается то, что в языковом сознании человека ПИ связаны не только (и не столько) с текстом, но с ситуацией, символом которой это имя является. Иначе говоря, за его значением всегда стоят как лингвистические, так и феноменологические структуры. И то, как происходит конструирование конкретной ситуации, а затем ее инварианта в индивидуальном сознании, и, соответственно, каким образом подобный спектр ситуаций будет восприниматься человеком в дальнейшем в реальной жизни, зависит от:

- 1) социальной оценки данной ситуации;
- 2) глубины понимания личностью культурных ценностей, отражаемых в ПИ;
- 3) индивидуального знания содержания слова, маркирующего определенное положение дел.

Следующий важный момент заключается в том, что любое ПИ отражает культурные ценности народа, сформировавшиеся в его истории. Однако в

настоящий момент сторонники процесса глобализации в его современном понимании не считают необходимым учитывать специфику исторического своеобразия наций и народов. Целью наблюдаемой сегодня перестройки мира является не просто унификация, но повсеместное внедрение западных ценностей, что нивелирует само понятие диалога культур, которое, как доказывают многие исследователи, оказывается в таких условиях довольно спорным [Викулова, Серебренникова, Кулагина 2011: 199]. Более того, результатом экспансии определенного спектра ценностей является явная тенденция к смысловым сдвигам и созданию новых смыслов [там же: 205] (алгоритм деактуализации культурного смысла прецедентных имен детально описан в работе Н.С.Панариной [Панарина 2017]), в это, в свою очередь, не может не отражаться в «наборе» ПИ, входящем в национальную КБ, что было доказано экспериментально [Подрезова 2016].

Имеет серьезное значение и тот факт, что содержание, стоящее в сознании отдельной личности за тем или иным словом, тем или иным культурным предметом (следовательно, и за ПИ), в высокой степени определяется её интеллектуальными характеристиками [Бубнова 2015; Бубнова 2008; Караулов 2010]. С этой точки зрения сохранение традиционного набора ПИ с их культурным содержанием непосредственно зависит от когнитивных способностей человека, которые не просто тесно связаны, но в значительной степени обусловлены всей системой обучения: содержанием учебных курсов, отбором и организацией материала, используемыми в процессе преподавания методами и приемами. Основными результатами системы обучения и воспитания являются, во-первых, создание в сознании личности определенного образа окружающего мира, и, во-вторых, формирование определенного типа мышления [Бубнова 2017; Бубнова 2017; Бубнова 2018] (см. также: [Леонтьев А.А. 1969; Леонтьев А.А. 2006]).

Мы считаем, что номенклатура и объём содержания ПИ, существующих в концептосфере культуры в определенный момент развития лингвокультурного сообщества, непосредственно зависят от факторов, описанных выше. И в случае

трансформации даже одного из перечисленных параметров (например, сдвига в оценке какой-либо информации либо ситуации, упрощения смыслового содержания слова, смены ведущего типа мышления и, тем более, при радикальном изменении нескольких социальных и социолингвистических характеристик языковой общности), связи между понятиями в индивидуальном тезаурусе становятся нестабильными, что в дальнейшем не может не приводить к переформатированию личной иерархии смыслов и ценностей и, соответственно, к изменениям в содержании ПИ. Накапливаясь, такие изменения могут спровоцировать изменения в общей когнитивной базе и, соответственно, в инвариантной части структуры общенациональной языковой личности [Бубнова, Красных 2014].

Таким образом, совокупность описанных выше особенностей ПИ с позиций психолингвистики и неопсихолингвистики, учитывающей деятельностный характер формирования значения слова как в сознании отдельной личности, так и в языковом сознании социума, позволяет не только рассматривать его динамику, но и объяснять те изменения в когнитивной базе, которые отражаются в языковом сознании и могут быть выявлены экспериментальным путем.

Суммируя вышесказанное, выделим наиболее значимые для нашего исследования моменты:

1) Прецедентные феномены обладают всеми характеристиками фразеологизмов: они относятся к сфере ментального, в их основе лежит чувственное восприятие, осознание и ценностное переживание некоторого явления или события, которое затем закрепляется в языке и сохраняются в языковом сознании народа. Эти свойства прецедентных феноменов позволяют утверждать, что они, как и фразеологизмы, не просто являются частью концептосферы культуры, но представляют собой один из наиболее емких «языков культуры».

2) Наиболее точно ценностные установки, ценностную основу мировидения и миропонимания народа передают прецедентные имена, т.е. имена людей, олицетворяющие определенную идею, культурный эталон,

воспринимаемый в лингвокультурном сообществе в качестве меры. Использование ПИ для маркирования ситуации позволяет носителю культуры не только определить явление, названное этим именем, но и дать ему безошибочную оценку. Специфика прецедентных имен заключается в том, что они, будучи тесно связаны с национальным языком, одновременно передают и культурное своеобразие, и исторический путь развития народа, и его настоящее, позволяя тем самым делать прогнозы относительно его будущего.

3) Прецедентные имена являются одновременно значимой частью национальной концептосферы и элементом индивидуального образа мира. Их набор, содержание и специфика функционирования на каждом этапе развития общества определяются рядом параметров:

- типом информации, транслируемой через различные социальные институты, через СМИ, интернет, культуру и т.д.;
- специфическими условиями, в которых происходит конструирование конкретной ситуации, а затем ее инварианта, обозначаемой ПИ, в индивидуальном сознании человека;
- доминирующим типом мышления, формирование которого в значительной степени зависит от процесса образования и воспитания.

В настоящий момент к этим параметрам добавляется фактор глобализации, целью которой является унификация и создание новых смыслов в коллективном сознании народа и индивидуальном сознании человека;

4) Трансформация любого и, тем более, одновременное изменение всех параметров приводят к нарушению устойчивости связей между понятиями в индивидуальном тезаурусе, что в дальнейшем должно вести к изменению личной иерархии смыслов и ценностей и, соответственно, к изменениям в содержании ПИ. Накапливаясь, такие изменения могут спровоцировать изменения в общей когнитивной базе и, соответственно, в инвариантной части структуры общенациональной языковой личности.

5) Одним из наиболее продуктивных не только с точки зрения анализа динамики номенклатуры ПИ и их содержания, но и с точки зрения

прогнозирования изменений в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, моделирования структуры современной русской языковой личности, является психолингвистический подход к исследованию прецедентных имен.

1.1.3. Национальная культура и цивилизация как элементы общего информационного поля культуры. Специфика соотношения национальных и цивилизационных аспектов поля культуры в XXI веке

Как отмечалось выше (см. раздел 1.1.1.) культура в любом национально-этническом сообществе представляет собой мощное информационное поле, расширяющееся по мере развития социума. Человек как социальное существо не может существовать вне этой информации, т.к. только она позволяет личности в процессе познания окружающей реальности формировать свое отношение к ней, вырабатывать собственную систему смысло-жизненных ориентаций, мотивов деятельности, ценностей, касающихся как бытовых, так и бытийных сторон жизни, т.е. формировать собственный индивидуальный образ мира.

Иначе говоря, развитие данного психического феномена, понятие которого в современной психолингвистике (вслед за психологией) стало интегрирующим для описания всей феноменологии восприятия мира личностью, с точки зрения культурно-исторической теории связано с вращением человека в культуру, с развитием у него общественно-исторических форм поведения, с овладением различными ситуациями, как бытовыми, так и отражающими ценностные основы любого лингвокультурного сообщества [Выготский 1982]. Сама возможность осуществления этого процесса определяется двумя важными факторами. Во-первых, он опосредован знаками, которые интериоризируются, переходя из материальной формы к знакам внутренним, и только в этом случае внешний знак, «превратившийся» в идеальную форму в сознании индивида, начинает определять его поведение. Во-вторых, овладение культурным знаком происходит только в контексте общения, и это особо подчеркивал Л.С. Выготский, акцентируя внимание на роли «другого» в присвоении личностью функции управления собственным поведением [Выготский 1983].

Если и далее следовать логике вышеупомянутой теории, положения которой полностью разделяются в нашей работе, то мы неизбежно должны прийти к заключению, что объяснение специфики наполнения индивидуального

образа мира в целом, как и специфики функционирования в данном образе мира прецедентных имен как знаков культуры, невозможно, если неизвестны социальные прообразы содержания сознания человека в их культурной, в том числе и языковой, форме (см. подробнее в [там же]). Это, в свою очередь, означает, что в общем информационном поле культуры, формирующего человека, следует различать социальный и собственно национально-культурный аспекты, а тогда одной из важных проблем становится проблема соотношения социума и национальной культуры.

Необходимо сразу отметить, что в лингвистической науке социальные процессы, рассматриваемые как экстралингвистические факторы, опосредованные «внешними учреждениями и обычаями» [Лабов 1975: 320], являются, как правило, предметом социолингвистики. Именно в рамках данного научного направления были предложены несколько различных классификаций социолингвистических переменных, т.е. величин, которые зависят «от некоторой нелингвистической переменной социального контекста: говорящего, слушающего, аудитории, обстановки и т.п.» [там же] и определяют различные виды языкового варьирования.

Анализ работ, посвященных исследованию социолингвистических переменных, позволяет полагать, что в целом, несмотря на существующие различия в подходах, все эти величины: социально-экономические, возрастные и этнические [Лабов 1975: 150], идеологические, социально-территориальные, социально-профессиональные и функциональные [Дешериев 1977], собственно социальные, биологические и психологические [Ерофеева 2004, Крысин 1989; Крысин 2003; Швейцер 1977; Cheshire 1997; Fisher 1964; Hymes 1972; Trudgill 1974] являются факторами, имеющими непосредственное отношение не просто к социуму, но к цивилизации, которая, как отмечал В. фон Гумбольдт, «есть очеловечивание народов в их внешних учреждениях, обычаях и в относящейся сюда части внутреннего духовного уклада» [Гумбольдт 1984: 59], а не к культуре, проявляющейся в обществе в том, что она «к этому облагороженному состоянию добавляет науку и искусство» [там же: 57].

Более того, высказывание В. фон Гумбольдта о том, что «...в кругу понятий в языке каждого, даже нецивилизованного народа, наличествует некая совокупность идей, соответствующая безграничным возможностям способности человека к развитию и *отсюда без всякой помощи извне* можно черпать все, в чем испытывает потребность человек, то есть любые понятия, которые входят в объем человеческой мысли» [там же] [курсив наш – Д.Г.] позволяет предполагать, что великий философ языка связывает цивилизацию именно с европейским обществом, с его социальным укладом, нормами и традициями, с техническим прогрессом, противопоставляя его иным нецивилизованным этносам. При этом, разделяя цивилизацию и народную (примитивную) культуру, В. фон Гумбольдт подчеркивает, что именно последняя предстает как духовное воплощение индивидуальной жизни нации, хранящееся в ее языке [Гумбольдт 1984].

Несколько иначе подходит к проблеме соотношения культуры и цивилизации Н.Я. Данилевский, полагая, что различия между культурами определяются разными типами организации цивилизаций – славянской (православной) и романо-германской (католическо-протестантской). Подвергая критике идею всеобщего человечества, настоящей исторической реальностью философ считает определенные культурно-исторические типы, которые в своем жизненном цикле проходят несколько стадий – зарождения, возмужания, дряхления и, наконец, выполнив целый ряд духовных задач, прекращают свое существование в силу появления новых народов, и, соответственно, новых идей. Главное отличие между культурно-историческими типами, только которые и должны рассматриваться как самобытные цивилизации, по мнению Н.Я. Данилевского, заключается в реализуемых каждым из них видах деятельности: религиозной, культурной, политической, социально-экономической. Один из основных постулатов концепции отечественного мыслителя заключается в том, что каждый народ, т.е. каждый культурно-исторический тип, может играть одну из трех возможных ролей: развивать свою собственную самобытность, служить «бичом Божьим», разрушающим

агонизирующие цивилизации, либо быть этнографическим материалом, позволяющим другим реализовать свои цели и задачи [Данилевский 1991].

Многие идеи Н.Я. Данилевского созвучны мыслям К.Н. Леонтьева, однако, в отличие от первого, К.Н. Леонтьев полагает, что жизнь любого культурно-психологического типа ограничена тремя периодами развития, причем на последней его стадии вторичного упрощения и смешения доминирование посредственностей приводит к однообразию, а стремление к комфорту, присущее технологически развитой цивилизации, приводит к гибели культуры [Леонтьев К.Н. 2007]. Иначе говоря, по К.Н. Леонтьеву, возможно возникновение одного культурного типа, присущего всему человечеству, однако это смешение, связанное с распадом внутренней структуры культур и ее упрощением, ведет, в конечном итоге, к ее смерти.

Для П.А. Сорокина, в отличие от Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, рассматривающих культурно-исторические типы, характерно совершенно четкое «разведение» цивилизации и культуры, и в этом его подход близок к концепции В. фон Гумбольдта. П.А. Сорокин полагает, что цивилизации – это «социальные системы, сложившиеся на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм или интересов, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей» [Цит. по: Ерасов 2001: 49]. С другой стороны, утверждение автора о том, что эти системы проходят несколько фаз развития – от происхождения до распада, – сменяя друг друга, поэтому «смерть» культуры – лишь кажущийся феномен, тогда как в действительности эта «мнимая смертная агония была не чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил» [Сорокин 1992], сближает его теорию с теориями других русских философов.

Идею о цикличности развития, в значительной степени совпадающую с подходом К.Н. Леонтьева, развивает и О. Шпенглер, считающий, что каждая культура представляет собой сформировавшуюся в течение столетий историко-культурную ценность, проходящую в своем развитии несколько этапов.

Цивилизация есть последняя и неизбежная фаза развития культуры, выражающаяся в ее внезапном перерождении, резком надломе всех творческих сил, переходе от живой духовной деятельности к деятельности механической, от форм органических к массово-уравнительным и государственно-технократическим: «Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окоченение за развитием ... Она неотвратимый конец; к ней приходят с глубокой внутренней необходимостью все культуры» [Шпенглер 1923: 33]. Основными признаками цивилизации, по Шпенглеру, являются атеизм и материализм, агрессивная экспансия вовне, радикальный революционизм, сциентизм, техницизм и урбанизация, по поводу которой О. Шпенглер замечал: «В мировом городе нет народа, а есть масса» [там же].

Близок к О. Шпенглеру в своей трактовке цивилизации А. Тойнби, утверждающий, что «... зарождению цивилизации способствуют наиболее трудные условия существования, имея в виду как природную среду, так и человеческое окружение» [Тойнби 1996: 116], а ее смерть связана с утратой силы самодетерминации, с расколом, причиной которого, как утверждает Тойнби «является вырождение меньшинства, ранее способного руководить благодаря своим творческим потенциалам, но теперь сохраняющего власть лишь благодаря грубой силе» [там же: 369].

Представления о соотношении цивилизации и культуры, высказанные как отечественными, так и зарубежными философами, в определенной степени перекликаются с идеями Л.Н. Гумилева, положенными в основу его теории этногенеза, где под культурой понимается объединение традиций и материального производства. Однако существует и значимое, на наш взгляд, отличие данной концепции от проанализированных выше, квинтэссенцией которого является следующая мысль, постоянно подчеркиваемая Л.Н. Гумилевым: «В отличие от культурной традиции, *традиция этническая – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей, поддерживаемое их пассионарностью.* <...> и в

формировании культуры пассионарность играет свою роль, но это роль не руля, а двигателя. <...> Творческого эмоционального порядка недостаточно, ибо без упорного стремления к цели создать законченное произведение нельзя. <...> *способность жертвовать собой ради идеала – это и есть проявление пассионарности*» [Гумилев 2003: 290] [курсив наш – Д.Г.] И именно потеря пассионарности ведет к гибели этноса (отметим, что сами идеи Л.Н. Гумилева о существовании различных стадий развития этноса позволяют отнести эту теорию, как и иные, проанализированные выше, к теориям циклического развития), причем, как отмечает автор, *в результате утраты языка и культуры исчезает именно этнос, но не сами люди*, которые остаются и становятся частью иных этнических систем [там же] [курсив наш – Д.Г.].

Таким образом, во всех вышеупомянутых концепциях (отметим, что теорий цивилизации в науке существует значительно больше, однако их описание и анализ выходит за рамки нашего исследования), несмотря на существующие отличия, подчеркивается, что:

1) Цивилизация представляет собой некую культурную суперсистему, возникающую в результате длительного исторического развития на основе объединения между собой нескольких культур. Основную роль в процессе становления цивилизации играют различные социальные системы, т.е. государство со всеми присущими ему социальными институтами, которые, благодаря потребности человека в наличии вещных и невещественных, высших смыслов, определяют, поддерживают, изменяют либо нивелируют ценность культурного наследия каждого этноса, входящего в культурную суперсистему.

2) Этническая культура продолжает сохраняться в национальном языке, представляющем собой не просто единственный возможный способ ее существования, но и важнейший код для формирования и воплощения мысли, духовную базу любого лингвокультурного сообщества, определяющую то, каким образом человек видит, осмысляет, переживает и оценивает окружающий его мир. *Главными в этом случае становятся не застывшие формы, а нравственные*

ценности народа, которые проявляются в преемственности моделей поведения, определяющих условия сохранения этнической культуры.

3) Уникальность бытия человека в мире определяется тем, что он одновременно является, с одной стороны, центром культуры как некоего информационного поля и языка, являясь их носителем и творцом, а с другой, представителем определенных социальных групп, т.е. носителем определенных цивилизационных ценностей. И в этом случае важность культурных и цивилизационных смыслов в его личном мировидении определяется той информацией, которую он присваивает в течение своей жизни в процессе социализации.

4) Владение информацией определенной социальной группой, с одной стороны, и потребность в ней у социума в целом, с другой, стимулируют, во-первых, обмен ею в процессе коммуникации, и, во – вторых, огромную заинтересованность определенных социальных слоев в ее отборе и способах подачи с целью сохранения существующего положения вещей. Особое значение данный фактор приобретает в настоящее время, когда культура под воздействием процесса глобализации переживает процесс трансформации, превращаясь из народной, этнической в массовую, нацеленную на «человека-массу» (по Ортеге-и-Гассету) и адаптированную к его восприятию.

5) Глобализационные процессы, изменяя традиционную культуру, не могут не влиять на образовательную систему – особую среду, ответственную за формирование типа личности, который востребован обществом в тот или иной исторический период его развития.

1.2. Прецедентное имя и социум

1.2.1. Роль системы образования в формировании номенклатуры и содержания прецедентных имен

Современное человечество живет в эпоху глобализации, под которой традиционно понимается «процесс сближения и роста взаимосвязи наций и

государств мира, сопровождающийся выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных стандартов» [Большая актуальная политическая энциклопедия https://greater_political.academic.ru/], уже в течение нескольких десятилетий. Иными словами, одной из основополагающих черт настоящего момента развития является смешение различных культурно-исторических типов (термин Н.Я. Данилевского), становление глобальной культурной суперсистемы, в рамках которой выживание этноса, если следовать положениям теории Л.Н. Гумилева, становится возможным только при условии сохранения системы этнического мировидения, системы нравственных ценностей, проявляющихся, прежде всего, в поведении людей. Специфика миропонимания каждого этноса, в свою очередь, отражена в его языке, через который и передаются основные ценности народа.

Несмотря на многочисленные дискуссии о сущности глобализации как нового периода жизни мирового сообщества, ведущиеся сегодня в СМК, отметим, что анализ научных работ, посвященных данному феномену и его влиянию на развитие общества, языка и отдельной личности, выполненных в рамках лингвистики [Гриценко, Кирилина 2010; Blommaert 2010; Coupland 2010; Fairclough 2006; Blommaert 2005; Heller 2010; Johnstone 2010], а также других научных направлений – экономики, социологии, культурологии, теории цивилизаций [Колодко 2002; Колодко 2017; Элвуд 2013; Ках 2008; Глобализация и девиантность <https://www.libfox.ru/635847-kollektiv-avtorov-globalizatsiya-i-deviantnost.html>; Карпов <https://www.litres.ru/andrey-karpov-9859212/bazisnye-kulturno-socialnye-processy-sovremennosti-globalizaciya-neogumanizm-neototalitarizm>; Гидденс 2004; Кокшнева 2003; Корженский 2006; Кшиштофек 2005; Пирогов 2000; Поршнев 1973] позволяет утверждать, что идея построения всеобщего мира возникла не в XX веке, но имеет достаточно длинную историю: в том или ином виде она обсуждалась еще в эпоху Просвещения, на протяжении нескольких столетий о ней размышляли философы, такое мироустройство описывалось во многих утопиях и антиутопиях. Однако на практике процесс глобализации начинается только несколько десятилетий назад, что объясняется, с

одной стороны, экономическими причинами, в частности, трансформацией индустриального общества в постиндустриальное и связанным с этим фактором ростом потребности капитала во все новых ресурсах и рынках сбыта своего товара, а, с другой стороны, стремлением к доминированию, присущим западной цивилизации (собственно, этот приоритет западной цивилизации, который проявляется в ее постоянной «воле к власти» в терминах Ф. Ницше, отмечал, как указывалось в предыдущих разделах, еще В. фон Гумбольдт). Не менее важной причиной, стимулировавшей стремительное распространение глобализационных процессов на все сферы жизни, явилась техническая революция, спровоцировавшая коммуникационный «взрыв» и позволившая различным СМИ многократно увеличить скорость распространения информационных потоков, превращая, таким образом, разрозненные части человечества в некую «глобальную деревню» (по М. Маклюэну). В настоящее время интернет еще более упростил этот процесс, переводя общение в виртуальное пространство и создавая тем самым иллюзию сближения народов и стирания межкультурных границ.

Для нашей работы крайне важно подчеркнуть, что глобализация, непосредственно затронув национальные культуры, не просто стимулирует процесс их превращения в некую глобальную транскультуру, но и переводит то, что ранее относилось к духовной сфере народов, в сферу торговли (более подробно этот вопрос анализировался ранее, в Разделе 1.1.3. данной диссертации). Создание и продвижение в массовое сознание людей, независимо от места их проживания, определенных событий и их оценки (конкурсы красоты, Евровидение, кинофестивали и даже вручение Нобелевской премии), выдвижение на первый план одних фактов и нивелирование значимости других, повсеместное распространение одних и тех же книг, фильмов, моделей поведения, ценностей, то есть всеобщая стандартизация не только культурных произведений, но и, что является, на наш взгляд, самым значимым, морально-нравственной сферы, ведет к созданию общих «идеалов» и «идей», и, в конечном итоге, к уничтожению этнических культур, замещаемых неким искусственным гибридом культуры,

отличающимся высокой жизнестойкостью и воспроизводимостью. Именно этот процесс «трансформации символов и символических форм, в ходе которого фальсифицируются, верифицируются, и/или переопределяются существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество и институционализированные в двух основных измерениях – социально-эпистемологическом и структурно-институциональном» [Кардонова 2007: 12]. Исследователи считают сущностью глобализации, результатом которой, если говорить о человеке, становится потеря им своей идентичности во всех ее составляющих – гражданской, этнокультурной и профессионально-статусной. В итоге в недалеком будущем человека, воспитанного и разделяющего ценности своей культуры, профессионала в определенной сфере знаний, по мнению сторонников глобализации, должен заменить совершенно новый тип личности – человек глобальный, «ориентированный лишь на «индивидуальный жизненный проект» с гедонистическим уклоном и не отягощённый национальной идентичностью» [Кирилина <http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudy>; Кирилина 2013]. Иными словами, на смену этничности должна прийти метроэтничность – вид «постэтнического состояния, когда и большинство, и этнические меньшинства *играют этничностью (не обязательно своей собственной)* исходя из эстетического чувства» [Maher 2005: 34], и «такая игра включает пересечение культур, *заимствование элементов, разного рода смешения*» [Там же] [курсив наш – Д.Г.].

Очень важно подчеркнуть, что метроэтничность, как отмечает сам автор данного термина Дж. Майер, может быть сконструирована только в *процессе деятельности*, конечной целью которой является реализация мультикультурности, культурной/этнической толерантности и мультикультурных стилей жизни [Maher 2010: 582]. Основная черта нового постэтнического состояния, по мнению ее проектировщиков, заключается в том, что метроэтничность «отбрасывает логоцентричные метанарративы традиционной этничности. Она создает *игровую этничность*, не связанную или слабо связанную

с «настоящей» этнической принадлежностью. Это скорее поверхностные знаки, вокруг которых собирается этническая группа, чтобы сконструировать *внутренне значимое самоописание* [там же: 584], осуществляемое на *смешанном языке* (метроязыке, по Дж. Майеру) [курсив наш – Д.Г.].

Для молодого поколения основным видом деятельности является деятельность учебная, поэтому логично предположить, что в создании нового типа личности сегодня основную роль играет образовательный дискурс, который, как полагают многие исследователи [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012], является одним из главных агентов глобализации в силу того, что в значительной степени именно через образование глобалистские планы по созданию системы беспрепятственной торговли не только товарами, но и информацией, а также людскими ресурсами, внедряются в сознание с раннего детства.

Именно такой вывод может быть сделан на основе сравнения двух главных документов, касающихся образования и принятых, соответственно, в 1973 году в СССР и в 2013 году в современной России.

Основные задачи советской образовательной системы формулировались следующим образом: «Целью народного образования в СССР является подготовка *высокообразованных, всесторонне развитых активных строителей коммунистического общества*, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, **в духе уважения к советским законам и социалистическому правопорядку, коммунистического отношения к труду, физически здоровых, способных успешно трудиться в различных областях хозяйственного и социально-культурного строительства, активно участвовать в общественной и государственной деятельности, готовых беззаветно защищать социалистическую Родину, хранить и умножать ее материальные и духовные богатства, беречь и охранять природу. Народное образование в СССР призвано обеспечивать развитие и удовлетворение духовных и интеллектуальных потребностей советского человека» [Основы законодательства СССР...**

<http://www.вокабула.рф/энциклопедии/бсэ/народное-образование>] [курсив наш – Д.Г.].

В соответствии с поставленной целью школьное образование в тот период было направлено на развитие новых психических свойств и качеств личности, создающих основу ее психологической готовности к самоопределению и содержательной наполненности, что достигалось в процессе формирования мировоззрения, системы морально-нравственных ценностей, адекватной самооценки, определяемой способностью к рефлексии и развитого теоретического мышления, т.е. формирования индивидуальности (см. об этом в работах: [Леонтьев А.Н. 1983] и Л.И. Божович [Божович 2001]).

Однако после распада страны и смены социального строя произошла и кардинальная смена образовательной парадигмы, так как высокообразованный и интеллектуально развитый человек, уважающий законы своей страны, чтящий ее духовное наследие, бережно относящийся к ее материальным и природным ресурсам и готовый их защищать, ощущающий себя представителем единого народа, не соответствует потребностям общества потребления, где все имеет свою цену. Поэтому существовавшая до 90-х годов XX века система советского образования была полностью реформирована, и в настоящий момент его миссия (термин, употребляемый в официальных документах) сформулирована следующим образом: «Миссией образования является *реализация каждым гражданином своего позитивного социального, культурного, экономического потенциала*» [Государственная программа РФ ... <http://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-22112012-n-2148-r/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-razvitie/ii/ii.1/>] [курсив наш – Д.Г.].

В современной программе подчёркивается, что она направлена на «обеспечение соответствия качества российского образования *меняющимся запросам населения*», поэтому «актуальной является *задача переосмысления представлений о «качественном» образовании* на всех его уровнях, определение того, *какие индивидуально усвоенные и коллективно распределенные знания, компетенции, установки являются ключевыми для личной успешности*», в силу чего «системным приоритетом является *модернизация сферы образования* в

направлении большей открытости, больших возможностей для инициативы и активности самих *получателей образовательных услуг*, включая обучающихся, их семьи, работодателей и местные сообщества *через вовлечение их как в развитие системы образования и управление образовательным процессом*, так и непосредственно в образовательную деятельность» [там же] [курсив наш – Д.Г.].

Таким образом, основные цели современной концепции образования в России с ее направленностью на реализацию индивидуальных потребностей и интересов отдельного человека в целом соответствуют именно принципам формирования метроэтничности, предложенным Дж. Майером, главным из которых является ориентация на собственный жизненный проект и личный успех. Не менее важным представляется и тот факт, что акцент в новой программе ставится не на последовательное формирование системных знаний, т.е. научной картины мира, и воспитание личности с четкой мировоззренческой позицией, основанной на культуре своего народа, а на выработку неких компетенций, позволяющих индивиду успешно приспосабливаться в меняющихся условиях, спецификой которых является постоянное эмоциональное напряжение, возникающее вследствие растущего и неконтролируемого информационного потока, поступающего в мозг индивида, с младенчества приучаемого к различным электронным приборам.

Подчеркнем, что с точки зрения психофизиологии, нейробиологии и других наук, изучающих мозг, такие приоритеты образования могут рассматриваться только как угрожающие самому существованию человечества. «Мозг, – как отмечает Н.П. Бехтерева, – должен находиться в оптимальном режиме, который предоставляют в его распоряжение все его астрономические возможности» [Бехтерева 2007: 183]. В эмоционально не сбалансированном мозге или в случае, если эмоциональный фактор очень интенсивный и действует длительно, на больших территориях мозга происходит сдвиг сверхмедленных физиологических процессов. Мозг переходит «в перевозбужденное состояние, крайним случаем которого будет нервный срыв. Он может меняться и в противоположном направлении – к психическому оупению вследствие чрезмерной активности

собственных защитных механизмов» [там же: 187]. В любом случае это ведет к торможению, вплоть до полного угасания, творческих функций. «Мир, страна, сообщество людей, наука становятся творчески беднее» [там же: 183].

В несколько ином ракурсе, но об этой же проблеме говорят и психолингвисты, отмечая, что стандарты современного образования, полностью ориентированные на использование электронной техники, и формирование адаптивного, но не творческого, человека с недоразвитыми высшими психическими функциями уже сегодня ярко проявляется в значительном снижении общего культурного уровня и нарастающей функциональной неграмотности [Мягкова 2015; Мягкова 2016; Жукова <http://geopolitics.by/analytics/funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxiveka>; Мягкова 2016].

Таким образом, сложившееся положение является *результатом фундаментальной трансформации условий и способов социальной ориентации личности*, формируемой в различных видах деятельности человека, прежде всего, в процессе ее образования [Вершловский, Матюшкина 2007] [курсив наш – Д.Г.], которые в совокупности представляют собой, с точки зрения психологии, особым образом сконструированную специфическую социальную ситуацию «отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью», где все динамические изменения, происходящие в развитии человека в течение данного периода определяют, в итоге, «целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности» [Выготский 1984: 258].

В целом, отношения учащегося (школьника, студента) к реальности, его окружающей, их формирование и развитие, в образовательном дискурсе обусловлены двумя важнейшими факторами: социально ориентированным видом общения между учителем/преподавателем и обучаемыми, а также перечнем учебных дисциплин, их содержанием, транслируемым через учебник.

Необходимо сразу заметить, что и проблемы общения, рассматриваемого как «способ внутренней организации и внутренней эволюции общества. ... как

способ (и одновременно условие) актуализации общественных отношений» [Леонтьев А.А. 2008: 25], и проблема текста в массовой коммуникации (а образование относится именно к данному типу общения) находятся в фокусе внимания психолингвистики, входя, с одной стороны, в сферу интересов психолингвистики образования, а, с другой, в более широкое проблемное поле теории речевого воздействия.

В нашей работе мы сосредоточим внимание именно на специфике современного школьного учебника, так как учебники по гуманитарным дисциплинам всегда служили для человека источником знаний о родной культуре и смысловых доминантах, определявших путь развития этноса на протяжении тысячелетий, внося весомый вклад в формирование и расширение национального самосознания.

Прежде всего это относится к изучению родного языка и литературы как «месту бытования» национальной культуры, которая, связывая образование с национальным государством, придавала всему происходящему «всеохватывающий идеологический смысл» [Ридингс 2010: 27]. И именно способностью национальной литературы обучить тому, «что значит быть французом, англичанином или немцем» [там же: 32] объясняется доминировавшая на протяжении столетий в образовании (и в России, и в Западной Европе) традиция рассматривать ее как главный способ создания национальной личности, идентифицирующей себя с культурными ценностями своего народа и следующей типичным для своего лингвокультурного сообщества поведенческим моделям.

Для нашего исследования особенно важно то, что в процессе изучения гуманитарных дисциплин происходит формирование и развитие содержания индивидуального когнитивного пространства – «особой, определенным образом структурированной совокупности знаний и представлений» [Гудков http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_04_05gudkov.pdf], специфика которого заключается в том, что:

1) изначально его основой становятся представления о культурных феноменах, отраженные в виде минимизированного редуцированного инварианта в когнитивной базе, определяемой как структурированная совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества [там же];

2) по мере накопления знаний индивидуальное представление о неких феноменах культуры может изменяться и, в конечном итоге, может значительно отличаться от общепринятого.

Когнитивная база любого национального сообщества сформирована прецедентными феноменами – прецедентными текстами, прецедентными именами, прецедентными высказываниями и прецедентными ситуациями, которые тесно связаны между собой. Для нас, как уже неоднократно отмечалось выше, наибольший интерес представляют именно прецедентные имена, т.е. индивидуальные имена, связанные «или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Обломов, Илья Муромец), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин, Павлик Морозов)» [там же].

Принципиальным здесь оказывается то, что инвариант восприятия культурного феномена, на который указывает данное имя в когнитивной базе носителей лингвокультуры, имеет очень ограниченный, однако формирующий *национально детерминированное минимизированное представление*, набор характеристик, включающий дифференциальные признаки, особые атрибуты и оценку [курсив наш – Д.Г.].

Очевидно, что формирование содержания культурного феномена, стоящего за именем, и, таким образом, формирование индивидуального когнитивного пространства, коррелирующего с когнитивной базой этноса, через текст, как художественный, так и тексты учебников в целом, является достаточно сложным процессом, реализация которого, с точки зрения теории когнитивного развития, требует принятия во внимание целого ряда факторов.

Прежде всего, в данном случае речь идет о необходимости учитывать теоретический конструкт, предложенный Л.С. Выготским для характеристики связи между развитием и обучением и обозначенный им как зона ближайшего развития – разница между наличным потенциалом обучения (зоной актуального развития) и тем, чему ребенок способен научиться с помощью взрослого (зона ближайшего развития). Утверждение Л.С. Выготского: «Только то обучение является хорошим, которое забегает вперед развития, причем вне обучения как внутренне необходимого компонента развития, вне коллективной деятельности, которая сама по себе и является обучением, развитие невозможно» [Выготский 1991: 386] легло в дальнейшем в основу важнейшего принципа обучения – принципа совместной деятельности учителя и учеников, в которой только и становится возможным формирование высших психических функций и, соответственно, нового знания, превращающихся в процессе интериоризации во внутренние психические функции субъекта деятельности, управляющие его поведением.

Однако, как отмечалось выше, стандарты современного школьного образования ориентированы на использование электронной техники и, соответственно, снижение роли преподавателя как человека, создающего ту самую зону ближайшего развития, в рамках которой не просто передаётся информация, а происходит накопление и систематизация получаемых знаний. Место этой зоны начинает занимать виртуальное пространство (этот фактор более подробно будет рассмотрен ниже), которое, безусловно, оказывает свое влияние на психику человека и содержание его сознания.

Более того, сегодня на начальном этапе школа практически исключила обучение ребенка тактике письма и технике чтения, которые представляют собой «сложнейшие интегративные когнитивные навыки, объединяющие в единую структуру деятельности все высшие психические познавательные функции – внимание, восприятие, память, мышление и т.п. <...> ... если эти навыки недостаточно сформированы или плохо сформированы, невозможно обучение русскому языку и математике, литературе и природоведению, иностранному

языку

и другим предметам» [Безруких http://bilingualonline.net/index.php?option=com_content&view=article].

Несформированность интегративных когнитивных навыков и влияние виртуального пространства непосредственно отражается на понимании смыслового содержания, стоящего за прецедентными именами: имя, изначально служащее символом определенной культурной ценности, чаще всего оказывается лишенным его глубинного смысла и понимается (если оно остается известным) упрощенно и примитивно. Так, к примеру, произошло с героем русских сказок *Иваном-дураком*, имя которого в сознании современных школьников и студентов ассоциируется преимущественно с глупостью и ленью. Совершенно понятно, что и представители предыдущих поколений не задумывались над базовыми, национально-детерминированными характеристиками данного персонажа, выделяемыми филологами: его магической функцией, связанной, скорее, не с делом, а со словом, с обязанностями жреца; дурачеством как важным компонентом древнерусского смеха, маской, позволяющей разоблачать пороки; внутренней связью дурака с юродивым, которого на Руси называли божьим человеком, конем, как символом кочевника и т.д. [Дюмезиль 1976; Дюмезиль 1990; Синявский 2001; Пропп 1986]. Однако несколько десятилетий назад ребенок, выросший в традициях русской культуры, безусловно принимал популярного сказочного героя и сопереживал ему, осознавая, что тот достигает своей цели не хитростью и подлостью, а благодаря своей смекалке и помощи окружающих, которые ценили его смелость и доброту. Именно в этом «первоначальном воспитании», в том, что, «Увлекаясь простодушной фантазией народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений» и заключалась основная задача народных сказок [Афанасьев 1985: 5], имена героев которых становились первыми прецедентными именами, входящими в индивидуальную когнитивную базу ребенка.

Следующий аспект, в значительной мере пересекающийся с тем, что сказано выше, связан с психолингвистическим понятием степени эффективности восприятия и понимания текстов, в основе которого лежит мнематическая теория, разработанная в рамках библиопсихологии Н.А. Рубакиным [Рубакин 1997]), опиравшимся при создании своей концепции на законы «Семона, Гумбольдта-Потебни и Тэна – воздействие на потребителя информации должно основываться на знании языка потребителя, а в идеальном случае на знании возможно большего числа параметров, характеризующих его как особь биологическую и социальную» [Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979: 242].

Центральной идеей в теории Н.А. Рубакина является идея мнемы, трактуемой автором как основные параметры личности [Рубакин 1977], включающие в себя, с точки зрения психолингвистической теории, наследственные (память вида), индивидуальные (личный опыт) и социальные энграммы, т.е. следы памяти или структуры, в которых отображаются воспринятые ранее объекты, модели и программы действий. Между энграммами может образовываться устойчивая ассоциативная связь [Мещеряков, Зинченко vocabulary.ru/termin/engramma.html].

Согласно мнематической теории, коррелирующей, как считают психолингвисты [Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979: 242] (см. также: [Жинкин 1965]), с теорией смысла Г. Фреге, любая книга обладает объективным значением, отличающимся от субъективных представлений реципиента – внутренних образов, включающих в себя воспоминания, чувственные впечатления, совершенные когда-то действия. Иными словами, книга транслирует социальную память, которая вполне, тем более при искусственно создаваемых условиях, может корректировать память индивидуальную, особенно если человек не обладает богатым личным опытом и не способен к рефлексии. В этом и заключается, как подчеркивает Ю.А. Сорокин, огромный аппликативный потенциал мнематической теории Н.И. Рубакина, «так как учитывать различия

между мнемами чрезвычайно существенно для направленного воздействия на человеческое сознание» [Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979: 257].

Эта теория, как можно предполагать, используется и в процессе формирования социально или культурно одобряемых моделей поведения и ценностей, который, как правило, носит имплицитный, опосредованный характер. И здесь невозможно переоценить роль прецедентных имен, используемых в качестве маркера определенной ситуации или набора каких-то качеств. Возможность установления в результате постоянного повторения устойчивой ассоциативной связи между индивидуальными и социальными энграммами, закрепленными за именем, позволяет в дальнейшем переносить это имя на множество ситуаций либо, наоборот, перемещая отдельные компоненты зафиксированного именем события, изменять его смысл. В этом случае несформированность критического мышления и отсутствие знаний о культурном восприятии события, феномена, факта и т.д. не позволяет реципиенту проанализировать поступающую информацию, и он воспринимает ее как истину.

Иллюстрацией к вышесказанному является кардинально изменившийся в сознании молодого поколения смысл прецедентного имени Павлика Морозова, превратившегося сегодня из героя в предателя. Интересно здесь то, что подавляющее большинство молодежи, дающей это имя в качестве реакции на слово *предательство* в ассоциативных экспериментах, одновременно утверждают, что сообщение в полицию о своих родителях в случае, если их поведение не соответствует представлениям детей, вполне оправданно как с моральной, так и с точки зрения закона, т.е. сочетание полного отсутствия критического мышления с отсутствием знаний исторических фактов могут вести, в результате, к самым противоречивым суждениям, причем сама личность этого противоречия не замечает.

Еще один фактор, требующий специального рассмотрения, касается влияния контекста, создаваемого той лексикой, которая используется при описании определенных ситуаций или комментировании предлагаемых в процессе обучения документов.

Подчеркнем, что роль контекста в данном случае переоценить невозможно, так как именно контекст, создающий определенный эмоциональный настрой, эмоциональный тон возникающих при восприятии текста ощущений, формирует, в конечном итоге, высшие формы эмоций человека – его чувства, которые становятся для него основополагающими и опосредуют процесс формирования смысла, стоящего за словом.

Особая роль эмоций, как отмечают психологи, состоит в том, что с их помощью в сознании субъекта личностный смысл воспринимаемых им явлений, ситуаций или объектов отражается непосредственно [Леонтьев А.Н. 1999; Вилюнас 1976; Вилюнас 1986]. Именно это их свойство позволяет определить любую эмоцию как чувственную ткань смысла [Василюк 1993], обозначающую нечто, отличающееся от нее самой и означающую «целостность сознания или, если брать в экзистенциальном плане, человеческую действительность» [Sartre 1960: 17], которая не совпадает с эмоцией, а представляет собой значительно более широкое образование – ту специфическую смысловую реальность, в которой и существует личность [Леонтьев Д.А. 2003].

То, что оценка различных явлений всегда сохраняется в слове, причем, несмотря на перестройку в семантической структуре лексем, важнейших с точки зрения культуры того или иного народа, ее дух продолжает оставаться и в современном языке, убедительно показано во многих лингвистических исследованиях [Вендина 2006; Касьянова 1994; Зализняк 2005; Коновалова 2000; Корнилов 2003; Топоров 2004; Гачев 1988]. Уже в рамках психолингвистической парадигмы не только теоретически, но и экспериментально доказано наличие эмоционального компонента в значении слова [Мягкова 2000], причем в аспекте нашего исследования чрезвычайно важным оказывается следующий вывод, сделанный Е.Ю. Мягковой: «феномен, обсуждаемый в психолингвистических исследованиях как эмоциональный компонент значения слова как единицы лексикона, представляет собой комплекс связанных со словом переживаний. Основными характеристиками этого комплекса будут его нерасчлененность (т.е. невозможность выделить в “чистом виде” его составляющие и отделить их друг

от друга – это можно сделать лишь гипотетически), *разный уровень осознаваемости* составляющих его элементов, *разный уровень социальной и этнокультурной опосредованности*, а также *индивидуальная специфика процессов репрезентирования информации*. В этом комплексе соединяются как сиюминутные субъективные впечатления, так и *опосредованные культурой отношения и эмоции*» [Мягкова fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf] [курсив наш – Д.Г.]

Специфика эмоционального компонента в значении любого слова приобретает особую значимость, когда речь идет о текстах школьных учебников, так как не только выбор самих текстов, но и выбор той или иной лексики при описании каких-либо событий всегда мотивирован стремлением создать определенный контекст и, таким образом, сформировать в сознании школьника образ реальности, который впоследствии будет определять его отношение к окружающей действительности.

Так, к примеру, исследования показывают, что доминирующее в учебниках литературы, используемых в современной школе, описание жизни народа, как и выбор произведений, посвященных советскому периоду в нашей истории, создает абсолютно негативный образ страны [Бубнова 2017], что в экспериментах на стимул СССР проявляется в наиболее частотных реакциях *ГУЛАГ, концлагерь, репрессии, тоталитаризм, насилие*.

Представляется, что эта отмеченная особенность современного учебника в общих чертах отражает алгоритм формирования смыслового содержания, стоящего за прецедентными феноменами, которые, как правило, имеют непосредственное отношение не к реальному миру, а к реальности виртуальной, характеристиками которой, по мнению И.В. Захаренко, «являются следующие: виртуальный мир моделируется, искусственно создается, предлагая готовую модель мира, с целью замещения действительной реальности, но отталкиваясь от последней. Виртуальная реальность воздействует на сознание субъекта таким образом, что мир моделируемый воспринимается как реальный и истинный» [Захаренко 2000].

Выскажем предположение, что виртуализация пространства – прошлого, настоящего или будущего – в том или ином виде существовала всегда, что обеспечивалось наличием коллективных представлений и коллективного бессознательного с его доминированием образов и эмоций (см. подробнее в работах: [Юнг 1991; Юнг 2010; Юнг 2017]. Однако в настоящий момент современные технические средства в совокупности с ущербным образованием создают возможность искусственного втягивания индивида в виртуальную реальность, в которой действительный мир заменен на его искусственный образ, где остается место лишь для схемы растворения личности [Базылев 1996]. Более того, характерной чертой современной виртуальной реальности является ее ориентация на разные виды толпы [Гудков 2000: 51], а поэтому она распадается на множество фрагментов с собственными жизненными смыслами, стоящими за разными событиями и феноменами в том числе и прецедентными.

Особый тип реальности, как отмечалось выше, создается сегодня при помощи эмоционально нагруженной лексики и в образовательном дискурсе, еще раз подтверждая мысль, высказанную несколько десятилетий назад А.В. Петровским, подчеркивающим, что в онтогенезе одно из главных мест остается за организованным обучением, определяющим «активное педагогически обоснованное формирование комплекса органически взаимозависимых деятельностей, каждая из которых может и должна стать личностнообразующей» [Петровский <http://www.voppsy.ru/issues/1987/871/871015.htm>], Петровский, 1984].

Учебник, безусловно, относится в личностнообразующей деятельности, выполняя главную задачу – формирование такого типа личности, в том числе и в морально-нравственной сфере, который востребован обществом. Именно поэтому учебники, особенно по дисциплинам гуманитарного цикла, нацелены на создание в сознании школьника системы смысложизненных ориентаций, причем еще раз подчеркнем, что во многом это достигается благодаря использованию в текстах прецедентных имен.

Как уже не раз упоминалось выше, любое прецедентное имя – это знак какой-либо ситуации либо набора качеств, которые далеко не всегда известны

школьнику из практического опыта. Однако в этих именах заключена огромная сила внушения: являясь, с одной стороны, стандартизированными эмоциональными образами или представлениями о социальных явлениях, ценностях или объектах, которые усваиваются индивидуальным сознанием в процессе социализации, они, тем не менее, способны, становясь одним из компонентов образа мира, управлять восприятием и, соответственно, играть ведущую роль в конструировании системы ценностей личности, ее оценки себя и окружающего мира.

Так, например, в советское время имя *Митрофанушки*, символизирующее *невежество*, было известно каждому школьнику, а типичный современный студент убежден, что изучение географии абсолютно бессмысленно, так как сегодня существует Google, который может дать ответ на любой вопрос. Иначе говоря, благодаря изменению образовательной программы (произведение Д.И. Фонвизина не во всех учебниках входит в список изучаемой литературы, вероятно, вскоре будет исключена и география) и приоритетов образования прецедентное имя уходит из когнитивной базы носителей русской лингвокультуры, а незнание весьма значимой области естественных и общественных наук уже не воспринимается молодым поколением как нечто неприемлемое. Постепенная десемантизация в индивидуальном сознании значения слова *невежество* [Подрезова 2016], свидетельствует, на наш взгляд, не просто о снижении ценности знаний в целом, исчезновение таких понятий (наряду с понятиями *честь*, *совесть* и т.д.) является явным показателем изменений системы смысложизненных ориентаций и координат оценки.

Не менее ярким примером является знание (точнее, незнание) и, соответственно, отношение современных школьников и студентов к именам, которые в сознании предыдущих поколений выражали идеи мужества, патриотизма и предательства. Наши эксперименты выявили, что для людей, получивших образование в советский период, символом *мужества* являются Алексей Мересьев, Сталинград и Николай Гастелло, *патриотизма* – молодогвардейцы, *предательства* – Иуда, Андрей Власов и Степан Бандера.

Совершенно иные прецедентные имена называют современные студенты. Прежде всего отметим, для них не существует различий в смысловом содержании слов *мужество* и *патриотизм*, более того, они могли назвать единственное имя (имя А. Мересьева и Н. Гастелло, как и имена А. Матросова, Д. Карбышева, Н. Островского и его героя Павки Корчагина, и многих других им вообще не известны), которое олицетворяет данные качества в их сознании, – Юрий Гагарин. Идея *предательства* соотносится для них с именами Иуды и Павлика Морозова, *невежества* – Pussy Riot и Ксении Собчак [там же].

Частично исчезновение имен, упомянутых выше, может объясняться исключением из школьной программы практически всех произведений, посвящённых героизму советского народа в годы Великой Отечественной войны [Бубнова 2017] (отметим, что, например, в Китае произведение Н. Островского «Как закалялась сталь» является обязательным для изучения всеми школьниками). Однако существуют еще и учебники истории России, к которым мы посчитали необходимым обратиться с целью более глубокого анализа нынешней ситуации.

Методологической основой предпринятого нами анализа школьных учебников истории явились основные принципы теории речевого воздействия, разработанные в рамках психолингвистики для повышения эффективности влияния средств массовой коммуникации на массовое сознание [Леонтьев А.А. 1972], предполагающим, что воздействие:

- 1) всегда связано с социальной сущностью речи;
- 2) соответствует общей цели деятельности, а не только промежуточным целям отдельных действий;
- 3) учитывает творческий характер речи, что и позволяет осуществлять ее «настройку» в соответствии с поставленной задачей и спецификой речевой ситуации.

В отношении учебника это означает, во-первых, соблюдение принципа системного изложения материала, что требует изначально четко сформулированной общей цели и конкретных задач, определяемых

Государственной программой или авторами, результатом чего является непротиворечивая структура учебного курса, соотнесенная с конкретной системой смысловых координат (соответственно, она может быть задана Федеральным стандартом, быть чисто авторской, либо эти системы могут совпадать). Во-вторых, не менее важным фактором является язык изложения и контекст, создаваемый при помощи использования тех или иных языковых средств, который должен соответствовать главному требованию – вызывать в сознании школьников «один и тот же образ, одну и ту же субъективную семантику» [Леонтьев Д.А. 2003: 411], т.е. быть способным направленно транслировать определенные смыслы [там же], формируя запланированное отношение не только к конкретным описываемым событиям, но и ко всему материалу, описываемому в учебнике, конструируя, таким образом, систему личностных смыслов и определенный образ мира. В-третьих, значительную роль играет архитектура учебника, в частности, используемый иллюстративный материал, активизирующий образное мышление, с помощью которого внимание школьника фиксируется на значимых, с точки зрения автора, фактах.

Таким образом, единственная наша задача на данном этапе состояла в изучении основных психолингвистических параметров – системности изложения в соответствии с определенной системой смыслов, поддерживаемой структурой учебника и невербальным материалом, – характерных для учебников и позволяющих достигать воздействия на сознание школьника, формируя содержание индивидуальной когнитивной базы, соответствующее тому, которое хранилось в культуре. Содержательная оценка рассмотренных учебников не являлась (и не могла быть) целью нашей работы.

Следует особо подчеркнуть, что в ходе анализа в фокусе внимания оказался именно период советской истории России, в частности, описание довоенного и военного времени, что было обусловлено несколькими факторами:

- 1) общей тенденцией к пересмотру значения и роли СССР в мировой истории, связанной непосредственно с глобализацией;

2) декларируемой на государственном уровне в последнее время важности ценностей *патриотизма и любви в Отечестве*, символами которых в значительной степени являются прецедентные имена, хранящиеся в общей когнитивной базе народа;

3) связью значительного числа прецедентных имен, вошедших в общую когнитивную базу народа, с его советским прошлым.

В работе был рассмотрен ряд учебников, которые широко используются в современном школьном образовании как соответствующие Федеральному государственному образовательному стандарту [Горинов, Данилов, Моруков 2016; Журавлёв, Соколов 2017; Волобуев 2016; Загладин, Петров 2014].

Проведенный анализ показал, что все учебники, в зависимости от используемых в них языковых средств и соблюдения принципов теории речевого воздействия, что и обеспечивает, в конечном итоге, формирование смысла основных ценностей русской культуры, закрепленных в прецедентных именах, можно отнести к одной из трех выделенных групп по их ведущим характеристикам.

Критический рационализм в том смысле, который вкладывает в него К. Поппер [Поппер 2005]. Язык в данном случае формален, законы теории воздействия не учитываются [Журавлёв, Соколов 2017; Горинов, Данилов Моруков 2016].

Большая часть имен людей и событий, касающихся истории России советского периода, в частности, периода Великой Отечественной войны, которые входили в общую когнитивную базу русского лингвокультурного сообщества как прецедентные, маркирующие ключевые ценности русской культуры, присутствуют в текстах учебников. Однако исторические факты, связанные с этими именами, описываются клишированным, с большим количеством стереотипов, языком, который, при отсутствии интереса и мотивации (что является отличительной чертой современных школьников) не способен оказывать воздействие на сознание адресата и, в силу этого, не только

формировать смысловое содержание ценностей, стоящих за конкретным именем, но и фиксировать такое имя в памяти.

Подтвердим данное положение несколькими примерами:

Защитники пограничной Брестской крепости, оказавшейся в глубоком тылу у немцев, около месяца с удивительным упорством держали оборону до последнего человека [Журавлёв, Соколов 2017: 185].

С первых дней войны советские солдаты и офицеры проявили массовый героизм, сражаясь на земле и в небе. Широко известным стал подвиг экипажа бомбардировщика капитана Н.Ф. Гастелло. 26 июня 1941 г. самолёт был подбит, но лётчики предпочли смерть плену и направили горящую машину на скопление немецких танков. 7 августа 1941 г. лейтенант В.В. Талалихин в воздушном бою таранил своим истребителем вражеский бомбардировщик. Впоследствии подобные подвиги повторили многие советские лётчики [там же: 193].

Блокада оставила память о себе множеством братских могил, главной из которых стало Пискарьёвское кладбище. Всего в первую блокадную зиму и весной 1942 г. погибло около 650 тыс. жителей Ленинграда [там же: 197-198].

С 25 августа 1942 г. город был объявлен на осадном положении. Немцы были встречены стойким сопротивлением частей военного гарнизона и ополчением рабочих сталинградских заводов. Битва на Волге завершилась полной победой советских войск в трёх крупных боевых операциях [там же: 201].

В концентрационных лагерях погибли 3,3 млн (57%) пленных, из них почти 2 млн в период до февраля 1942 г. Гибель такого огромного количества людей была вызвана намеренным истреблением и ужасными условиями содержания пленных. Первым делом отбирались и расстреливались комиссары, коммунисты, евреи [там же: 213].

Мужество и героизм красноармейцев, мирного населения приграничных областей были беспримерными [Горинов, Данилов, Моруков и др 2016: 14].

Неувядаемой славой покрыли себя воины 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И.В. Панфилова. 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково под

*Волоколамском группа бойцов дивизии **остановила продвижение 50 танков врага*** [там же: 17].

*Немцы столкнулись в СССР с **массовым детским и подростковым героизмом*** [там же: 30].

*Уже в первые месяцы войны все жители СССР узнали о героях, которые стали **символами мужества и воинской доблести*** [там же: 37].

Как очевидно из приведенных примеров, наличие многочисленных клише в сочетании с длинным перечнем имен и цифр (причем в некоторых случаях эти цифры противоречат историческим фактам, например, пионеров-героев Советского Союза было больше, чем утверждают авторы одного из учебников) свидетельствует о том, что в данных текстах не просто не учитываются принципы теории речевого воздействия, о которых упоминалось выше, но и полностью игнорируются психологические теории памяти и ее основные законы [Эббингауз 1979; Эббингауз 1911; Рибо 1897; Зейгарник 1986; Левин 2001; Lewin 1926; Miller 1956; Оллпорт 1998, Гиппенрейтер, Романова 2001].

2. Сократический тип. Язык текстов учебника соотносится с диалектической логикой правдоподобного, законы воздействия учитываются не в полной мере, особенно если принимать во внимание целевую аудиторию и ее психологические свойства, в значительной степени определяемые условиями социализации в современном мире, о чем неоднократно упоминалось выше.

Основной характеристикой таких учебников [Загладин, Петров 2014] является попытка раскрыть противоречия, рассматривая противоположные аспекты каких-то событий, причем язык в данном случае играет ведущую роль.

Не имея возможности восстановить денежную систему, большевики пошли на принудительное изъятие производимой продукции и ее централизованное распределение [там же: 104].

В ответ на отказ крестьянства поставлять городу продовольствие за обесценившиеся деньги, в села были направлены вооруженные продовольственные отряды, которые насильственно изымали хлеб у крестьян [там же: 105 (иллюстрация)].

Сталкиваясь с их нежеланием сотрудничать, саботажем, переходом на сторону Белого движения, многие большевики начали рассматривать всех «бывших» как своих противников [там же: 106].

Сложилась система управления обществом, которая становилась все более централизованной. Это позволяло концентрировать ресурсы и решать беспрецедентные по сложности и масштабам задачи. Цена создания и обеспечения функционирования централизованной системы управления страной оказалась невообразимо высокой. Она оплачена страданиями и гибелью миллионов наших соотечественников [там же: 148].

Такой подход сохраняется везде, даже при описании весьма неоднозначных событий, вызывающих споры среди специалистов:

Молниеносный разгром Франции был неожиданным для руководства СССР. Оно исходя из опыта Первой мировой войны, полагало, что военные действия приобретут затяжной характер. Новая ситуация побудила Советский Союз ускорить установление контроля над отведенной ему секретным протоколом «сферой интересов». В июне 1940 г. СССР добился от стран Прибалтики согласия на приход к власти дружественных ему правительств и ввод дополнительных войск. ... Советские руководители считали, что ответом на любое нападение станет сокрушительный контрудар, в результате которого война будет перенесена на территорию агрессора. Поэтому основной ударной мощью Красной армии, как и у Германии, были крупные механизированные и танковые соединения, способные к стремительному наступлению [там же: 199-200].

Однако, как представляется, акцент на диалектическом способе познания в совокупности с пренебрежением эмоционально нагруженной лексикой, и, соответственно, отсутствием требуемого контекста при упоминании прецедентных имен, в условиях отсутствия общей задачи формирования мышления не позволяет формировать в сознании те смыслы, которые сохранялись в культуре.

3. **Софистический тип.** Язык близок риторическому идеалу монологической убеждающей речи, законы воздействия учитываются.

В случае использования эмоционально нагруженной лексики, которой «нагружены» тексты учебника, весь ее потенциал «работает» на создание негативного отношения к советскому периоду в истории страны в целом, именно так излагается история России в одном из проанализированных учебников [там же: 51].

Властные органы нового строя декларировали идеалы свободы человека, справедливости, равенства людей. Но цена вопроса их не смущала. Вот фрагмент выступления одной из знаковых фигур революции, матроса А.Г. Железнякова: «Если нам придется расстрелять десять тысяч человек, мы перед этим не остановимся, как не остановимся и тогда, когда придется расстрелять целый миллион людей [там же].

В соответствии с Декретом о земле в деревне начался «черный передел» [там же: 53].

В южных областях СССР начался страшный голод. Пресса трубила об успехах социалистического строительства, ни словом не обмолвившись о трагедии. Никакой помощи голодающим правительство не оказало. ... в 1932-1933 гг. в Украине, на Северном Кавказе... умерли от 2.7 до 4.5 млн. чел. [там же: 106].

... диктатура, расхождение между тем, что было записано на бумаге и тем, что было в реальной жизни, независимость судебной системы обернулась на деле превращением ее в орудие массового террора. В СССР возникла целая закрытая империя исправительно-трудовых учреждений [там же: 113].

Безвозвратно ушла в прошлое патриархальная крестьянская Русь, с которой связывали черты русского национального характера. Была уничтожена социальная ячейка общества, известная еще с древних времен, – сельская община ... колхозы законсервировали в сознании сельских жителей общинную уравнительную психологию. ...ушел из жизни тип предприимчивого хозяина-труженика [там же: 117-118].

Больших успехов в создании «новых людей» из бывших беспризорников добился педагог А.С. Макаренко [там же: 126].

Творческая интеллигенция чувствовала на своем плече руку «пролетарского государства». Требовалось восхвалять партию и ее вождя. ... Своего рода эталоном партийной литературы стала автобиографическая книга А.Н. Островского «Как закалялась сталь» о подвигах на боевом и трудовом фронте [там же: 128].

В данном случае для создания общего негативного фона используются и другие языковые средства: 1) кавычки; 2) умолчания, как это видно на примере описания книги «Как закалялась сталь», где нет упоминания о посещении писателя известным французским философом А. Жидом, который впоследствии в своей книге с восхищением писал об А.Н. Островском; 3) некогерентные суждения: «Была уничтожена социальная ячейка общества, известная еще с древних времен, – сельская община ... колхозы законсервировали в сознании сельских жителей общинную уравнительную психологию».

Весьма показательным здесь является описание пакта Молотова-Риббентропа [там же: 142-143].

В результате политики «очищения от враждебных элементов» новой пограничной зоны в подполье ушла, как и раньше, во времена вхождения Галиции и Волыни в состав Польского государства, террористическая Организация украинских националистов (ОУН), основанная в 1929 г..

Здесь же мы находим такие определения (и вновь часто используются кавычки, придающие нужный авторам смысл) как «освободительный поход» «возвращение» Бессарабии, советизировать население, часть населения была запугана репрессиями.

«под давлением советской стороны Эстония, Латвия и Литва вынуждены были заключить с СССР «пакты о взаимопомощи», «были смещены «буржуазные» правительства и сформированы так называемые народные парламенты», «после введения дополнительного контингента войск в Прибалтийские республики в 1940 г., советское правительство предъявило

ультиматум Румынии. Ей было предложено вернуть СССР Бессарабию, утраченную Россией в 1918 г., и уступить населенную преимущественно украинцами Северную Буковину. Красная Армия вступила на оспариваемую территорию» [там же: 146].

Выдвигалась и такая позиция: Гитлер якобы был вынужден нанести превентивный удар, так как Сталин, в свою очередь, готовил нападение на Германию. Однако в литературе о Второй мировой войне она не была убедительно аргументирована [там же: 153].

Расовая всемирно-историческая мессианская идея Гитлера сталкивалась в другой всемирно-исторической мессианской идеей – коммунистической [там же: 154].

Смысловая компрессия текста в данном случае приводит школьников к вполне однозначным выводам:

- в стране царил жесточайший террор, люди жили в вечном страхе, население активно «переформатировалось», все несогласные уничтожались;
- СССР являлся агрессором, подобным фашистской Германии, расизм по своей сути эквивалентен коммунизму;
- террористический характер ОУН может быть поставлен под сомнение, украинские националисты были вынуждены сопротивляться советской оккупации (в учебнике не приводятся факты об их деятельности).

Не менее значимыми для создания определенного отношения к истории своей страны, на наш взгляд, являются тексты авторов, где излагаются значимые события Великой Отечественной войны.

Так, описание Сталинградской битвы, сопровождается следующей ремаркой, которая эксплицитно «подсказывает» школьникам, что могло быть причиной победы советских войск:

Удары были нанесены на участках, где советским войскам противостояли румынские, итальянские и венгерские части, отличавшиеся сравнительно низкой боеспособностью [там же: 166].

В то же время в тылу люди испытывали величайшие страдания, причем создается полное впечатление, что они были обусловлены, прежде всего, политикой государства, а не жесточайшими условиями войны:

Государство изымало все, что только можно было найти... Мало того, что труд на производстве был работой на износ, надо было еще в свободное время обрабатывать огород [там же: 177].

С конца 1943 г. до лета 1944 г. под предлогом сотрудничества, бандитизма и измены Родине с родных мест были выселены... [там же: 182].

Такие описания, соседствующие с весьма размытым и достаточно мягким описанием концлагерей (всемирно известные иллюстрации в данном случае авторами не используются, как не акцентируется внимание и на количестве концлагерей, числе погибших, пытках и издевательствах, газовых камерах, концлагерях для детей, и даже их названиях): *над узниками концлагерей, куда попадали и военнопленные, и гражданские лица, ставили медицинские эксперименты, которые приводили к гибели людей или тяжелым последствиям для здоровья* [там же: 180] способствуют объединению в сознании реципиентов тех, кто создавал нечеловеческие условия жизни для находящихся в его власти людей, т.е. еще глубже закладывает в сознание мысль об идентичности двух режимов – советского и фашистского.

Таким образом, несмотря на различные подходы к изложению материала и различные языковые средства, используемые авторами, ни один из проанализированных учебников не соответствует психолингвистическим критериям, обеспечивающим направленное формирование смыслов, сохраняющих историческую память и, соответственно, этнические ценности, закрепленные в прецедентных именах, входивших на протяжении длительного времени в когнитивную базу народа.

Подводя краткий итог всему вышесказанному, выделим следующее:

1) Единственным условием выживания этноса является условие сохранения системы этнического мировидения, системы нравственных ценностей, проявляющихся, прежде всего, в поведении людей. В свою очередь, специфика

этнического миропонимания отражена в языке, через который и передаются основные ценности народа. Значительную роль в трансляции ключевых ценностей играют прецедентные имена, познание которых происходит, прежде всего, в процессе изучения предметов гуманитарного цикла в ходе образования.

2) Современная система образования, в отличие от советской, ориентированной на передачу культурных ценностей народа, ставит акцент на формировании компетенций и установок, ключевых для личной успешности, т.е. на формировании метроэтничности, что с точки зрения наук, изучающих мозг, может рассматриваться как торможение творческой активности, т.е. как процесс торможения развития человека. В настоящий момент такая направленность уже ярко проявляется в значительном снижении общего культурного уровня и нарастающей функциональной неграмотности.

3) Для школьника одним из главных источников знаний о родной культуре и смысловых доминантах, определявших путь развития этноса на протяжении тысячелетий, всегда служили учебники по гуманитарным дисциплинам, вносившие весомый вклад в формирование и расширение индивидуального культурно ориентированного сознания и, следовательно, сохранение общей когнитивной базы народа.

4) В настоящий момент учебники не выполняют свою типичную роль, что может объясняться, с точки зрения психолингвистики, игнорированием постулатов мнематической теории, разработанной в рамках библиопсихологии, а также несоблюдением основных принципов теории речевого воздействия. Одновременно с этим отмечается стремительный рост влияния на индивидуальное сознание массовой культуры и средств массовой информации, успешно создающих виртуальную реальность и предлагающих человеку нравственные императивы, в корне отличающиеся от традиционных культурных ценностей. Это обстоятельство требует более внимательного рассмотрения данных факторов, чему и будет посвящен следующий раздел нашего исследования.

1.2.2. Роль массовой культуры в трансформации номенклатуры и содержания прецедентных имен

Как мы уже неоднократно отмечали, в психолингвистике интерес к феномену массовой или поп-культуры, под которой понимается культура большинства, популярная и преобладающая среди широких слоев населения в данном обществе, включающая в себя такие явления, как спорт, развлечения, быт, музыку, в том числе и поп-музыку, литературу, средства массовой информации, изобразительное искусство и т. п., в немалой степени обусловлен ее влиянием на формирование содержания ценностей, формирующееся в различных социальных ситуациях развития путем интериоризации смыслов, стоящих за значением слов, в частности, прецедентных для лингвокультурного сообщества имен. Не менее важен для нашей работы и тот факт, что именно массовая культура, благодаря наличию в ее основе вполне определенной мировоззренческой позиции, истоки которой лежат в философии позитивизма и, в значительной степени, фрейдизме, выполняет ряд социальных функций, обеспечивающих уничтожение национальной культуры и, таким образом, расширение и укрепление глобального мира с его ориентацией на некие универсальные ценности, несмотря на то, что в психологической науке большинством ученых возможность их существования на настоящий момент подвергается сомнению (см. об этом подробнее в [Schwartz 1992]).

Возникновение массовой культуры (сам термин появляется в сороковых годах прошлого века в работах М. Хоркхаймера, Т. Адорно, [Хоркхаймер 1946; Адорно 1997; Horkheimer, Adorno 1987] и Д. Макдональда [Макдональда 1944],) связано, как утверждает Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет 2003], с разделением культур на элитарную культуру «избранного меньшинства», где «избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно» [там же: 13], и массовую, т.е. культуру тех, «кто не требует ничего, и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков он есть, и не силясь перерасти себя [там же]. Таким образом, и это нам

кажется весьма важным, для Х. Ортеги – и-Гассета, «масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как все “, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [там же]. Иначе говоря, испанский философ отнюдь не связывает массу с существованием социальных слоев, подчеркивая, что «внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства» [там же: 12]. Более того, он особо отмечает, что плебейство и гнет массы, как характерный признак нашего времени, становящийся «триумфальной дорогой псевдоинтеллигентов», есть результат торжества гипердемократии, когда масса, не ограничиваясь сферой развлечений, стала стержнем, взявшим на себя функции меньшинства, и действует «непосредственно, вне всякого закона, и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы», будучи полностью убежденной, «что вправе давать ход и силу закона своим трактирным фантазиям» [там же: 15].

«Торжество масс» Х. Ортега–и–Гассет связывает с материальным обогащением общества, результатом чего стало уравнивание всего – богатства, культуры, слабого и сильного пола, континентов (сравнивая при этом Европу и Америку). И если рассматривать проблему «нашествия масс» именно с этой точки зрения, то можно согласиться с современными исследователями, утверждающими, что появление массовой культуры, как и самого понятия массы тесно связано с «индустриализацией и урбанизацией, стандартизацией производства и массовым потреблением, бюрократизацией общественной жизни, распространением средств массовой коммуникации» [Березин 2003: 17], причем последние способствуют стремительному превращению мира в глобальную деревню, где информация распространяется мгновенно и доступна каждому, а личность (и это следует особо подчеркнуть) утрачивает присущий только человеку дар строить свое мировосприятие последовательно на основе знания и вынуждена полагаться не на анализ, а на интуицию [McLuhan 1964; McLuhan 1962].

Другими словами, нашествие масс непосредственно связано со специфическими чертами индустриального общества в целом, которое оказалось,

с одной стороны, способным полностью перестроить реальность, внедрить в жизнь новые порядки, внушая человеку уверенность в том, что мир с каждым днем будет становиться все более совершенным, а, с другой, смогло сдерживать «качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, новое направление производственного процесса и новые формы человеческого существования» [Маркузе www.bim-bad.ru]. Но самое главное, как нам представляется, заключается в сделанном Г. Маркузе выводе: **«способ, которым общество организует жизнь своих членов, предполагает первоначальный выбор между историческими альтернативами, определяемыми унаследованным уровнем материальной и интеллектуальной культуры. Сам же выбор является результатом игры господствующих интересов»** [там же: 4-5] [выделено нами – Д.Г.].

Сделанный в первой половине XX века выбор в пользу человека массы сегодня очевиден. И предпочтенный всем остальным вариант будущего потребовал от победителей формирования особого психологического типа, соответствующего потребности выживания проектируемого общества – индивида, ориентированного только на свои, постоянно растущие, запросы, наиболее полная реализация которых возможна только в результате умения приспосабливаться к окружающей среде. Именно на постоянное совершенствование этих качеств и были изначально направлены усилия массовой культуры, основной функцией которой и является функция социальной адаптации [Флиер 1998], что, в свою очередь, предполагает полное принятие человеком предлагаемой через различные формы массовой культуры стандартизированной системы ценностей и норм поведения. Этот процесс был характерен для стран Западной Европы на протяжении нескольких десятилетий.

В конце XX века, как отмечает автор одной из наиболее цитируемых в социологии работ С. Хандтингтон, мир вступил в новую фазу – фазу глобализации, а так как важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов определяются культурой, то столкновение цивилизаций, по мнению исследователя, должно было стать доминирующим

фактором всей мировой политики [Хантингтон 2003]. Однако к моменту выхода вышеупомянутого исследования Советский Союз уже распался, поэтому человек адаптивный, глобальный, погруженный в свой индивидуальный мир и преследующий собственные цели (конформный нонконформист, если использовать термин Т. Адорно), стал беспрепятственно и активно конструироваться и в России. Главным инструментом его формирования вновь оказалась массовая культура, направленная, как подчеркивал С. Хантингтон, прежде всего, на подавление автохтонных культур с целью ослабления национального самосознания [там же].

Феномен стремительного распространения массовой культуры как «культуры повседневной жизни, доступной широчайшей аудитории через средства массовой коммуникации» [Маркова 1996: 37] в России (как, собственно, и в других странах) объясняется двумя основными причинами. С одной стороны, она представляет собой чисто коммерческий проект (подробнее этот вопрос рассматривался в предыдущих разделах работы), имеющий мощную финансовую и экономическую поддержку со стороны государственного аппарата, а также от всемогущих транснациональных компаний [Шестаков 1988: 16; Смольская 1986]. С другой, потребление продукции, предлагаемой массовой культурой, обусловлено спецификой индустриального общества, высвобождающего время для «досуга», и особенностью значительной части аудитории, движимой лишь стремлением к психологическому расслаблению [Мамонтов 1999], удовлетворяемому за счет целого ряда специфических признаков, присущих серийной продукции масскульта, к которым исследователи массовой культуры относят: примитивность характеристик межличностных отношений, низведение социальных, классовых конфликтов к сюжетно занимательным столкновениям «хороших» и «плохих» людей, чья цель – достижение личного счастья любой ценой; почти не знающую исключений обязательность «счастливого конца»; развлекательность, забавность, сентиментальность комиксов, ходовых книжных и журнальных публикаций, коммерческого кино с натуралистическим смакованием насилия и секса; ориентированность на подсознание, инстинкты – жажда

обладания, чувство собственности, национальные и расовые предрассудки, культ успеха, культ сильной личности и, вместе с тем, культ посредственности, условность, примитивная символика, огромная роль деталей внешней формы, отделяющих «своих» от всех остальных – «чужаков» [Глазычев 1970, Гуревич 1994].

Все эти характеристики массовой культуры позволяют успешно реализовать ее основную цель – формирование социальных стереотипов (термин, введенный в работе У. Липпмана [Липпман 2004].) определяемых как «устойчивое, категоричное и крайне упрощенное представление (мнение, суждение) о к.-л. явлении, группе, исторической личности, распространенное в данной социальной среде» [Большая психологическая энциклопедия. krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/STEREOTIPI_SOTSIALNIE.html], включающих в себя автостереотипы, гетеростереотипы, стереотипы моделей поведения, моды, красоты, и, главное, системы ценностей, в том числе и смыслового содержания, стоящего за прецедентным именем. Во всех этих случаях механизм формирования идентичен: определенная ситуация или совокупность характеристик феномена или объекта, созданных в продуктах масскульта, маркируется словом, чаще всего обладающим яркой образной составляющей, которое становится в индивидуальном сознании квинтэссенцией определенных свойств.

Анализ работ, посвященных социальным стереотипам [Кон 1996; Белл 1999; Van den Berghe 1978; Агеев 1986; De Carvalho 2001 и др.], показывает, что этот феномен (и это полностью относится к смыслу, стоящему за прецедентным именем) отличают две существенные черты: во-первых, конструирование его содержания обеспечивается употреблением эмоционально нагруженных языковых средств, за которыми стоит минимальный объем знаний; во-вторых, как можно предполагать, именно высокая степень эмоциональности объясняет подвижность социальных стереотипов (более подробно см.: [Tajfel 1981]), следовательно, подвижность смыслового наполнения культурных ценностей и списка прецедентных имен, а также возможность оказывать на них воздействие извне с целью изменения их сути при сохранении основной внешней функции –

обеспечения символической целостности некой социальной группы. И именно такое воздействие является, как уже упоминалось неоднократно, основной задачей современной массовой культуры.

Примеры изменения культурных ценностей, обозначенных прецедентным именем, как и изменение самого списка имен под воздействием СМК, через которые и транслируется массовая культура, многочисленны. Наиболее показательными в этом отношении, на наш взгляд, являются появившееся в наших собственных экспериментах в 2014 году как символ *жестокости* имя Степана Бандеры (ожидаемый «ответ» на постоянное муссирование в СМК темы Украины), лидирующее по количеству реакций на символ *преданность* имя Хатико (у взрослых людей оно разделяет первое место с именем Бим, на третьем месте стоит Санчо Панса, ни разу не упомянутое студентами), символизирующие *успех* в сознании всех представителей русского лингвокультурного сообщества Билл Гейтс и Роман Абрамович. Каждое из этих имен свидетельствует об эффективности современной массовой культуры, успешно заменяющей как смысловое содержание ключевых культурных ценностей, так и список традиционных для русской культуры имен.

В целом эти (как и многие другие примеры) еще раз подтверждают, что массовая культура, язык которой тесно связан с эмоциональной стороной переработки поступающей в сознание информации, служит для упрощения восприятия реальности в сознании, широко используется для пропаганды идей, востребованных определенной социальной группой, оказывает огромное влияние на формирование личной системы ценностей, познание человеком сущности базовых понятий культуры, что проявляется в конкретной деятельности и в доминирующих в обществе стандартах поведения.

Суммируя результаты проведенного анализа, еще раз подчеркнем:

1) Массовая культура, в основе которой лежат теоретические положения, получившие глубокое обоснование и развитие в философии позитивизма и фрейдизме, выполняет ряд социальных функций, главные из которых – стандартизация личности и связанное с этим подавление национальных

культур с целью ослабления национального сознания и размывания национальной идентичности.

2) Становление массовой культуры и «торжество масс» (Х. Ортега –и– Гассет) связаны с материальным обогащением индустриального общества, которое поставило своей целью формирование нового индивида, ориентированного только на свои, постоянно растущие, запросы, реализация которых возможна только в результате умения приспосабливаться к окружающей среде. Такая адаптивность, в свою очередь, формируется через различные формы массовой культуры.

3) Специфические характеристики массовой культуры позволяют ей формировать универсальные стереотипы и универсальную систему ценностей, в том числе и с помощью изменения смыслов, стоящих за прецедентными именами, входящими в общую когнитивную базу любого лингвокультурного сообщества, а также изменять сам список прецедентных имен, в конечном итоге превращая индивидуальность в индивида, легко контролируемую и управляемую биологическую особь.

1.3. Прецедентное имя в индивидуальном языковом сознании

1.3.1. Понятие языкового сознания. Языковое сознание этноса vs индивидуальное языковое сознание

Понятие языкового сознания, определяемого в отечественной психолингвистике как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26], появилось в науке в конце XX века, когда назрела необходимость выявить и проанализировать основные причины коммуникативных неудач в процессе межкультурного общения, которое стало рассматриваться как «общение

носителей разных национальных сознаний» [Тарасов 1996: 9] (см. также [Тарасов 1998]).

Главное, что следует подчеркнуть – это сформировавшийся с самого начала данного направления исследований в психолингвистике подход к языковому сознанию, которое стало рассматриваться не только как средство познания чужой культуры, включающее ее предметную (специфику образов сознания, которые отражают предметы конкретной культуры), деятельностную (специфику структуры деятельности и общения) и ментальную (специфику воспринимаемых носителем культуры причинных связей явлений, а также вызываемых этими явлениями эмоций) формы, но и как важнейший способ понимания специфики культуры своего собственного этноса.

Для нашей работы принципиально важными являются несколько положений, сформулированных, теоретически обоснованных и экспериментально подтвержденных в ходе изучения языкового сознания.

Во-первых, это касается выдвинутого Е.Ф. Тарасовым тезиса о том, что постижение чужой культуры, ее системных (в отличие от природных) качеств неизбежно требует понимания самой культуры как системы. Как замечает автор: «Системные качества культурных предметов непосредственно не наблюдаемы, сверхчувственны и часто знаковы, символичны. Знаковый, символический характер системных качеств культурных предметов, не обнаруживающий себя в самих предметах, открывается только человеку, обладающему знанием системы, в которой конкретный культурный предмет приобретает эти качества. Отсюда следует, что **сверхчувственные качества предметов конкретной национальной культуры открыты только носителю этой культуры, обладающему знанием культурных и социальных систем, элементом которых являются эти культурные предметы**» [Там же: 33] [выделено нами – Д.Г.].

Прежде всего, этот тезис нашел свое подтверждение в строении Ассоциативного тезауруса современного русского языка, который имеет вид многомерной ассоциативной сети, дающей ясное понимание того, как устроено и

функционирует языковое сознание «усредненного» носителя любой культуры [Уфимцева 2011].

Дальнейшие исследования, проводимые как с использованием материалов тезауруса, так и собственных экспериментальных данных, позволили авторам, изучающим языковое сознание, доказать, что для каждой культуры и каждого языка существует не просто определенная система сети, но и определенный «ассоциативный профиль» образов сознания, а также выявить ядра языкового сознания некоторых этносов, особый состав которых в каждом конкретном случае раскрывает специфику их культуры [Залевская 1981; Уфимцева 1996; Уфимцева 2000; Уфимцева 2011; Боргоякова 2002; Дашиева 1999; Попкова 2002; Береснева 1995].

И последнее, что необходимо отметить, говоря о языковом сознании этноса, – это совпадение смыслового наполнения данного термина с термином образ мира в работах А.Н. Леонтьева [Леонтьев А.Н. 1999]. Основное различие, как отмечает И.А. Бубнова, заключается в том, что в психологии при изучении образа мира в фокусе внимания оказывается индивидуальное восприятие, субъективное в значении слов, через которые индивид видит окружающую его действительность. В психолингвистических исследованиях основным объектом становятся культурные константы, которые обуславливают национальное своеобразие в представлениях о мире. Однако (и это особо подчеркивает исследователь) в сознании отдельной личности как представителя своей лингвокультуры, а, следовательно, и в национальном сознании, социальное и индивидуальное всегда тесно взаимосвязаны и неразделимы, поэтому с точки зрения неопсихолингвистики образ мира может определяться как феномен массового либо индивидуального сознания, представляющий собой некую модель мира, в которой переплетены воедино как объективные познанные системные связи, так и субъективные оценки и переживания действительности, причем последние могут относиться и к целому сообществу, объединенному языком и культурой, и к его отдельным представителям [Бубнова 2011].

Присоединяясь к высказанному мнению, мы полагаем, что такой подход обладает высоким объясняющим потенциалом: он позволяет интерпретировать динамику национального образа мира, отраженного в языковом сознании, исходя из динамики образа мира представителей определенной социальной группы, входящей в национальное лингвокультурное сообщество (см. подробнее в работе [Бубнова, Красных 2014]).

В свою очередь, образ мира людей, составляющих конкретный социальный слой, определяется общим пониманием его членами значений слов, обозначающих главные культурные ценности этноса. Само же значение слова с точки зрения психолингвистики является динамическим феноменом, формирующимся в индивидуальном сознании в результате отражения человеком окружающей действительности и изменяющимся под влиянием различных видов деятельности, субъектом или объектом которой становится личность. Иначе говоря, сознание отдельного человека может быть представлено как система значений в силу того, что только слова, являясь, с одной стороны, материей языка, с другой, содержат в себе в идеальной форме весь предметный мир с присущими ему свойствами, связями и отношениями [Леонтьев А.Н. 2004]. И именно система предметных значений в данном случае составляет тот самый языковой круг (по В. фон Гумбольдту), который не только позволяет человеку видеть мир, но и, меняясь от культуры к культуре, определяет специфику миропонимания народа.

В основе такого – психолингвистического – понимания сознания человека лежит тезис о неразрывной связи сознания с феноменом языковой личности, с одной стороны, и с языком, с другой, восходящий еще к работам В. Фон Гумбольдта [Гумбольдт 2001], что, в свою очередь, дает основания утверждать следующее:

– язык представляет собой деятельностьную структуру, которой «принадлежат значения как социальные по своей сущности единицы, универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням и,

наконец, специфические для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и речевосприятия)» [Леонтьев А.А. 1997: 42];

- содержание психики человека проявляется в вербальных и невербальных знаках только благодаря существованию языка и владению человеком значениями слов. Эти знаки во внешней речи представляют собой ассоциативные реакции на слово, однако по сути своей они репрезентируют смысл слова в сознании отдельной личности, т.е. являются тем, что в психолингвистике обозначается как психологическая структура значения (А.А. Леонтьев) или субъективное значение [Бубнова 2008: 81], причем этот феномен формируется в процессе отражения индивидом действительности и, соответственно, «приобретает качества, возникающие только в системе индивидуальных деятельности личности» [Пищальникова 1991:7];

- наличие языкового сознания является важнейшим свойством *homo sapiens*;

- основная функция языкового сознания заключается в обеспечении неразрывного единства человека (общества), языка и внешнего мира. Содержание языкового сознания, отражающего специфику мировидения и миропонимания или, иными словами, образ мира личности, принадлежащей одновременно и к культуре, и к отдельной социальной группе, определяется, с одной стороны, социальными факторами, а с другой – уровнем зрелости личности, степенью сформированности внутреннего я, ее индивидуальностью.

Таким образом, языковое сознание представляет собой тот самый механизм, который отвечает за регуляцию всей речемыслительной деятельности индивида, начиная от смутного замысла и заканчивая контролем самого высказывания. Отсюда следует, что наиболее существенной его характеристикой является осознаваемость или, как пишет А.А. Залевская, «переживание понятности, достаточными для которого оказываются перцептивно-когнитивно-аффективные опоры, мгновенно «подпирающие» понимание через цепи разноплановых выводных знаний-переживаний, которые в процессах познания формируются по

законам психической деятельности, но под контролем социума (культуры)» [Залевская 2003: 95].

И здесь очень важно подчеркнуть, что психолингвистическое понимание значения слова как принадлежности индивидуального сознания, сориентированное на внутренний смысл, «который существует в человеке и для человека» [Фрумкина 1992], т.е. и на интрапсихические, и на интерпсихические процессы, позволяет говорить о таком значении именно как о концепте_{инд.} (термин А.А. Залевской), в котором закреплены различные продукты переработки разностороннего опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Однако очевидно, что весь этот опыт не может быть полностью эксплицирован, и, следовательно, в речевой деятельности в силу сложности строения человеческого сознания и специфики протекания мыслительных процессов, проявляются далеко не все знания, хранящиеся в индивидуальной когнитивной базе (см. об этом: [Залевская 2005; Красных 2003; Ушакова 2004; Ушакова 2004; Ушакова 2005] или его концептуальной сфере (см. работы: [Бабушкин 1998; Болдырев 2001; Кубрякова 2004; Попова, Стернин 2002; Попова, Стернин 2006] и др.). Однако эти знания оказывают огромное влияние на содержание индивидуального значения, и их переструктурирование под влиянием социума, как нам представляется, способно изменять смысл слова в сознании личности, а, следовательно, и ее образ мира.

Подводя краткий итог рассуждениям, представленным в данном разделе, отметим следующее:

1) Языковое сознание представляет собой систему связей слов, определяемую национальной культурой и представленную в сознании ее носителей. Его основная функция заключается в обеспечении неразрывного единства человека (общества), языка и внешнего мира.

2) Специфика связей слов, проявляющихся в ходе исследований языкового сознания отдельного лингвокультурного сообщества отражает особенности его миропонимания и мировидения, т.е. его образ мира. В свою очередь, образ мира как некая модель мира, где представлены не только

объективные познанные системные связи, но и субъективные оценки и переживания действительности, может рассматриваться как феномен, относящийся не только ко всему культурному сообществу, но и к определенным социальным группам внутри его, а также к его отдельным представителям

3) Значения слов, входящие в языковое сознание и определяющие его культурную специфику как на массовом, так и на индивидуальном уровнях, являются подвижными динамическими образованиями, изменяющимися под воздействием социальных факторов.

4) По мере накопления изменений в содержании значений слов, особенно тех, которые отражают базовые ценности народа, должны происходить изменения когнитивной базы этноса – определённым образом структурированной совокупности «знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2011 3], обеспечивающей сохранение чувства национальной идентичности и передачу культурных ценностей нации от поколения к поколению. Эти изменения должны проявляться в языковом сознании и, соответственно, этническом образе мира.

5) На уровне индивида и отдельной социальной группы значения слов под влиянием социума способны изменяться значительно быстрее, чем на уровне всего лингвокультурного сообщества. Однако именно изменения значений слов в сознании представителей определенных социальных групп способны трансформировать образ мира народа.

1.3.2. Специфика формирования содержания прецедентного имени в языковом сознании человека как носителя культуры и члена определенной социальной группы

Проблема содержания прецедентного имени в сознании отдельной личности может быть представлена как проблема понимания ситуации, маркированной именем, причем в данном случае неважно, о какой ситуации – описанной в

художественном тексте или реальной, которая затем была зафиксирована тем или иным образом, – идет речь. Главное, что такая ситуация известна широким массам, а ее интерпретация разделяется большей частью носителей культуры и языка. И в этом случае очевидно, что с точки зрения индивидуального сознания формирование значения прецедентного имени непосредственно связано с понятием социализации и интериоризации знаний, транслируемых социумом через различные социальные институты, прежде всего, образовательные учреждения, СМК, массовую культуру.

Следует отметить, что в самой лингвистике и других гуманитарных науках изучение феномена понимания связано, прежде всего, с исследованием процессов понимания текста. Избранный фокус представляется вполне оправданным, так как любой текст является особым семантически значимым пространством, в котором неразрывно объединены мир внешний и внутренний мир человека, имеющий сходство с реальным миром, но не совпадающий с ним.

Многосторонность и сложность процесса понимания как объекта исследования обуславливает и существование разнообразных подходов к его изучению. Проблемами понимания занимаются философы [Автономова 1988; Павиленис 1986; Налимов 1989 и др.], данное явление глубоко исследуется в рамках психологии [Жинкин 1982; Зимняя 2001; Клацки 1978; Хофман 1986 и др.] и семиосоциопсихологии [Дридзе 1984], рассматривается с точки зрения синергетики [Пригожин 2000; Налимов 2002 и др.], герменевтики [Богин 1982; Брудный 2005], а также когнитивистики [Найссер 1981; Нишанов 1987 и др.], психосемантики [Петренко 1988, Серкин 2008] и психолингвистики [Горелов 2003; Залевская 2005; Леонтьев А.А. 2001; Сахарный 1989; Сорокин 1985 и др.].

Многообразие направлений объясняется, в свою очередь, конкретными задачами, стоящими перед определенной областью научного знания, а также ее методологией и теоретическими постулатами, что в целом и определяет собственный предмет исследования.

Что касается психолингвистики, то к данной области принято относить те работы, посвященные вопросам смыслового восприятия текста, «в которых

рассматривается (теоретически и прагматически, в рамках определенного понятийного аппарата) по крайней мере взаимодействие диады “реципиент – текст”, причем реципиентом не является сам исследователь» [Сорокин 1985: 9] (см. также [Сорокин 1982; Сорокин 1991; Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979]). Не менее важным в данной парадигме оказывается то, что основой современного психолингвистического подхода, в отличие от философских либо лингвистических концепций, модели которых базируются на логических рассуждениях, стало понятие смыслового восприятия, которое, «включая в себя осмысление и предполагая работу памяти, является сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельностью» [Зимняя 1976: 7]. Иначе говоря, с психолингвистической точки зрения процесс понимания текста представляет собой конструирование реципиентом в своем сознании определенной мыслительной схемы, причем на этот процесс оказывают влияние несколько факторов.

Первый фактор – это специфика индивидуального процесса познания, т.е. особенности когнитивного стиля, который определяет типичный алгоритм операции «извлечения смысла» из заданной извне формы. Существует, по крайней мере, два ведущих способа деятельности, направленных на понимание воспринимаемых сведений. Во-первых, она может быть аналитической, т.е. процессом вывода нового знания в ходе реструктурирования отношений внутри мыслительного поля (типичным «анализом через синтез», как определял это С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн 1989]) (см. об этом также: [Брушлинский 1979]). Очевидно, что в этом случае усвоение содержания не может быть ограничено, т.к. в ходе анализа появляется дополнительная информация (в том числе и невербальная, которая также участвует в процессе построения ментальных репрезентаций), что ведет к выделению новых граней явления, очередному синтезу, и, соответственно, следующему этапу анализа. Именно такой тип познания позволяет адресату все более глубоко проникать в смысловое содержание транслируемых знаний. Второй путь – это соотнесение воспринятых

данных с готовыми смысловыми стереотипами, с выделением основного с позиции, предзаданной извне.

Второй фактор также касается специфики когнитивной деятельности индивида, в частности широты набора схем, стереотипов и представлений, хранящихся в памяти субъекта познания. Количество «когнитивных совокупностей знаний и представлений» (термин В.В. Красных), выработанных им на основе прошлого опыта деятельности, позволяют субъекту познания сначала сформировать установку, т.е. предзаданную позицию относительно будущего сообщения, а затем соотносить полученный сигнал «с единицами наглядного кода внутренней речи (УПК) и с результатами отражения ситуации в момент общения» [Горелов 2003: 64] (отметим, что понимание процесса познания в данном случае коррелирует с развитым в психологии понятием установки [Узнадзе 1966; Бернштейн 1966; Braithwaite, Scott 1991; McGuire 1985; Зимбардо, Ляйппе 2001]).

Третьим определяющим смыслоформирование фактором является то, что представленные в индивидуальном сознании схемы, т.е. когнитивная база индивида, не является полностью субъективным образованием, т.к. структура личности, конкретные формы личностного развития, несмотря на определенную вариативность личного опыта каждого человека, в целом определяются культурой и социумом, а основой всего этого процесса, его главным опосредующим фактором, как указывал еще Л.С. Выготский, является речь, несущая знаки, обусловленные социально [Выготский 2004].

Таким образом, в целом именно совокупность вышеперечисленных факторов обуславливает выбор единиц из сложившегося в сознании личности индивидуального образа мира, которые в процессе восприятия текста становятся основой для построения ментальной репрезентации его смысла. Иными словами, понимание определяется всем наличным содержанием индивидуального языкового сознания, образом мира человека, через призму которого он декодирует услышанное либо прочитанное.

Отсюда следует, что исследование проблемы понимания непосредственно связано с исследованием значения слова, проставляющего собой средство «выхода на личностно переживаемую индивидуальную картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоциональных нюансов и т.д.», и средство «соотнесения личностных картин мира, для чего необходима общепринятая системность значений слов, разделяемая социумом и выступающая в качестве инварианта» [Залевская 2005: 231 – 232]. Именно такая система значений (образ мира по А.Н. Леонтьеву [Леонтьев А.Н. 1983]), возникающая как интегральный идеальный продукт работы сознания, формирующаяся в ходе постоянных трансформаций чувственных образов в значения и смыслы в соответствии с общественно-исторической практикой и личным опытом субъекта деятельности, представляет познанные человеком объективные связи, определяет глубину понимания отдельных явлений внешнего мира и, в конечном итоге, его целостное видение действительности. И здесь важно подчеркнуть, что формирование субъективного значения соотносимо с извлечением смысла текста, с той лишь разницей, что в последнем случае в роли текста выступает определенный фрагмент деятельности, встроенный в общий культурный и социальный контекст.

Проведенный краткий анализ проблемы понимания как «извлечения смысла» из текста/ситуации, который затем становится «материалом» для формирования значения слова как единицы индивидуального сознания, а затем и системы значений, т.е. его индивидуального образа мира, позволяет приблизиться к проблеме понимания человеком смыслового содержания, стоящего за прецедентным именем (далее ПИ).

Однако, прежде чем более детально рассмотреть данный процесс, следует обратиться к специфике ПИ, которая, как показывает проведенный нами анализ работ, посвященный анализируемому феномену [Захаренко 1997; Захаренко 1997; Балахонская 2002; Боярских 2006; Ворожцова 2007; Ворожцова 2006; Слышкин 2000; Слышкин, Гриценко, Косиченко 2006 и др.], состоит в следующем:

Во-первых, по своей сути ПИ может быть отнесено к группе абстрактной лексики, куда, как правило, включаются имена событийные – названия событий, процессов, действий, состояний, а также имена признаков – названия качеств, признаков, параметрических единиц, различных сфер человеческой деятельности и конкретных ее областей, а также названия абстрактных понятий, таких как: а) философские категории и их конкретные проявления; б) разного рода качественные характеристики действий, предметов и явлений; в) гносеологические понятия [Всеволодова 2000] (см. также: [Арутюнова 1976; Кацнельсон 1972]).

Во-вторых, как и любое иное абстрактное имя, ПИ представляет собой опредмеченный признак и обозначает понятие, которое относится к различным аспектам – умственным, психическим, нравственным, социальным – деятельности человека. Иными словами, семантика ПИ двучастна: в их смысловой структуре совмещены совершенно различные по степени своей абстракции значения, причем одно из которых образуется на основе денотата, а второе – на сигнификативной основе. Именно такая особенность абстрактной лексики позволяет утверждать, что: «Абстрактное имя представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности (они могут и противоречить друг другу), которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме имени, не объединены» [Чернейко 1997: 66 – 67].

В-третьих, если в абстрактном, в том числе и в ПИ, имени, объединены самые разные идеи (что служит основой для метафоризации), то очевидно, что такие имена представляют собой «имена сложных ситуаций» [Филлмор 1983: 119], причем, как отмечает Л.О.Чернейко, в силу большей или меньшей степени отчетливости выделяемых в них признаков, они могут быть расположены в разных местах на шкале абстракции [Чернейко 1997].

И, наконец, абстрактные имена, как писал еще Дж. Локк, представляют собой ни что иное, как объединение коллективным разумом многих реальных, однако ничем не связанных в физическом мире, вещей, в одну идею, которая

существует в мыслях людей и рассматривается данным социумом как культурный эталон [Локк 1985]. Иначе говоря, деонтология и аксиология, в отличие от объективных законов природы, не познаются людьми, а создаются ими, причем общество целенаправленно и осознанно формулирует основы норм поведения, которые затем признаются главными условиями его существования и выживания. Именно это определяет наличие «материального субстрата», лежащего в основе абстрактного имени, который и делает его «вещным» в окружающем человека мире. Данный «субстрат», в свою очередь, проявляется в деятельности людей, результаты которой, обобщаясь в коллективной мысли, закрепляются в языке – словом, выражением, конкретным названием или личным именем.

Если рассматривать процесс формирования смыслового содержания ПИ с точки зрения психолингвистики, то его отличие от формирования значения слов, принадлежащих к группе конкретной лексики состоит в особых психических механизмах, которые стоят за операцией обобщения. В силу того, что за ПИ стоят явления, принадлежащие к совершенно другому уровню реальности, чем те, которые определяют имена конкретные, то образование значения такого имени в индивидуальном сознании требует и иного типа когнитивной деятельности. Как подчеркивает Л.С. Выготский: «Абстракция и обобщение мысли принципиально отличны от абстракции и обобщения вещей. Это не дальнейшее движение в том же направлении, не его завершение, а начало нового направления, переход в новый и высший план мысли» [Выготский 2004: 937]. И в ходе этой деятельности, представляющей собой континуальный процесс смыслообразования, происходящий на всех уровнях обобщенности информации, опосредованный как индивидуальной системой мотивов, так и опытом личности, полученным ею в процессе социализации, сознанием человека должна быть интериоризирована вся та информация, которая хранится в общей когнитивной базе – структурированной совокупности знаний и национально-детерминированных минимизированных представлений какого-либо национально-лингво-культурного сообщества [Красных 2001]. И только в этом случае субъективное значение ПИ как единицы

индивидуального когнитивного пространства/индивидуального лексикона совпадет с тем значением, которыми обладают все его представители.

Из сказанного выше следует, что постижение сущности ПИ личностью связано, с одной стороны, с ее деятельностью и, соответственно, с все более глубоким познанием сути вещей, постигаемых в мыследеятельности путем абстрагирования и комбинирования свойств, ситуаций, связей, отношений, наблюдаемых в жизни [Комлев 2003]. С другой стороны, вся накопленная в сознании информация должна быть «привязана» к определенному денотату, который имеет физическую основу в действительности и, в рамках психолингвистического подхода к значению, может быть обозначен как прототипический, т.е. включающий в себя определенный набор свойств, которые характерны для центральных случаев употребления слова и зафиксированы в словарных статьях.

Принципиально важным здесь оказывается тот факт, что денотат ПИ (как и практически всех абстрактных имен, соотносимых с морально-нравственной сферой), непосредственно зависит от социума, точнее, от социальных институтов, определяющих, формирующих и контролирующих ценности и нормы поведения в обществе. И в этом плане мы полностью разделяем мнение Е.Ф. Тарасова, замечаящего: «Человеческие ценности, социальные типы (социальные роли), социальные стереотипы поведения, образы и стили жизни, социальные мифологемы – это представления, конструируемые в социуме для маркирования и регулирования социальных отношений. ... значения слов, маркирующие отношения людей, складывающиеся в ходе общения членов социума, детерминированы социальным произволом субъектов общения, т.е. значение этих слов – результат социального конструирования» [Тарасов 2009: 52].

Проведенный анализ специфики ПИ в психолингвистическом аспекте позволяет утверждать, что наиболее емкое объяснение процесса ограничения искусственно сконструированными и навязываемыми извне правилами социального взаимодействия тех гипотез, которые индивид выдвигает при восприятии явления на поверхностном уровне и его знаний о сущности

познаваемых феноменов на ядерном уровне, как и понимание направленного процесса развития субъективного значения возможно:

– с точки зрения теории Н.И. Жинкина [Жинкин 1958; Жинкин 1982] и концепции психологических механизмов речевой деятельности, развитых И.А. Зимней [Зимняя 1985], где основной акцент ставится на механизме осмысления, реализуемом через все основные умственные действия и операции. Огромную роль в данном процессе играет и речевая память, в частности, имеющиеся в памяти знания и представления об определенной части окружающей человека реальности. Несформированность умственных действий, как и неразвитость речевой памяти современного молодого человека позволяют легко переформатировать культурные эталоны и формировать те смыслы, которые требуются определенным социальным группам в настоящее время;

– не меньшим объяснительным потенциалом обладает и «эвристический принцип» организации речевой деятельности, предполагающий выбор стратегии и «модели будущего» [Бернштейн 2012], сформулированный в работах А.А. Леонтьева. Стереотипизация деятельности и мышления, на которую направлена современная система образования и массовая культура, не дает возможности сформироваться важнейшему звену прогнозирования различных вариантов возможного будущего, что, соответственно, ведет к блокировке процессов осмысления поступающей информации в индивидуальном сознании.

Таким образом, концепции, развитые в рамках общепсихологической теории деятельности [Леонтьев А.Н. 2004], позволяют объяснить:

- 1) процесс «передачи» требуемых знаний от говорящего к слушающему и роль в этом процессе наличного содержания индивидуального языкового сознания;
- 2) частичную адекватность значений языковых знаков, используемых в коммуникации, неязыковым знаниям, хранящимся в сознании человека;
- 3) существование «приемлемого» (термин Е.Ф. Тарасова) уровня индивидуальности понимания, границы которого определяются необходимостью осуществления совместной деятельности.

Подводя итог проведенному анализу, необходимо еще раз подчеркнуть, что сложность процесса понимания и построения смыслового содержания ПИ в индивидуальном сознании, а также возможность воздействия на это содержание извне, обусловлена следующими факторами:

1) ПИ по своим характеристикам относится к группе абстрактной лексики, специфической особенностью которой является двучастный характер ее семантики: в их смысловой структуре совмещены совершенно различные по степени своей абстракции значения, причем одно из них образуется на основе денотата, а второе – на сигнификативной основе.

2) Денотат ПИ имеет физическую основу в действительности (реальной или вымышленной) и в рамках психолингвистического подхода к значению может быть обозначен как прототипический, т.е. включающий в себя определенный набор свойств, которые характерны для центральных случаев употребления слова и зафиксированы в словарных статьях. Сигнификат ПИ представляет собой некую идею, созданную в мыслях людей и рассматриваемую ими как некая норма.

3) Денотат ПИ непосредственно зависит от социальных институтов, определяющих, формирующих и контролирующих ценности и нормы поведения в обществе.

4) Процесс формирования значения ПИ на индивидуальном уровне ограничивается и направляется социумом, причем диапазон возможностей такого направленного социального воздействия, как и специфика динамики содержания и номенклатуры ПИ в сознании отдельной личности может получить достаточно полное объяснение с точки зрения общепсихологической теории деятельности и теории речевой деятельности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проведенный теоретический анализ работ, направленный на выявление специфики существования и формирования прецедентного имени в культуре, социуме, в частности, образовательном процессе и массовой культуре, а также в языковом сознании носителя базовых ценностей лингвокультурного сообщества, позволяет прийти к следующим выводам:

1) Ядром культуры, представляющей собой одновременно и динамическое информационное поле, и зафиксированную в языке совокупность достижений общества, являются духовные ценности, которые, несмотря на их неосознаваемый характер, детерминируют миропонимание, иерархию смысложизненных ориентаций и поведение их носителей. Владение информацией определенной социальной группой, с одной стороны, и потребность в ней у социума в целом, с другой, стимулируют, во-первых, обмен ею в процессе коммуникации, и, во-вторых, огромную заинтересованность определенных социальных слоев в ее отборе и способах подачи.

В диаде человек – культура человек как член определенной группы может играть как роль звена, стабилизирующего присущий данному лингвокультурному сообществу геном социальной жизни, так и противоположную роль, когда изменения смыслового содержания, стоящего за культурными знаками в определенном социальном слое, могут провоцировать изменения на уровне национально-этнического миропонимания.

2) Прецедентные феномены, в основе которых лежит чувственное восприятие, осознание и ценностное переживание некоторого явления или события, закрепленное в языке и сохраняющееся в языковом сознании народа, относятся к сфере ментального и представляют собой один из наиболее емких «языков культуры». Наиболее точно ценностные установки, ценностную основу

мировидения и миропонимания народа передают прецедентные имена, олицетворяющие определенную идею, культурный эталон, воспринимаемый в лингвокультурном сообществе в качестве меры. Специфика прецедентных имен заключается в том, что они:

- являясь частью общей когнитивной базы лингвокультурного сообщества, одновременно несут в себе информацию как о культурном своеобразии и историческом пути развития народа, так и о его настоящем, и это их качество позволяет делать прогнозы относительно будущего;

- входя в индивидуальный образ мира, влияют на иерархию и смысловое содержание базовых ценностей, причем набор и сущность, стоящая за прецедентными именами в сознании отдельной личности, могут изменяться под влиянием внешних (тип информации и специфика условий, в которых происходит конструирование конкретной ситуации, а затем ее инварианта, обозначаемой ПИ, в индивидуальном сознании человека) и внутренних факторов. Нарушение устойчивости связей между именем и стоящими за ним понятиями в индивидуальном тезаурусе, спровоцированное извне или вызванное внутренними факторами, должно вести к перестройке личной иерархии смыслов и ценностей. Накапливаясь, такие изменения могут спровоцировать изменения в общей когнитивной базе и, соответственно, в инвариантной части структуры общенациональной языковой личности.

3) Результатом длительного исторического развития является объединение между собой нескольких культур и возникновение на этой основе культурной суперсистемы – цивилизации, в становлении которой ведущую роль играют различные социальные системы, т.е. государство со всеми присущими ему социальными институтами, определяющими, поддерживающими, изменяющими либо нивелирующими ценность культурного наследия каждого этноса, входящего в культурную суперсистему. В этом случае единственным возможным способом существования и залогом выживания этнической культуры оказываются национальный язык и национальная литература, сохраняющие духовные и нравственные ценности народа.

4) Уникальность бытия человека в мире определяется тем, что он одновременно является как творцом и носителем культуры, так и представителем определенных социальных групп, т.е. носителем определенных цивилизационных ценностей. В этом случае важность культурных и цивилизационных смыслов в его личном мировидении определяется той информацией, которую он присваивает в течение своей жизни в процессе социализации. Особое значение данный фактор приобретает в настоящее время, когда национальная культура под воздействием процесса глобализации переживает процесс трансформации, превращаясь в массовую, формирующую, в свою очередь, новый тип человека – человека глобального.

5) Глобализационные процессы влияют на традиционную культуру с целью ее подавления и разрушения национального самосознания через:

- образовательную систему – особую среду, ответственную за формирование типа личности, который востребован обществом в тот или иной исторический период его развития, в частности, через содержание учебников по гуманитарным дисциплинам, вносящим весомый вклад в формирование и расширение индивидуального культурно ориентированного сознания. В значительной степени данный процесс был опосредован знанием школьником прецедентных имен, входящих в общую когнитивную базу русского лингвокультурного сообщества, и, через эти имена, знанием базовых культурных ценностей. Однако в настоящий момент, как показал проведенный нами анализ, учебники перестали служить той основой, на которой воспитывалась национальная личность;

- массовую культуру, успешно создающую виртуальную реальность и предлагающую молодому человеку нравственные императивы, в корне отличающиеся от традиционных культурных ценностей. В этом случае направленность определенных форм массовой культуры на индивидуальное сознание школьника имеет вполне прагматическую основу: изменения смыслового содержания слов, обозначающих базовые культурные ценности, на уровне индивида и отдельной социальной группы происходят скорее, чем на

уровне всего лингвокультурного сообщества. Однако именно они могут стать основой трансформации образ мира всего народа.

6) Совокупное разрушительное влияние современных учебников по предметам гуманитарного цикла, используемых в современном образовании, и массовой культуры, прежде всего отражается в номенклатуре и смысловом содержании прецедентных имен, входящих в когнитивную базу русского сообщества, что может объясняться специфическими чертами данных имен:

- их принадлежностью к группе абстрактной лексики с двучастным характером семантики: в их смысловой структуре совмещены совершенно различные по степени своей абстракции значения, причем одно из них образуется на основе денотата, а второе – на сигнификативной основе;

- существованием у денотата прецедентного имени прототипического, включающего в себя определенный набор характерных для центральных случаев употребления слова свойств, зафиксированных в словарных статьях, образца в реальной или вымышленной действительности. Сигнификат ПИ представляет собой некую идею, созданную в мыслях людей и рассматриваемую ими как некая норма.

Наличие данных свойств и определяет широкие возможности для изменения денотата и сигнификата прецедентного имени под внешним воздействием, направление которого определяется социальными институтами, формирующими и контролирующими ценности и нормы поведения в обществе.

ГЛАВА 2. Экспериментальное исследование содержания и номенклатуры прецедентных имен в сознании носителей русской лингвокультуры

2.1. Теоретическая основа, методика и процедура проводимого эксперимента

2.1.1. Методологическая основа и понятийный аппарат исследования

Как уже отмечалось во Введении, методологической основой нашего исследования являются, прежде всего, положения о *сознании* как высшей форме психического отражения, свойственной общественно развитому человеку и связанной с речью, как идеальной стороной целеполагающей деятельности, выступающей в двух формах: индивидуальной (личной) и общественной [Большой Энциклопедический словарь <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/44402>].

В классическую эпоху развития науки в качестве основного фактора, определяющего степень объективности человеческого знания, и, следовательно, содержания его сознания, рассматривался уровень развития человеческого мышления. Однако в настоящий момент, в рамках постнеклассической парадигмы, переход к которой связан, прежде всего, с философским осмыслением современного общества с его доминирующей тенденцией к глобализации, доказано, что связующим звеном между личностью, ее познавательными способностями, в том числе типом и степенью развития мышления, и миром является человеческая деятельность. Иными словами, содержание индивидуального сознания сегодня обусловлено в значительной мере не познавательной деятельностью самого человека, а деятельностью различных социальных институтов, намеренно тормозящих индивидуальную познавательную активность и навязывающих личности определенные идеи об окружающей ее реальности [Степин 2000, 2006].

Помимо подходов к сущности *сознания*, разработанных в классической и современной постнеклассической философии, методологической базой данного исследования служат основные положения культурно-исторического подхода, сформированного в работах Л.С. Выготского [Выготский 1982, 1983, 2004], в

частности, представления о развитии как преобразовании натуральных процессов в культурные и, соответственно, появлении совершенно иных – системных – качеств в психике человека в процессе овладения им общественными формами поведения и культурными средствами организации своей психической деятельности. При этом мы считаем необходимым подчеркнуть два момента, важнейших, как нам представляется, и в целом, и в аспекте нашего исследования.

Во-первых, основным звеном в данном процессе является сама личность. «Сам характер культурного развития, – замечает Л.С. Выготский, – в отличие от естественного обуславливает то, что ни память, ни внимание, взятые как таковые и предоставленные сами себе, на каком бы уровне естественного развития они не находились, не могут перейти в процессы общего культурного поведения. Только тогда, когда личность овладевает той или иной формой поведения, она поднимает их на высшую ступень» [Выготский 1983: 316]. Во-вторых, что не менее значимо, процесс вхождения в культуру, освоения культурных форм поведения, как неоднократно отмечал Л.С. Выготский, опосредован символами (знаками), причем высшей формой символической деятельности человека является его речевая деятельность, подразумевающая знание культурных смыслов и, соответственно, способность оперировать значениями слов.

Базовыми для нашей работы являются также положения общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, и, прежде всего, тезис о двойственности существования значений в индивидуальном сознании, который получил детальное обоснование не только в его трудах, но и в трудах его последователей (см., например, [Леонтьев А.Н. 2004]; [Леонтьев А.Н. 1983]; [Леонтьев А.Н. 1999]; [Леонтьев А.Н. 1994]; [Леонтьев А.А. 2001]; [Леонтьев А.А. 1971]; [Лурия 1979]; [Леонтьев Д.А. 2003]). Значения, доказывает А.Н. Леонтьев, с одной стороны «производятся обществом и имеют свою историю в развитии языка, в развитии форм общественного сознания, в них выражается движение человеческой науки и ее познавательных средств, а также **идеологических представлений общества** – религиозных, философских, **политических**. В этом объективном своем бытии они подчиняются общественно-

историческим законам и вместе с тем внутренней логике своего развития» [Леонтьев А.Н. 2004: 113]. [выделено нами – Д.Г.]. «Другая сторона движения значений в системе индивидуального сознания состоит в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими *пристрастности*» [там же: 114] [курсив автора – Д.Г.].

Вопрос о способах выявления объективного содержания сознания был решен в психолингвистике, где было доказано, что это возможно только через исследование *языкового сознания*, под которым в московской психолингвистической школе понимается «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2000] (см. также: [Тарасов 1996]). Результаты работ, выполненных в данном направлении и убедительно подтвердившие существование специфических черт и структурообразующих элементов этнического бессознательного, т.е. тех обусловленных культурой констант, через которые человек видит окружающий мир [Залевская 1979, 1988]; [Пищальникова 2007]; [Дубов 1997]; [Полякова 2009]; [Сабуркина, Сонин 2005]; [Уфимцева 1996]; [Уфимцева 1998]; [Уфимцева 2000]; [Уфимцева 2004]; [Рогожникова 1988], также послужили теоретическим фундаментом нашего исследования.

Помимо этого, при организации эксперимента и в процессе интерпретации полученных данных мы опирались на развиваемые в рамках неопсихолингвистики [Бубнова, Зыкова, Красных, Уфимцева 2017: 33]; [Бубнова, Красных 2014]; [Бубнова, Красных 2014] положения о возможности изменения этнически обусловленного образа мира любого лингвокультурного сообщества посредством трансформации индивидуального образа мира человека как представителя определенной социальной группы, что происходит через модификацию содержания значений слов, прежде всего тех, в которых заключены важные для этноса ценности. Реальность таких процессов определяется совокупностью нескольких факторов.

Во-первых, в сознании личности «Предметный мир выступает в значении, т.е. картина мира наполняется значениями» [Леонтьев А.Н. 1983: 260], причем «... Значения выступают не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за обликом вещей – в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства» [там же: 154].

Во-вторых, познание мира, связей в нем, т.е. формирование содержания психики человека возможно только через коммуникацию и происходит в процессе социализации, специфика которого определяется историческим временем, детерминирующим степень свободы выбора и развития индивидуальности, внутреннего образа мира. И именно индивидуальность, внутреннее я, как отмечает Б.Г. Ананьев, является единственным психологическим барьером, определяющим избирательное отношение человека к различным внешним воздействиям [Ананьев 1968]. Однако сегодня, в условиях глобализации, индивидуальность «стирается»: с одной стороны, все чаще происходит подмена культурных некими «универсальными» ценностями, навязываемыми личности через средства массовой коммуникации и деятельность определенных общественных институтов, а, с другой, способность человека к критическому восприятию поступающей информации блокируется современным образовательным процессом, направленным на формирование компетенций, а не системных знаний.

В-третьих, сама культура, представляющая собой механизм познания и, одновременно, сложную информационную систему, существует одновременно и в противопоставлении с не-культурой – сферой, «функционально принадлежащей культуре, но не выполняющей ее правил» [Лотман 2000: 396]. И именно это обстоятельство, как нам представляется, дает возможность сдвигать границы культуры, либо вводя в нее тексты (в семиотическом смысле), ей не принадлежащие, либо, наоборот, выводя за ее пределы тексты, хранящиеся в течение долгого времени в культурной памяти. Существованием данного механизма может объясняться динамика смыслов, стоящих за значениями слов

как «строительного материала», из которого формируется индивидуальный и этнический образы мира.

Таким образом, методологическая база работы в целом определила не только понятийный аппарат, но и методику и методы исследования, а также интерпретацию полученных экспериментальных данных. Основными единицами понятийного аппарата являются:

1) *Сознание* – форма высшего психического отражения, которая не может быть сведена к функционированию усвоенных извне индивидом значений, т.к. они, «развертываясь, управляют внешней и внутренней деятельностью субъекта» [Леонтьев А.Н. 2004: 111].

2) *Языковое сознание* – система предметных значений в сознании носителя языка и культуры, которые могут эксплицированы в различных, в том числе и в вербальной форме.

3) *Образ мира* – «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев А.А. 2001].

4) *Значение слова как единица языковой системы* – «Заклученный в слове смысл, содержание, связанное с понятием как отражением в сознании предметов и явлений объективного мира. Значение входит в структуру слова в качестве его содержания (внутренней стороны), по отношению к которому звучание выступает как материальная оболочка (внешняя сторона)» [Розенталь, Теленкова <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/>]. Такое значение является результатом реконструкции значения языкового знака, которая осуществляется лингвистами при помощи специальных методов на основе знаний о лексической системе языка и языковых познаниях говорящих.

5) *Значение как единица индивидуального сознания* – динамическая функциональная ментальная схема, формирующаяся в процессе разных видов деятельности, субъектом или объектом которой является личность, структура которой включает в себя разнообразные комплексы признаков: как входящие в

инвариантную часть значения, так и сформированные на основе личного опыта носителя языка, его мотивов, целей, а также индивидуально-психические особенностей. Специфика значения как единицы индивидуального сознания заключается в его одновременной ориентации на коммуникацию и внутренний мир личности, ее индивидуальный образ мира [Бубнова, Зыкова, Красных, Уфимцева 2017].

6) *Ценности* – «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [Большой Энциклопедический словарь <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990>]

7) *Культура* – механизм познания и, одновременно, сложная информационная система, воспроизводящая структурную систему языка, обслуживающая коммуникативные функции и, в силу этого, подчиненная «тем же конструктивным законам, что и другие семиотические системы» [Лотман 2000: 396]

8) *Не-культура* – сфера, не подчиняющаяся законам культуры, находящаяся с ней в сложных взаимоотношениях и служащая фоном ее функционирования.

9) *Прецедентные имена* – имена, имеющие основу в реальном мире в виде материального лица, за действиями которого стоит общее для носителей одной культуры смысловое пространство. Такие имена представляет собой некий «прототипический денотат» и олицетворяют определенную идею, культурный эталон, используемый в данном социуме в качестве меры, что позволяет человеку воспринимать явление, называемое этим именем, и определяет их когнитивную и эмоциональную значимость для носителей культуры.

2.1.2. Методика и процедура проводимого эксперимента

Экспериментальное исследование динамики номенклатуры и содержания прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры проводилось с 2012 по 2016 годы. В целом в исследовании на разных его этапах приняли участие 350 человек: 240 студентов в возрасте от 18 до 22 лет и 110 представителей старшего поколения, получивших среднее и высшее образование до распада СССР, т.е. в единой общеобразовательной средней школе и вузах, где программы и предъявляемые к знаниям школьников и студентов требования кардинально отличались от современных. Гендерный фактор и половые различия в процессе исследования не учитывались.

Исследование проводилось в несколько этапов.

Основной задачей предварительного этапа являлось формирование экспериментального списка лексики, обозначающей морально-нравственные ценности, «закрепленные» в языковом сознании носителей русской культуры в определенных прецедентных именах.

Выбор для исследования данного типа лексики был обусловлен несколькими факторами:

- 1) она отражает аксиологическую сферу личности и общества в определенный период его развития;
- 2) отличие этой группы имен состоит в том, что данные абстракции – это «имена сложных ситуаций», существующие только в сфере человеческого мышления, но, тем не менее, имеющие некий «материальный субстрат», который заключен в деятельности конкретных людей и, как правило, закреплен в языковом сознании прецедентным именем;
- 3) данная группа лексики формируется в индивидуальном и групповом сознании под жестким контролем социума.

Для реализации поставленной задачи в двух группах респондентов (общее количество участников 50 человек; средний возраст в первой группе 20 лет, количество участников – 25 человек, все – студенты вуза; средний возраст во второй группе 37 лет, количество участников – 25 человек, все – люди, получившие образование в советский период) было проведено групповое

аудиторное (студенты) и индивидуальное (взрослые) анкетирование, в ходе которого выявлялись прецедентные имена, актуальные для языкового сознания носителей русской культуры, независимо от их возраста.

После исключения из полученного массива данных прецедентных имен, не имеющих отношения к аксиологической сфере, скорректированный список был предъявлен еще одной группе респондентов (количество – 25 человек, средний возраст 20 лет, все участники – студенты вуза) с заданием написать, какое морально-нравственное и социально высоко ценимое качество олицетворяет каждое имя. В результате анализа полученных данных был составлен:

- список имен, которые рассматривались нашими респондентами как прецедентные, т.е. известные всем членам русского лингвокультурного сообщества;

- окончательный список ценностей, ассоциированных с выделенными экспериментально прецедентными именами, продолжающими сохраняться в когнитивной базе как части языкового сознания носителей русской культуры, принадлежащих к разным поколениям. В этот список вошли следующие слова: *мужество, патриотизм, предательство, героизм, самоотверженность, жестокость, преданность, честь, успех, достоинство, победа*. В силу того, что некоторые лексемы образуют синонимический ряд (*мужество, героизм, самоотверженность*), нами было принято решение сократить список, который в итоге был представлен следующим образом: *патриотизм, честь, героизм, преданность, предательство, жестокость, успех*.

Целью основного этапа было выявление межпоколенной динамики номенклатуры прецедентных имен, олицетворяющих определенную морально-нравственную ценность, а также описание и сравнительный анализ смыслового содержания слов-ценностей, стоящих за исследуемыми именами в языковом сознании представителей современного молодого поколения. Для достижения поставленной цели на первом этапе исследования (исследование имело лонгитюдный характер и проводилось в 2014 и 2016 годах) была проведена серия экспериментов.

В 2014 году были проведены:

- свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого респондентам был предъявлен список ценностей (см. выше) с заданием отреагировать на каждое слово первыми словами, всплывающими в сознании;
- направленный ассоциативный эксперимент, задание в котором звучало следующим образом: «Вам будут предложены два списка. В первом списке перечислены морально-нравственные ценности, а во втором – имена, которые могут эти ценности олицетворять. Пожалуйста, соотнесите данные ценности с перечисленными именами. Вы можете дописать имя, если оно, на Ваш взгляд, не включено в данный Вам список, а также не использовать те имена, которые есть в списке, но не соответствуют предъявленным ценностям».

В результате полученные на этом этапе работы данные позволили: а) выявить ассоциативное поле слов-ценностей, которое отражает их смысловое содержание в индивидуальном сознании; б) определить прецедентные имена, символизирующие ту или иную ценность в языковом сознании разных поколений.

В общем на первом этапе в этой серии экспериментов приняли участие 170 человек: студенты (общее количество – 85 человек, средний возраст – 20 лет) и респонденты, получившие образование и прошедшие социализацию в советский период (общее количество 85 человек, средний возраст 41 год).

Следует особо отметить, что при анализе результатов, полученных в ходе направленного ассоциативного эксперимента, учитывались только те реакции, которые были названы не менее, чем 9 раз, что позволяло работать не со случайно выбранными именами и, таким образом, уменьшить размерность выявляемой модели до объема оперативных возможностей человека (обычно «магическое число» 7 плюс-минус 2), т.е. до статистически значимых для всей группы показателей. Помимо этого, в тех случаях, когда количество единичных реакций достигало 20 % от всех ответов, они также учитывались при анализе, так как такая дисперсия свидетельствует о нарастании индивидуальных различий, являющихся в экспериментальной психологии фундаментальным фактом [Фресс, Пиаже 1966]; [Артемьева, Мартынов 1975] и в нашем случае может свидетельствовать, во-

первых, о разрушении системы прецедентных имен, обусловленных культурно, и, во-вторых, о потере смысла, стоящего за тем или иным словом, обозначающим морально-нравственную ценность, связанную с определенным прецедентным именем.

В 2016 году были проведены еще два эксперимента:

- анкетирование, где задание формулировалось следующим образом: «Ниже представлен список имен и качества, которые олицетворяют эти люди. Напишите, какие поступки этих людей позволяют утверждать, что имя данного человека символизирует названное качество. Если Вы не согласны, то обоснуйте свое мнение и предложите иное имя». В этом эксперименте использовались результаты, полученные в 2014 году и послужившие основой для составления предъявляемого респондентам списка;

- свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявлялось смысловое содержание слов, обозначающих исследуемые морально-нравственные ценности. Список слов, используемых в данном случае, повторял список, который использовался в 2014 году, задание было сформулировано аналогичным образом. Количество участников – 55 человек, все респонденты – студенты вузов, средний возраст – 20 лет;

Важно подчеркнуть, что этот этап экспериментального исследования проводился уже после ряда событий, произошедших в России и в мире (присоединение Крыма, введение антироссийских санкций, война в Сирии, гибель граждан России в результате крупных террористических актов), которые широко обсуждались в медиапространстве, что, как мы предполагали, должно было оказывать влияние на сознание молодёжи.

Таким образом, общее количество участников основного этапа проведенных экспериментов – 275 человек, из них в свободном и направленном ассоциативных экспериментах в 2014 году принимали участие 170 человек (85 студентов и 85 человек, социализация которых происходила до 2000 года); в экспериментах, проведенных в 2016 году, – 105 человек (их них в первом – 50, во втором – 55), все респонденты – студенты, средний возраст – 20 лет.

В целом полученные данные дали возможность:

- выявить динамику смыслового содержания слов, обозначающих исследуемые ценности;
- проследить динамику номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании поколения, проходящего социализацию и получающего образование в постсоветской России;
- определить степень влияния социальных институтов (прежде всего, образовательного и института культуры, включая СМК) на смысловое содержание и динамику номенклатуры прецедентных имен в индивидуальном и групповом сознании, а, следовательно, и на содержание когнитивной базы носителей русской лингвокультурного сообщества.

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента результаты на завершающем этапе работы использовались для построения фрагмента концептуальной системы современного носителя русской лингвокультуры, касающегося аксиологической сферы. Данный фрагмент эксплицирует себя в языковом сознании через смысловое содержание абстрактной лексики, имеющей прототипический денотат, представленный прецедентным именем. В этом случае нас интересовал содержательный аспект, т.е. выявление системы смыслов, стоящих за каждым прецедентным именем и, следовательно, за каждым значением слова, которое обозначено данным именем.

Выполнение поставленной задачи осуществлялось при помощи методики построения *семантических геиштальтов*, в основе которой лежат:

- 1) Психолингвистические представления об особенностях функционирования языкового сознания, обуславливающих процессы ассоциирования, которые, как правило, не осознаются носителем языка. Вскрыть реально существующие в сознании человека семантические связи слов и, таким образом, получить информацию о психологических эквивалентах семантических полей возможно только с помощью ассоциативных экспериментов [Леонтьев А.А. 1977]. Следует особо подчеркнуть, что в свободном ассоциативном эксперименте роль контекста играет весь прежний опыт испытуемых, поэтому в ходе

эксперимента проявляются наиболее актуальные, определяемые личностным (в котором переплетены культурные и социальные влияния) отношением, связи слова-стимула.

2) Представления об ассоциативном поле как результате рефлексии носителя языка, причем, как отмечает Ю.Н. Караулов: «Рефлексивный акт может быть вызван самыми различными параметрами стимула – и языковыми его характеристиками, и денотативной отнесенностью, и стандартным для речевой общности отношением к обозначаемому им явлению или факту, и другими его особенностями» [Караулов 1994: 199].

3) Подход к ассоциативному полю как структуре со своей особой внутренней семантической организацией – *семантическим геиштальт*ом, представляющим собой единицу знания о мире, отражающую в своем строении то, как воспринимает и интерпретирует структуру фрагмента реальности носитель языка. «Семантический геиштальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000: 193 – 194].

Построенные на основе экспериментальных данных *семантические геиштальты* сравнивались с *семантическими геиштальтами* этих же слов, смоделированными по данным словарей, что позволило выявить реальное смысловое содержание слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в языковом сознании современной студенческой молодежи.

2.2. Сравнительное исследование номенклатуры и содержания прецедентных имен в языковом сознании поколения 60-80-х годов XX века и поколения, родившегося на рубеже веков (конец 90-х-начало 2000 годов)

2.2.1. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*

Еще раз подчеркнем, что при анализе результатов, полученных в ходе направленного ассоциативного эксперимента, учитывались только статистически

значимые реакции, чем объясняется несовпадение общего количества ответов, числа респондентов и количества проанализированных и приведенных в работе реакций.

По данным ассоциативного эксперимента прецедентным именем – символом *патриотизма* в языковом сознании респондентов старшей возрастной группы являются (общее количество реакций – 152, Приложение 1, Таблица 1): *молодогвардейцы* (21), *Жанна Д'Арк* (14), *Алексей Стаханов* (11), *Дмитрий Карбышев* (11), *Сталинград* (10), *Андрей Сахаров* (10), *Сергей Королев* (10), *Павел Корчагин* (9), *Нельсон Мандела* (9). На периферии поля оказались такие имена как *Шарли* (1), *Ксения Собчак* (1), *Жириновский* (1), *Семен Буденный* (1), *Сергей Королев* (1) (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Реакции взрослой группы.

В 2014 году в языковом сознании современных студентов символом патриотизма были (общее количество реакций – 148, Приложение 1, Таблица 2): Юрий Гагарин (26), Иосиф Кобзон (16), Георгий Жуков (15), Сталинград (11), Жанна Д'Арк (11). Но еще более интересной, на наш взгляд, оказалась периферия, которая была представлена именами Андрея Власова, Романа Абрамовича, Степана Бандеры, Тони Коуна, Медведева Д.А.(2), Павла Корчагина, Алексея Стаханова, Гитлера, Суворова, Ксении Собчак, Иуды, Матери Терезы, Марии Склодовской-Кюри, Владимира Путина (2), Лобачевского, С. Королева, Опры Уинфри и Башнями-Близнецами (1) (см. Рисунок 2)..

Рисунок 2. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Реакции студентов.

Прежде всего обращает на себя внимание практически полное расхождение номенклатуры прецедентных имен (Приложение 1, Таблица 3), заключающих в себе идею *патриотизма*, в языковом сознании поколения 60-80-х и современной студенческой молодежи. На Рисунке 3 приведены реакции, имеющие пересечения между взрослой группой и студентами.

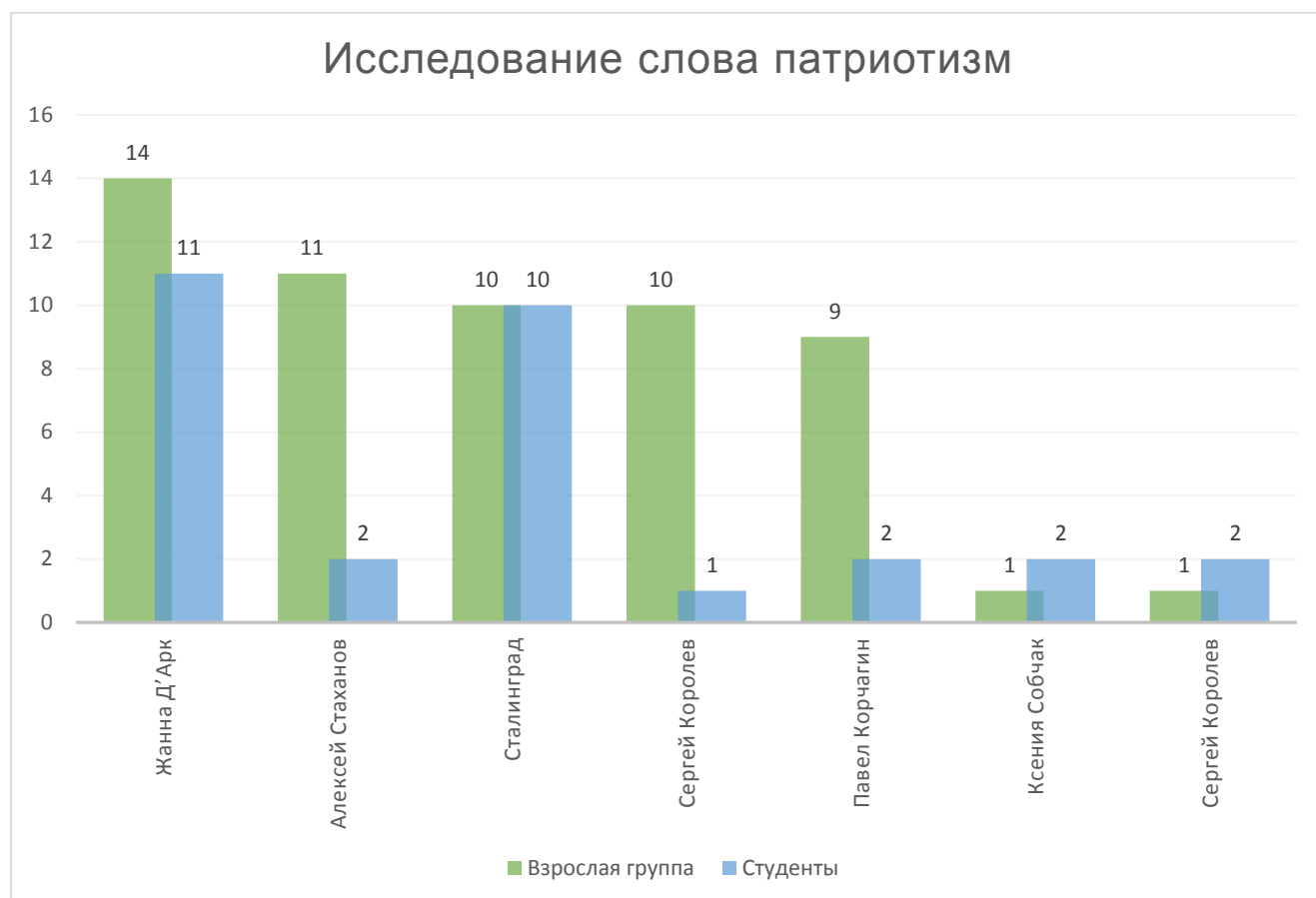

Рисунок 3. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

В языковом сознании старшего поколения эта идея, как можно заключить из названных имен, формировалась, прежде всего, в процессе обучения в средней школе, где традиционно значительное внимание уделялось истории становления и развития советского государства, а также истории Великой Отечественной войны и подвигам советского народа, совершенным в тот период. Именно поэтому символом *патриотизма* для подавляющего большинства наших респондентов являются имена людей, о которых не только рассказывалось в учебниках истории. О многих из них были написаны художественные произведения, включенные в школьную программу по литературе («Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, «Волоколамское шоссе» А. Бека и многие другие). В учебниках истории обязательными для изучения темами являлись нападение Германии на Советский Союз и оборона Брестской крепости, битва за Москву, Сталинградская

битва, сражение на Курской дуге, продвижение Красной армии на запад, битва за Днепр, освобождение территории СССР, стран Европы и падение Берлина. Значительное место уделялось описанию блокады Ленинграда, «Дороге жизни», подвигам обычных людей, живших в осажденном городе, в целом перестройке народного хозяйства на военный лад, партизанскому движению на оккупированных территориях, героическому труду народа в тылу под лозунгом «Все – для фронта, все – для Победы!».

Современные исследователи, анализирующие советские учебники по истории Великой Отечественной войны, отмечают, что их отличала неизменность перечня описываемых военных событий и битв, единая периодизация, четкость изложения и отсутствие противоречий, характерных для учебников 90-х годов [Гузенкова <http://www.world-war.ru/kak-soxranit-pamyat-o-velikoj-otechestvennoj-vojne/>]; [Кузнечевский, Ожиганова, Филянова <http://www.world-war.ru/istoriya-vojny-v-uchebnikax-sovetskogo-soyuza/>]. Для нашей работы особо важным оказывается следующий вывод: «... историю в советское время невозможно было изучать без учета личностного фактора – биографий героев. И наоборот, парадокс состоит в том, что именно после отказа от марксистской идеологии из многих учебников практически исчезла информация о реальных человеческих судьбах, что сделало их сухими и неинтересными. Сегодня они не оказывают никакого эмоционального воздействия на учащихся, зато абсолютно «демилитаризованы» [Там же]. Что касается советской школы, то там даже в учебниках для младших классов практически на каждой странице встречались имена реальных участников сражений: Н. Гастелло, В. Талалихина, Н. Маресьева, Ф. Полетаева, героев-панфиловцев, защитников Севастополя и Сталинграда, партизан, комсомольцев, пионеров. В учебниках того времени доступным маленьким детям языком рассказывалось о подвигах генерала Д. Карбышева, молодогвардейцев, обороне «дома Павлова», защитниках Брестской крепости, трагедии Хатыни и многих других событиях Великой Отечественной войны, благодаря чему перед ребенком возникала настоящая история его страны в лицах. В значительной степени это достигалось и за счет использования не только исторических документов («Из

приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге», «Из книги маршала Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» и др.), но и отрывков из произведений художественной литературы, которые, не неся дополнительной информации, тем не менее создавали определённый эмоциональный настрой, что и позволяло воспитывать советских школьников в духе патриотизма [Там же].

Поэтому вполне логично, что большинство имен, названных нашими респондентами, – это реальные лица, Герои Советского Союза, ставшие символом патриотизма в языковом сознании именно в силу того, что и из школьной программы, и из художественных произведений тогдашним школьникам были известны не только эти имена, но и то, что за каждым из них стояли поступки сотен неизвестных людей, повторивших их подвиг.

С достаточной долей уверенности можно утверждать, что и появление имен А. Стаханова и П. Ангелиной (менее 9 ответов), как и имен Жанны Д'Арк и Н. Манделы также связано, прежде всего, с изучением истории в средней школе, т.к. в период социализации наших респондентов эти имена уже исчезли из медиaprостранства.

В целом можно констатировать, что системность и преемственность школьного образования в советский период проявилась в эксперименте в нескольких аспектах:

- в широком наборе имен, символизирующих *патриотизм* как морально-нравственную ценность. Возможность актуализации данных имен в языковом сознании в ходе эксперимента, несмотря на десятилетия их социального забвения, можно объяснить их постоянным появлением в самых разных контекстах деятельности наших респондентов в процессе их социализации;

- действия всех названных людей описывают ситуации, в которых конкретные исторические фигуры жертвовали собой ради любви к своему народу и Отечеству, стремились служить их интересам, причем в подавляющем большинстве случаев они действовали, исходя из своих внутренних убеждений, а не исполняя чьи-то приказы или волю других людей.

Для студентов, закончивших школу уже в постсоветский период, прецедентным именем, воплощающим идею *патриотизма*, оказалось, прежде всего, имя *Юрия Гагарина* (*Иосиф Кобзон* и *Георгий Жуков* заняли второе и третье места). Иными словами, для подавляющего большинства молодых людей имена героев Великой Отечественной войны перестали быть частью когнитивной базы, элементы которой обеспечивают межпоколенную связь. Более того, для определенных респондентов идея *патриотизма* воплотилась в именах *Андрея Власова*, *Романа Абрамовича*, *Степана Бандеры* и *Гитлера*, которые оказались в одном ряду вместе с *В. Путиным* и *Д. Медведевым*.

На наш взгляд, такое положение совершенно явно свидетельствует, во-первых, об абсолютной размытости смыслового содержания слова *патриотизм* в языковом сознании молодого поколения, т.к. главная идея, заключенная в значении слова *патриотизм* – это идея самопожертвования, основанная на внутреннем убеждении и любви к Отечеству. Не подвергая сомнению патриотизм Ю. Гагарина и Г. Жукова необходимо, вместе с тем, отметить, что они были, прежде всего, военными, выполнявшими приказы. И в этом случае единственным историческим персонажем, имя которого уместно употребить в данном контексте, является Жанна Д'Арк, которая упоминается и респондентами в старшей группе. Все остальные реакции, как представляется, лишь подтверждают наше предположение об отсутствии смыслового содержания или «семантической пустоте» (термин И.А. Бубновой и А.П. Клименко) данного слова как единицы индивидуального языкового сознания.

Во-вторых, полученные реакции – это свидетельство незнания своей истории и, следовательно, практически нулевого эффекта школьного образования. Очевидно, что индивидуальное значение данного слова было сформировано под влиянием иных социальных институтов, прежде всего, средств массовой информации, где до 2014 года активно обсуждалась историческая роль всех (кроме Р. Абрамовича) вышеупомянутых лиц.

В 2016 году результаты анкетирования показали, что 32 участника (64%) продолжали рассматривать имя *Юрия Гагарина* как прецедентное, отражающее

идею *патриотизма*, мотивировав это следующим образом (ответы обобщены): *да, он любил свою Родину, гордился ею, трудился на благо Отчизны, рисковал своей жизнью ради нее.*

Не менее примечательно и то, что 18 человек (36%) выразили свое несогласие с предложенным утверждением, объяснив это следующим образом (приведем наиболее типичные ответы, стиль оригинала сохранен): *нет, мы конечно все помним, что он летал в космос в числе первых, но к патриотизму это не относится; возможно, но для меня более патриотичные люди такие, как Сталин, Брежнев и др. правители (не все); может быть, Жанна Д'Арк, можно сказать символ патриотизма; патриотизм можно отнести к более великим личностям и многие тысячи людей умерли за Родину, но так и неизвестны; Зоя Космодемьянская, все знают ее подвиг.*

Следует особо отметить появление в 2016 году новых имен, ставших символом *патриотизма* для молодых людей: *Сталина, Брежнева, Зои Космодемьянской*, что нельзя назвать случайным: именно в этот период, в семьдесят пятую годовщину битвы под Москвой, вновь стали широко обсуждаться биографии героев войны, а также обстоятельств совершения ими подвигов. Сначала, в связи с выходом фильма «28 панфиловцев», посвященного знаменитому бою у разъезда Дубосеково, появился целый ряд статей, обесценивавших как значение этой схватки, так и очерняющих ее участников. Далее дискуссия перекинулась на еще одну героиню битвы за Москву – Зою Космодемьянскую, причем и число участников обсуждения, и количество материалов в телеэфире, в печатных и электронных СМИ было настолько большим, что о них слышал практически каждый. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняются изменения в составе полученных реакций.

Для более точного выявления смыслового содержания слова *патриотизм* в языковом сознании современных носителей русского языка и русской культуры обратимся, прежде всего, к словарным статьям.

Сразу отметим, что в словарях значение слова *патриотизм*, определено достаточно четко, что не позволяет отнести данное понятие к словам-симулякрам (в смысле Ж. Бодрийяра и Ж. Делёза).

ПАТРИОТИЗМ (от греч. patriótes соотечественник, patrís родина, отечество) любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам. П. «... одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями...» [Философский энциклопедический словарь 1983].

ПАТРИОТИЗМ (patriotism) Всегда определялся как любовь к своей стране или горячая защита ее интересов. Патриотизм как таковой не требует программы действий; он активизирует и вдохновляет национализм, но сам не всегда носит националистический характер [Политика. Толковый словарь 2001].

ПАТРИОТИЗМ (от греч. patriotes соотечественник, patrís родина) – эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов; любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства [Политическая наука: Словарь-справочник 2010].

ПАТРИОТИЗМ – Любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу [Малый академический словарь 1957 – 1984].

ПАТРИОТИЗМ, а, м. patriotisme m. Любовь к своему отечеству, преданность своему народу, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины [Словарь русского языка 1999].

ПАТРИОТИЗМ (от греческого patriotes – соотечественник, patrís – родина), любовь к родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям [Большой академический словарь русского языка 2004].

ПАТРИОТИЗМ Patriotisme – Любовь к родине, свободная от ослепления и ксенофобии. Отличается от национализма [Философский словарь 2012].

ПАТРИОТИЗМ – Любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу [Толковый словарь русского языка 2005].

ПАТРИОТИЗМ – нравственный принцип, нравственная норма и нравственное чувство, возникшие еще на заре становления человечества и глубоко осмысленные уже античными теоретиками. Патриот – человек,

выражающий и реализующий в своих поступках глубокое чувство уважения и любви к родной стране, ее истории, культурным традициям, ее народу. Как стойкое нравственное чувство патриотизм вырастает из особенностей образа жизни и культурных традиций того или иного этноса, формируется в процессе овладения подрастающими поколениями языком и господствующими формами мышления, нормами и эталонами культуры и закрепляется в определенных фиксированных установках поведения благодаря общению с представителями старших поколений, одобряющих или порицающих поведение молодых [Большой толковый словарь по культурологии 2003].

Если суммировать все словарные толкования, то *семантический геиштальт* данного слова, т.е. его доминантные сферы, может быть представлен следующим образом:

- 1) **нравственный принцип:** следование нормам, принятым в обществе;
- 2) **чувство:** любовь, преданность, привязанность в Отечестве и своему народу;
- 3) **ответственность:** Родина, народ;
- 4) **служение:** интересы Отечества;
- 5) **особенности культуры:** особенности образа жизни народа, специфика миропонимания, культурные традиции, эталоны поведения;
- 6) **специфика формирования:** общение со старшим поколением, одобрение/порицание поведения молодых.

В отличие от словарного, *семантический геиштальт* слова *патриотизм* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г. в группе представителей современного молодого поколения, был представлен только одной доминантной сферой **чувство:** любовь к Родине 24, отчизне 3, стране 3, вера, гордость (см. Рисунок 4). Остальные реакции были единичными и носили персонифицированный (Путин, Зюганов) или образный характер (СССР, сильное государство, знамя), либо отражали личное отношение респондентов к данному понятию (нет).

Следует также отметить, что некоторые из полученных реакций поддаются группировке и их, по нашему мнению, можно отнести к таким сферам, как

служение: *готовность защищать, армия, солдат, герои 3, ветераны 3;*

особенности культуры: *сплоченность, нация;*

принадлежность по какому-либо признаку: *россияне 4, национальность 3.*

Однако эти сферы, что явно видно из количества полученных реакций, относятся к периферийным, и в языковом сознании большинства участников эксперимента не были представлены.

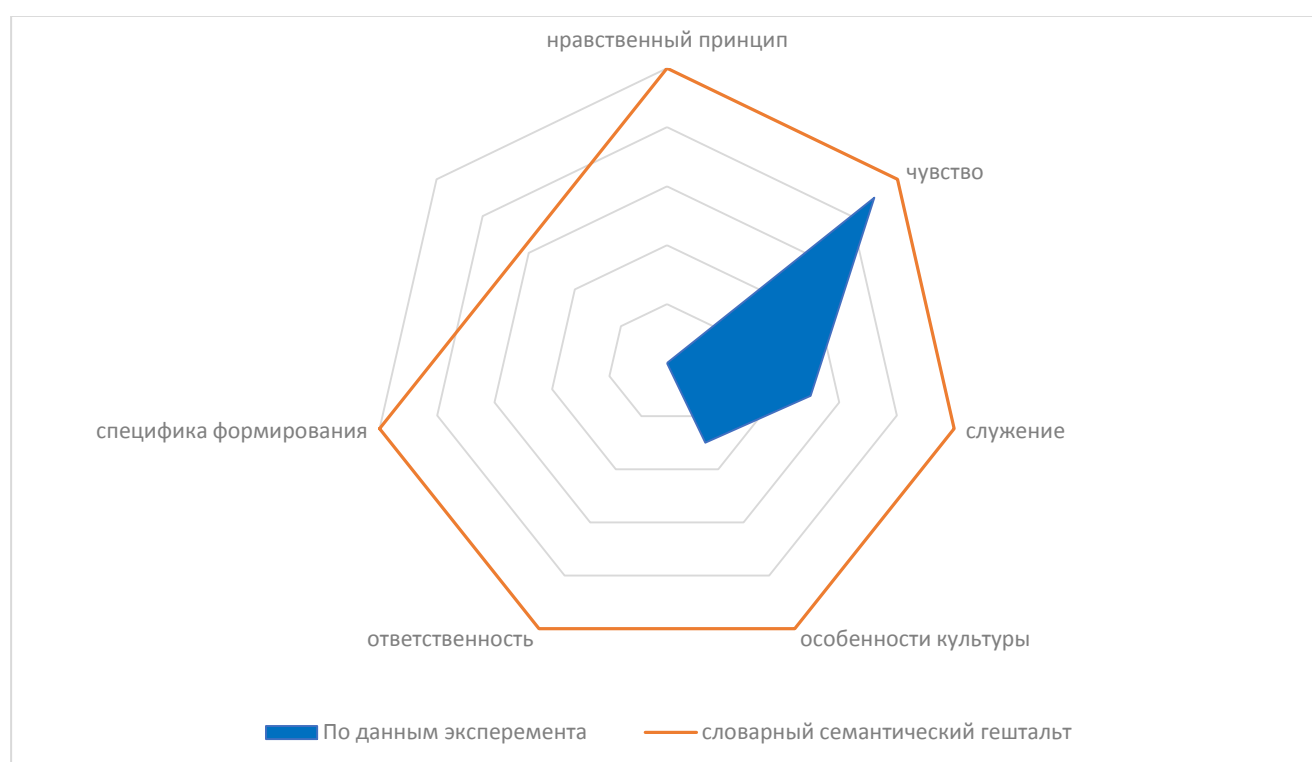

Рисунок 4. Семантический гештальт слова *патриотизм* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

В 2016 году, как показал анализ всех полученных реакций, доминантной сферой *семантического гештальта* слова *патриотизм* продолжает оставаться сфера **чувство**. Однако наряду с ней доминантной стала и сфера **служение**: *готовность идти на риск, защищать честь страны, отстаивать ее интересы, готовность пожертвовать собой, внести вклад в развитие страны* (см. Рисунок 5).

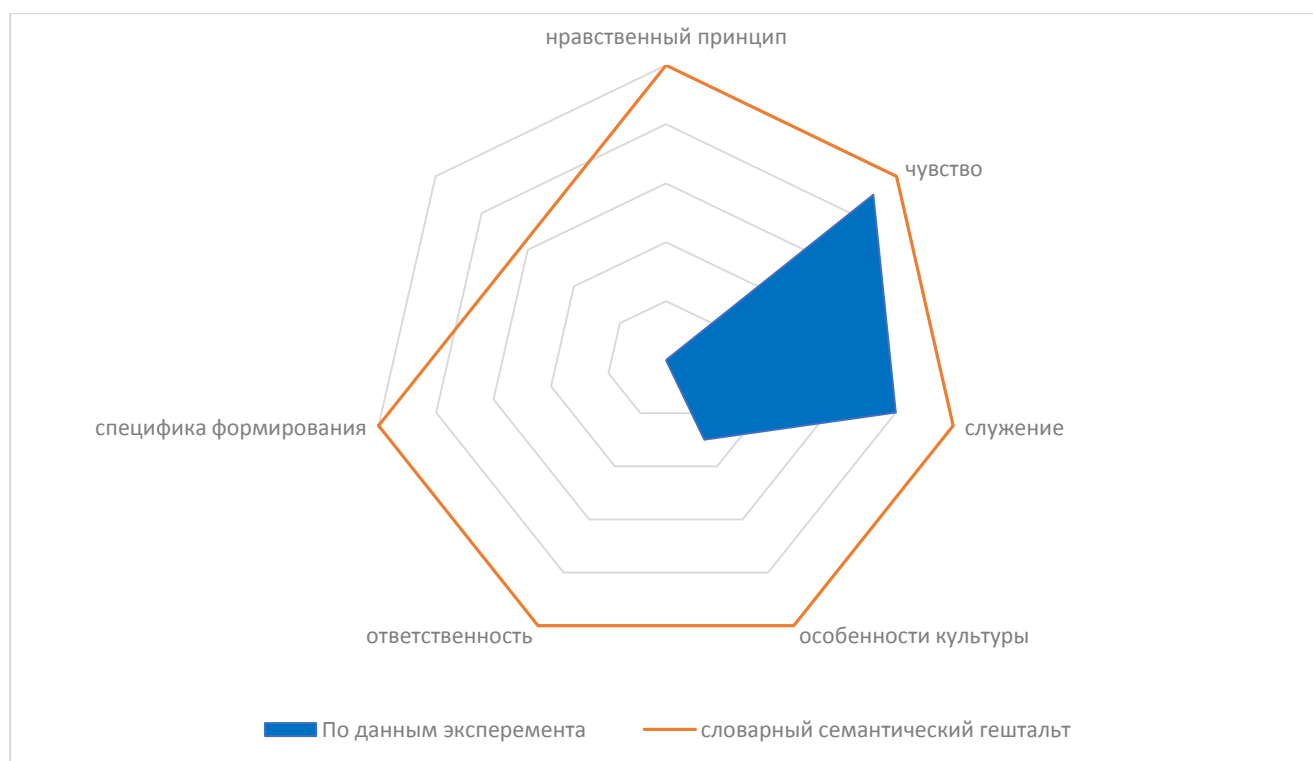

Рисунок 5. Семантический гештальт слова *патриотизм* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

Таким образом, произошедшие изменения в составе семантического гештальта слова *патриотизм*, отражающего его смысловое содержание в языковом сознании молодежи, позволяют утверждать, что ведущую роль в его формировании сыграли именно средства массовой информации и масс-культура.

2.2.2. Экспериментальное исследование слова *честь*

В 2014 году прецедентным именем – символом слова *честь* в языковом сознании респондентов старшей возрастной группы являлись (общее количество – 144 реакции, Приложение 1, Таблица 4): *Дон Кихот* (17), *Андрей Сахаров* (15), *Павел Корчагин* (12), *Дмитрий Карбышев* (11), *Георгий Жуков* (10), *Юрий Гагарин* (9). В числе единичных зарегистрированы реакции: *Андрей Власов*, *царь Николай II*, *Мария Склодовская-Кюри*, *Колчак*, *Суворов*, *Павлик Морозов*. (см. Рисунок 6)

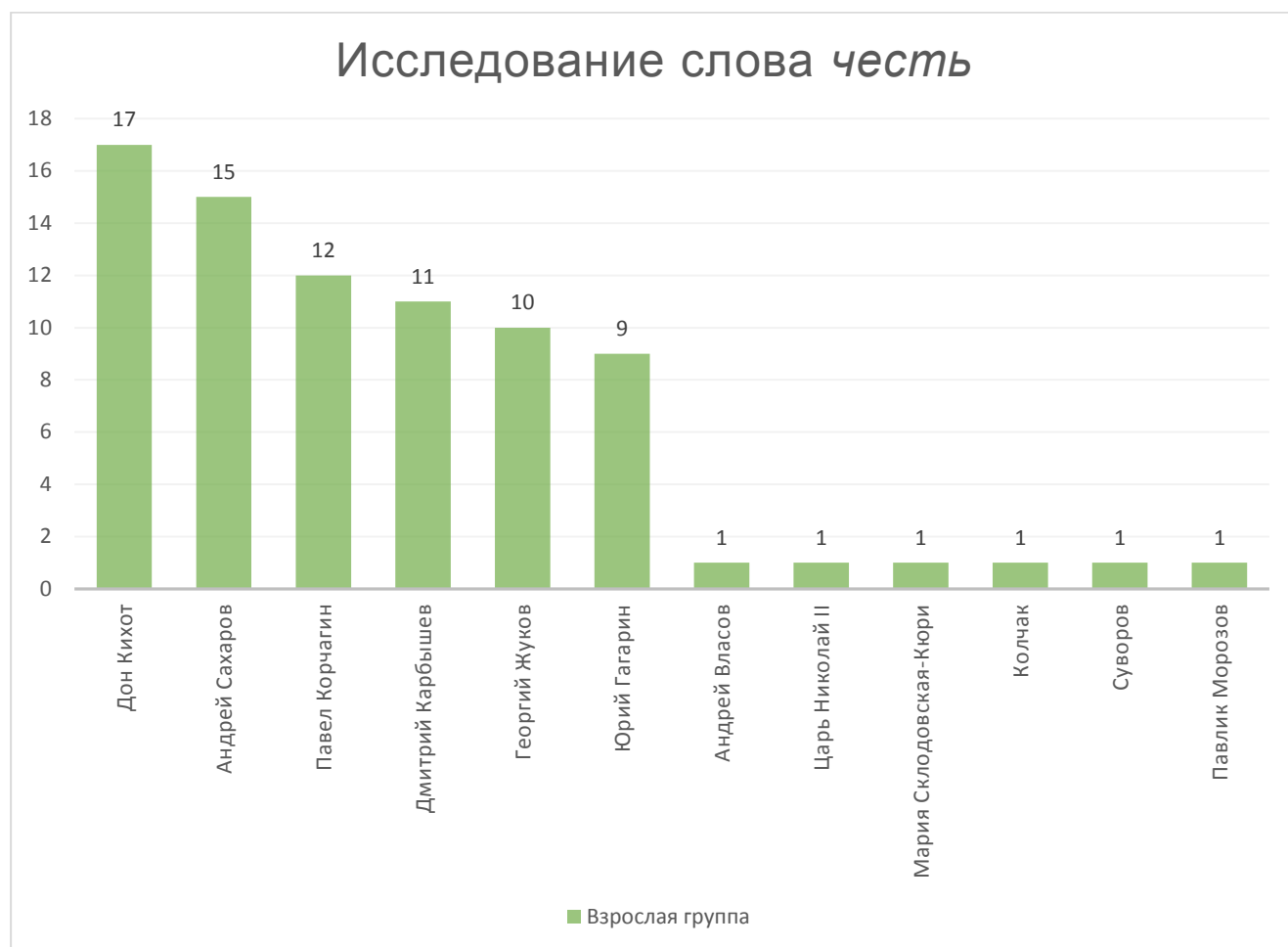

Рисунок 6. Экспериментальное исследование слова *честь*. Реакции взрослой группы.

Для современных студентов данное качество символизировалось следующими именами (всего 119, Приложение 1, Таблица 5): *Жанна Д'Арк* (15), *Дон Кихот* (14), *Мать Тереза* (13), *Георгий Жуков* (12), *Нельсон Мандела* (11). Единичные реакции представлены именами *Андрея Власов*, *Опры Уинфри*, *Анжелины Джоли*, *Малюты Скуратова*, *Алексея Стаханова*, *Алексея Мересьева*, *Павла Корчагина*, *Саластилса*, *Данко*, *Шарли*, *Николая Гастелло*, *Митрофанушки*, *Шарика*, *Маргарет Тэтчер*, *Дмитрия Карбышева*, *Дон Кихота*, *Панчо Вилья*, *300 Спартанцев*, *Бима*, *Хатико*, *Марии Склодовская-Кюри*, *Путина В.В.*, *Андрея Сахарова* (см. Рисунок 7).

Рисунок 7. Экспериментальное исследование слова *честь*. Реакции студентов.

Сразу следует отметить, что огромное количество единичных реакций на периферии (это касается, прежде всего, студенческой аудитории) могут быть свидетельством того, что, во-первых, как понятие *честь*, так и понимание самого феномена прецедентности становится все более размытым в языковом сознании, и, во-вторых, индивидуальное понимание реальности начинает преобладать над культурным.

Если же обратиться к первым именам, то они, скорее, указывают на кардинальные отличия между поколениями, чем на наличие связей между ними.

На Рисунке 8 приведены реакции имеющие пересечения между взрослой группой и студентами (см. также Приложение 1, Таблица 6).

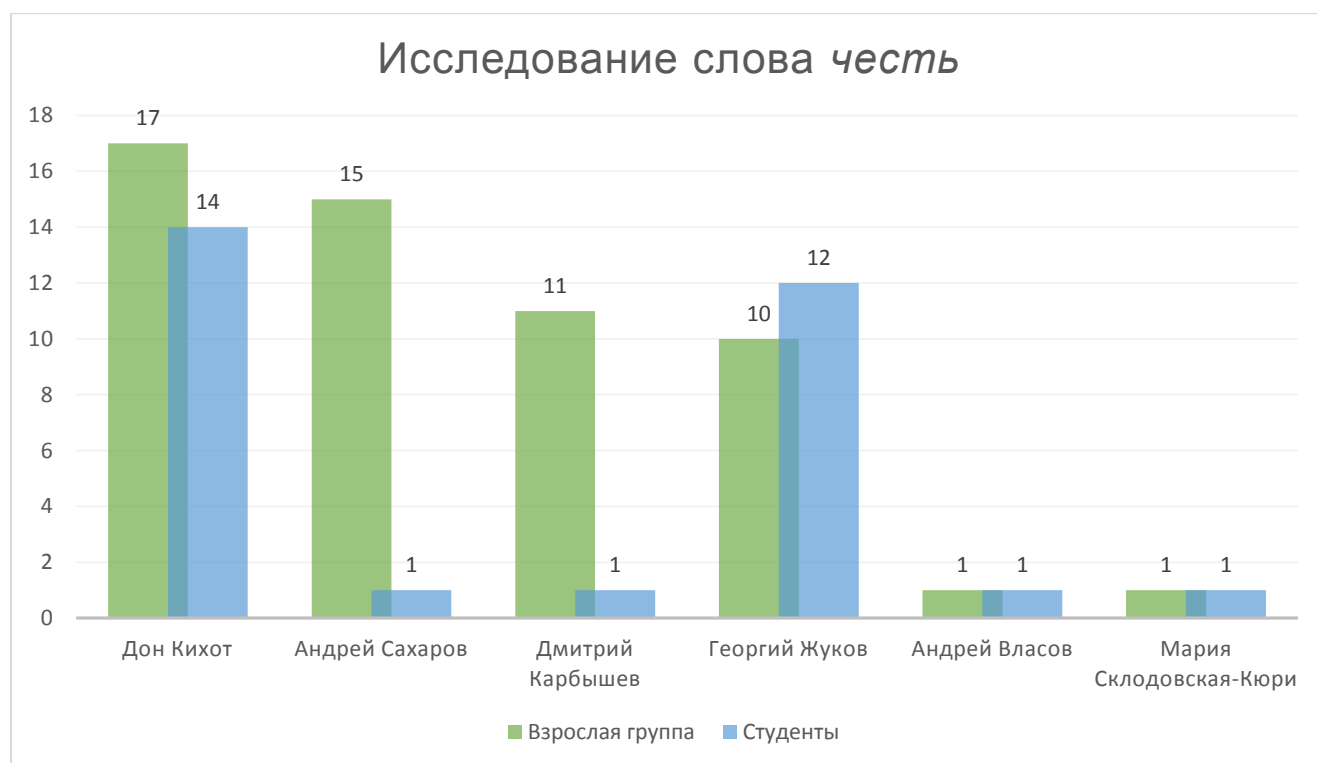

Рисунок 8. Экспериментальное исследование слова *честь*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Появление имени *Дон Кихот* как первого, символизирующего понятие *честь* в группе тех, чья социализация проходила в советский период, вполне объяснимо как с точки зрения полученного образования, так и в более широком контексте проблемы чтения, которая в тот период развития страны глубоко исследовалась в науке (традиции таких исследований были заложены еще Н.А. Рубакиным [Рубакин 1977]).

Так, в последней трети XX века в СССР, наряду с пропагандой чтения, которое считалось обязательным аспектом деятельности, в том числе и в сфере образования, позволяющим личности развиваться и самосовершенствоваться, в рамках социологии велись крупномасштабные исследования с целью получения данных о распространенности, содержании и направленности чтения больших социальных групп населения (см. [Афанасьев 1987]; [Чубарьян 1966]; [Баренбаум 1992]; [Чубарьян 1973] и др.). С другой стороны, активно развивалась в тот момент психология чтения и читателя, тесно связанная с социологией чтения, где основным объектом исследования были проблемы формирования навыков чтения: структура и механизм восприятия и понимания литературы

различных видов и жанров, особенности психических процессов и состояний человека при чтении. Для нашего исследования особенно важно подчеркнуть, что эти вопросы детально изучались на социально-психологическом уровне, в рамках психолингвистики, где чтение рассматривалось как одно из основных звеньев коммуникативной системы: «автор – текст – читатель», т.е. как ведущее средство социализации и воспитания личности [Леонтьев А.А. 2001]; [Беленькая 1977]; [Беленькая 1969]; [Добрынина 1983] и др., причем такие исследования велись также и на международном уровне [Орлова 1987]; [Орлова 1990].

Результаты, полученные в разных сферах, применялись в практической образовательной деятельности, поэтому классические произведения, относящиеся к шедеврам мировой литературы, были известны всем.

Имя *Андрея Сахарова*, которое рассматривается в старшей группе как прецедентное, воплощающее идею *чести*, также вполне закономерно: его речи наши респонденты слушали, его статьи читали, его высказывания и поступки широко обсуждали, поэтому этот человек остался в памяти всех тех, кто уже в сознательном возрасте переживал период перестройки.

Павел Корчагин – имя героя известного романа, которой не просто изучался в курсе литературы в школе (сейчас роман исключен из школьной программы в нашей стране, но является, например, обязательным для изучения во всех образовательных учреждениях КНР). Это имя было тесно связано с подвигами советского народа, с новым типом советского человека, оно воплощало для многих представителей нескольких поколений идеи мужества, беззаветной преданности и верности своим нравственным принципам. Несмотря на нынешнюю оценку романа и его автора современными российскими критиками, в сознании поколения 60-80х, что и доказывается результатами наших экспериментов, до сих пор сохраняется память и о романе и его главном герое, и о самом Н. Островском, о котором знаменитый французский философ А. Жид писал: «Я не могу говорить об Островском, не испытывая чувства глубочайшего уважения. Если бы мы были не в СССР, я бы сказал: «Это святой». Религия не

создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия...» [Цит. по: Осадчий 2002: 188].

Можно предполагать, что появление в эксперименте сразу двух имен, стоящих рядом – *Павла Корчагина* и *Дон Кихота* – обусловлено тем, что эти вымышленные персонажи объединяют вера и борьба за высокие идеалы, без которых невозможна подлинная бытийная жизнь человека, и поэтому они продолжают оставаться в памяти и находить своих последователей уже в реальном мире (известно, к примеру, что герой знаменитого романа Сервантеса являлся идеалом для подражания для Че Гевары).

Имя *Дмитрия Карбышева*, практически забытое сегодня, также хорошо известно старшему поколению как имя человека, сохранившего офицерскую честь и предпочётшего смерть предательству, так как его подвиг описывался во всех учебниках истории в советский период.

Тесно связано с историей нашей страны и имя *Георгия Жукова*, чье появление в качестве прецедентного на ценность *честь* может также объясняться и широким обсуждением в СМК величайших полководцев России в преддверии юбилея победы СССР в Великой Отечественной войне, которое проходило как раз во время проведения экспериментов. Именно этим обстоятельством, как представляется, обусловлено и его появление в качестве одного из ведущих в списке реакций, полученных от студентов.

Однако у студентов *Георгий Жуков* уступает по частоте *Жанне Д'Арк* и *матери Терезе*, значительно чаще упоминающимся в СМК, когда речь идет о великих людях, служащих примером беззаветного служения и самопожертвования. Причем, если *Жанна Д'Арк* еще может быть символом *чести*, то появление имени *матери Терезы* в данном контексте говорит только о силе воздействия массмедиа и о том, что понятие *чести* для многих наших молодых респондентов является семантически пустым.

В целом только имена *Дон Кихота* и *Георгия Жукова* остаются звеньями, объединяющими два поколения (периферия ассоциативных полей в данном случае не играет значительной роли). Появление *Дон Кихота* как одной из первых

(но уступивших, хотя и незначительно, *Жанне Д'Арк* по числу) реакций у студентов свидетельствует о том, что этот образ действительно является одним из архетипов природы человека, тем образом, который продолжает выражать вечно живущие свойства человеческого духа: «Есть идеи, образы, великие для этой эпохи, когда они родились, но мало-помалу теряющие свою жизненность, подверженные дряхлости и умиранию; они засыпаются наслоениями последующих цивилизаций и исчезают в них, как развалины древних городов в недрах земли. Есть другие образы, жизнь которых связана с жизнью всего человечества; они поднимаются и растут вместе с ним – это не мертвые развалины, а вечно живые деревья, которые растут вместе с уровнем земли. Прометей, Дон Жуан, Фауст, Гамлет – образы эти сделали частью человеческого духа, с ним они живут и умрут только с ним. Дон-Кихот принадлежит к таким спутникам человечества. Исчерпать его содержание невозможно, потому что он еще не закончен, он еще развивается вместе с нами, и уловить его нельзя, как собственную тень» [Мережковский 1995: 395].

Что касается имени *Нельсона Манделы*, то в данном случае можно предполагать, что его появление обусловлено тем фактором, что данное имя очень часто упоминалось в СМК (в интернет-пространстве) в контексте проблемы борьбы за права человека, против распространения ВИЧ-инфекции (эта тема студентов, как показывают опросы, волнует), а также тем, что Нельсон Мандела был и лауреатом Нобелевской премии, и Дельфийским посланцем для молодежи, и почетным членом Международного Дельфийского совета. По крайней мере наличие ассоциаций типа «ВИЧ – спорт – имя – Нобелевская премия» при нынешнем серендипном методе получения знаний вполне вероятно.

С другой стороны, единичные реакции студентов, представленные именами, совершенно не связанными между собой ни идеями, ни конкретными действиями, составляют 27% от общего числа реакций, а этот факт доказывает, что именно такое количество наших респондентов имеют весьма отдаленные от общепринятого понятия о *чести*.

В 2016 году в ходе анкетирования было выявлено, что 28 % его участников не знают, насколько имя *Жанны Д'Арк* соответствует идее *чести*. Полное несогласие с утверждением «*Жанна Д'Арк – это символ чести*» выразили пятеро испытуемых, причем их аргументы были различными: *нет, мне кажется ей подойдет больше мужественность; нет, Андрей Болконский – человек совести, чести и дела; нет, она так же убивала, как и другие; честь – это Лоуренс Аравийский, который всегда был честен перед врагом; нет, это был патриотизм и стечение обстоятельств*, т.е. в ответах появляются еще два новых имени, символизирующих *честь* – Андрей Болконский и Лоуренс Аравийский, два персонажа, два офицера, которые известны студентам из художественных произведений.

Но не менее примечательными были ответы, в которых объяснялось согласие с вышеприведенным утверждением: *да, потому что для меня она имеет эту черту характера; да, она отстаивала права и честь женщин; да, первая женщина, которая поборолась за свою страну (вариант: она явилась борцом за свободу (2)); да, потому что она была честной и отважной женщиной; да, смелая и отважная; да, держалась до конца, даже когда ее сожгли (вариант: она на костре горела, после чего была причислена к лику святых католической церковью); да, национальная героиня Франции, умерла за свой народ.*

В целом полученные ответы показывают, что конвенциональное значение слова *честь* студентам неизвестно, понимание смысла слова является, скорее, исключением из правил (вариант: *не отказалась от своих убеждений под угрозой смертной казни*). Тем более интересно посмотреть на семантический гештальт исследуемого слова, сконструированный на основе данных, полученных от группы респондентов в ходе свободных ассоциативных экспериментов, и сравнить его с тем же конструктом, смоделированным на основе словарных статей.

В словарях значение слова *честь* определяется следующим образом:

ЧЕСТЬ: 1. Внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть. 2. Условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое. 3. Высокое звание, сан, чин, должность. 4. Внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтение, чествование, изъявление уважения, признание чьего превосходства [Толковый словарь живого великорусского языка 1882].

ЧЕСТЬ: 1. Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы. 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя. 3. Целомудрие, непорочность. 4. Почет, уважение. [Толковый словарь русского языка... 2006].

ЧЕСТЬ: 1. Моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих). || Целомудрие, непорочность (женщины; устар.). 2. Почет, уважение. 3. Почести, почетные звания, чины (устар.) [Толковый словарь русского языка 2005].

ЧЕСТЬ: Моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих. 2. Почет, уважение. // Знаки внимания, оказываемые кому-л. 3. То, что придает кому-л., чему-л. ценность, достоинство; то, чем гордятся. 4. устар. Целомудрие, непорочность женщины. [Новый словарь русского языка... 2000].

ЧЕСТЬ: Почесть; высокое звание, должность, чин [Иллюстрированный словарь... 1998].

ЧЕСТЬ – ДОСТОИНСТВО, ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ (правовая защита) [Большой Энциклопедический словарь 2000].

ЧЕСТЬ 1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого. 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. 3. Почёт, уважение. 4. О том, кем или чем гордятся [Современная западная философия... 2009].

ЧЕСТЬ. Достоинство в глазах других людей. Или самолюбие, принимающее себя всерьез. Честь способна толкнуть к героизму, но также к

войне или убийству (так называемые преступления чести). Чрезвычайно двусмысленное чувство, им нельзя восхищаться, но нельзя его и полностью презирать. Это благородная страсть, но всего лишь страсть, а никак не добродетель. Я согласен с тем, что в обществе без понятия чести обойтись нельзя. Но это лишь лишний довод за то, чтобы лично относиться к нему с большой осторожностью. «Национальная честь, – пишет Ален, – подобна заряженному ружью». А что можно сказать о чувстве чести подростков, которые убивают друг друга прямо на школьном дворе из-за косого взгляда или грубого слова? На счету чести убитых больше, чем на счету стыда, а убийц больше, чем героев [Философский словарь 2012].

Все словарные толкования позволяют выделить следующие доминантные сферы в *семантическом гештальте* слова *честь*:

- 1) ***совокупность высших моральных качеств человека***, вызывающих уважение к самому себе или со стороны окружающих: *доблесть, честность, благородство души, порядочность, добросовестность, чистая совесть*;
- 2) ***хорошая, незапятнанная репутация***, доброе имя, придающее человеку ценность, вызывающее уважение со стороны других и являющееся источником достоинства и гордости самого человека;
- 3) ***нравственное поведение, целомудрие***, непорочность женщин, однако в настоящий момент такое качество считается устаревшим;
- 4) ***уважение общества*** к человеку, выражаемое во внешних доказательствах;
- 5) ***условное, внешнее, житейское***, нередко мнимое и ложное, благородство, демонстрируемое окружающим;
- 6) ***двусмысленное чувство, страсть, но не добродетель***;
- 7) ***достоинство, деловая репутация***, которые защищаются в суде.

В семантическом гештальте слова *честь*, смоделированном на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 году, можно выделить единственную доминантную сферу, совпадающую со сферой, выявленной в ходе анализа конвенционального значения слова: ***честь*** –

достоинство, его защита 37 (см. Рисунок 9). Необходимо подчеркнуть, что в словарях эта сфера, как правило, связана с морально-нравственными качествами, которые, собственно, и определяют чувство собственного достоинства человека. Практически единственным исключением является Большой энциклопедический словарь, где *достоинство* непосредственно связано с защитой в судах, т.е. с внешними факторами, связанными с социальными институтами, а не с морально-нравственной сферой и отношениями между людьми, и именно это значение доминирует в сознании современных студентов.

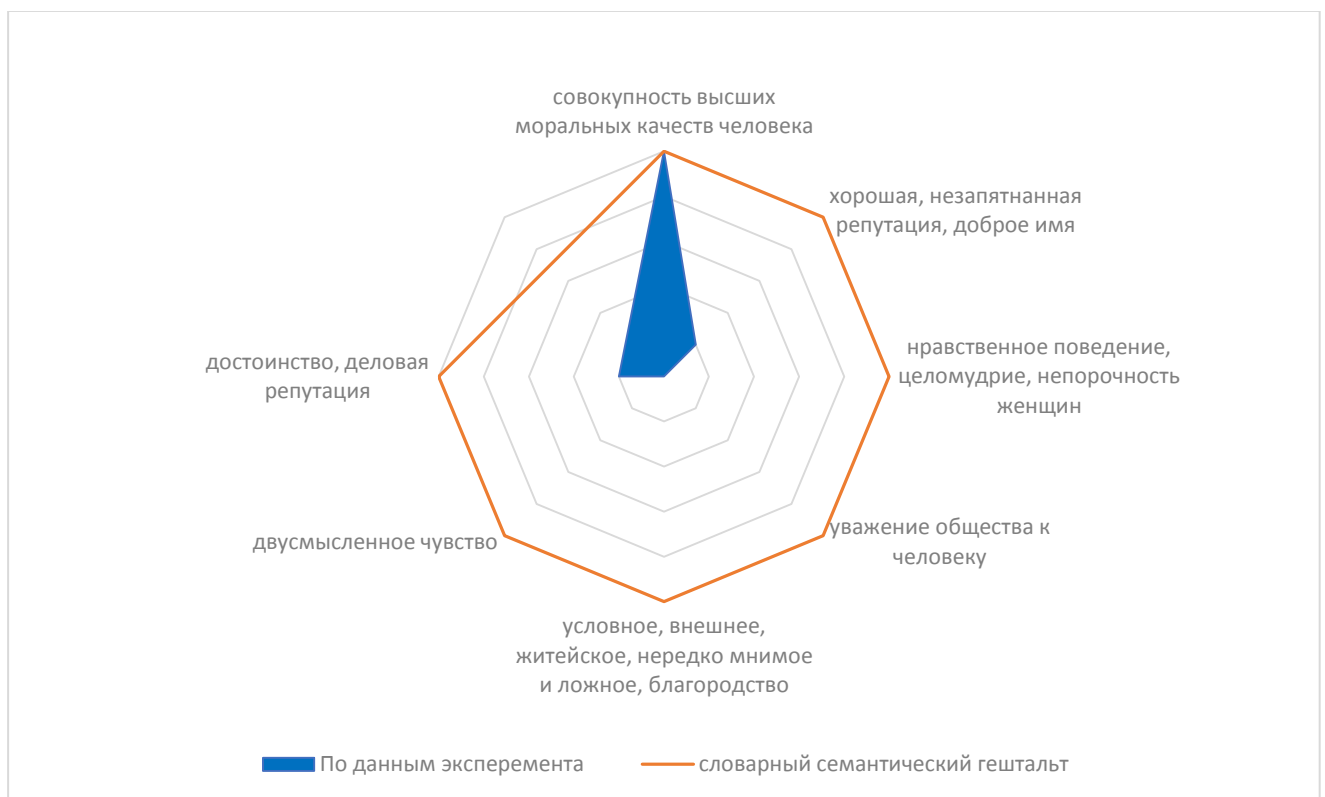

Рисунок 9. Семантический гештальт слова *честь* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

Остальные выделяемые сферы коррелируют со словарными определениями, однако эти ответы единичны, т.е. находятся на периферии семантического гештальта:

- 1) *честь как доблесть и благородство: брат, защищающий свою сестру, люди, защищающие свою Родину 3, человек, исполняющий свой долг 2;*
- 2) *уважение общества: почтение 2;*

3) **честь как военное приветствие** – *отдать честь* 8 (в армии)

Основная часть АЭ формирует сферы, относящиеся к прошлому, к героям художественных произведений или к определенной профессии:

1) **собственное достоинство и его защита**, относится к прошлому: *секундант, предлагающий оружие, дуэль* 5;

2) **честь офицера, рыцаря**: *офицеры* 4, *генералы* 2, *армия* 3, *солдаты* 3, *военные* 4, *рыцари* 3;

3) **честь как качество людей прошлой эпохи, героя художественного произведения либо исторического персонажа**: *«Капитанская дочка»* (3), *«Война и мир»* (3), *Петр I* (2), *три мушкетера*;

4) **целомудренное поведение** в семье: *не изменять своему мужу*.

Все эти сферы относятся к периферийным, более того, полученные реакции свидетельствуют о конкретном представлении, образе, связанном с понятием *чести*, т.е. абстрактное, понятийное значение в языковом сознании большинства участников эксперимента не сформировано.

Анализ данных, полученных в ходе АЭ в 2016 году, показал значительные изменения в смысловом содержании слова *честь*, что отразилось и на строении семантического гештальта. Доминантной сферой стала сфера **совокупность высших моральных качеств человека**, вызывающих уважение к самому себе или со стороны окружающих: *отвага* 5, *правда* 2, *мужество*, *справедливость*, *благородство*, *смелость*, *доблесть*, *преданность* (см. Рисунок 10).

Рисунок 10. Семантический гештальт слова *честь* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

Сфера *честь*=*достоинство* сместилась по значимости на второе место.

Трансформировалась качественно сфера семантического гештальта слова *честь*, *связанная с армией*, там, наряду с понятиями *офицер*, *служба в армии*, *солдат*, *рыцарь*, появились такие понятия как *Родина*, *воин*, *величие*.

Выделились новые сферы – *качество личности по признаку пола*: *девушка*, *мужчина*, *мужская/женская* и качество, формируемое в процессе воспитания/самовоспитания: *воспитание*, *борьба*.

Если учитывать тот факт, что и респонденты, участвовавшие в эксперименте в 2014 году, и те, кто принимал участие в исследовании в 2016 году, обучались по одной программе в школе, то логично предположить, что перемены в смысловом содержании индивидуального значения слова *честь*, отразившиеся в семантическом гештальте, повлияли именно бурные дискуссии в обществе, связанные с событиями, произошедшими в период между 2014 и 2016 годами.

2.2.3. Экспериментальное исследование слова *героизм*

В 2014 году для группы респондентов, получивших образование и прошедших социализацию в советский период, прецедентными именами, олицетворяющими понятие героизма, оказались (всего 173 реакции, Приложение 1, Таблица 7): *Николай Гастелло 33, Юрий Гагарин 27, Александр Матросов 23, Сталинград 19, Алексей Мересьев 16, Дмитрий Карбышев 14* (см. Рисунок 11).

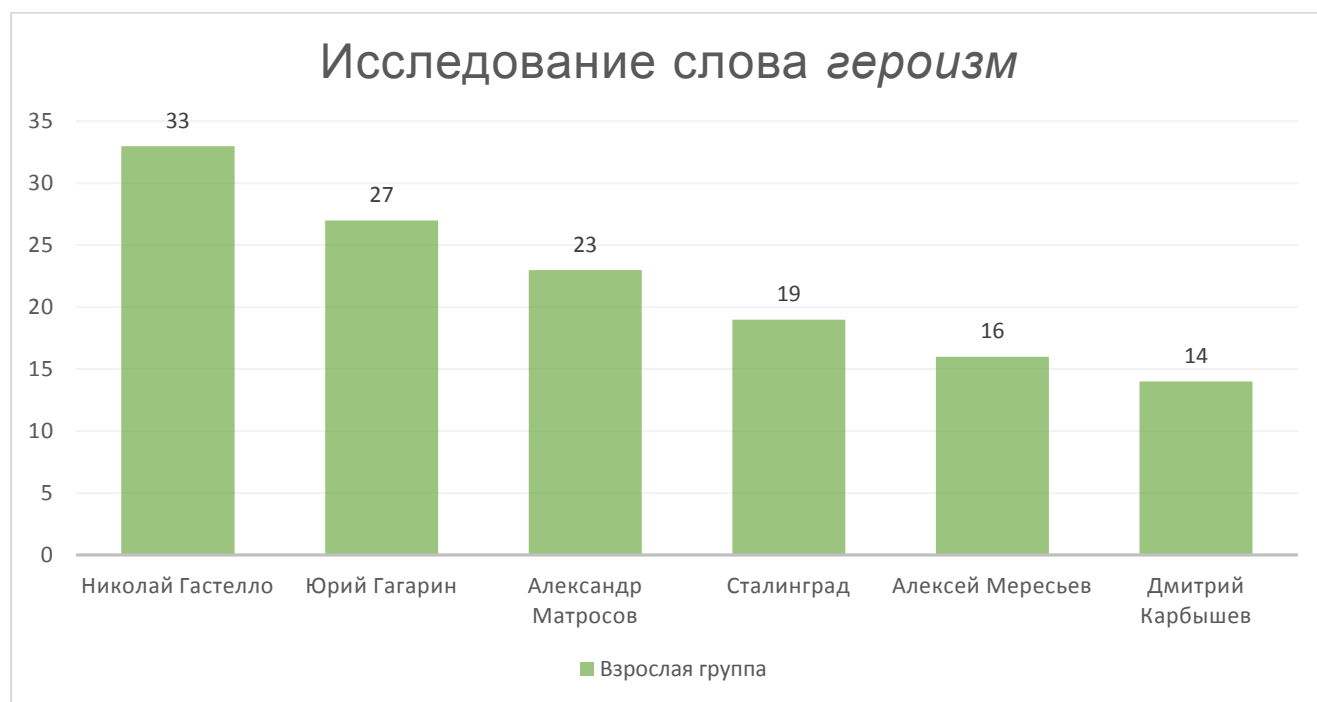

Рисунок 11. Экспериментальное исследование слова *героизм*. Реакции взрослой группы.

В студенческой аудитории этот же список прецедентных имен выглядел следующим образом (всего 156 реакций, Приложение 1, Таблица 8): *Юрий Гагарин 34, Сталинград 29, Жанна Д'Арк 20, Мать Тереза 13, Георгий Жуков 10*.

Особого внимания требуют единичные реакции: *Мария Склодовская-Кюри, Феликс Дзержинский, Иосиф Кобзон, Анджелина Джоли, З. Фрейд, Башни-Близнецы, Санчо Пансо, Александр Матросов, Нельсон Мандела, Роман Абрамович, Василий Зайцев, Алексей Мересьев, Норд Ост, Владимир Путин, Ксения Собчак, А. Македонский, Буденный Семен, Джейн Эйр* (см. Рисунок 12).

Рисунок 12. Экспериментальное исследование слова *героизм*. Реакции студентов.

Если исходить из определения *героизма* как подвига, связанного, с одной стороны, с бескорыстием, готовностью к самопожертвованию, а, с другой, решением исключительных задач, то имена людей и их деяния, которые олицетворяют идею *героизма* для респондентов старшей группы, полностью соответствуют словарному значению. Причем в полученном списке оказались, прежде всего, личные имена тех, кто действительно совершил подвиг, причем большинство из названных людей отдали жизнь ради других, великой идеи, будущего своего народа, вряд ли задумываясь о том, что это когда-нибудь станет известным многим. Не является, как мы полагаем, исключением в данном случае и имя Юрия Гагарина, о котором сегодня не слишком часто вспоминают, но, несмотря на этот факт, его имя является одним из немногих, оставшихся в памяти и старших, и молодого поколения (см. Рисунок 13 и Приложение 1, Таблица 9). Как представляется, для характеристики этого человека достаточно только двух цитат из воспоминаний, людей, знавших его лично: «Говоря о Юрии Гагарине, никогда не следует забывать Сергея Павловича Королева, который любил Юру,

как сына. Сергей Павлович говорил: “Юра – олицетворение вечной молодости нашего народа. В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие”. Да, Юрий Гагарин был настоящим русским парнем – честным, добросовестным, дорожающим своим добрым именем. Главным в его характере, по-моему, были жизнерадостность и жизнелюбие» (профессор М. Васильев). «Известно, что рядом были другие космонавты. Они тоже были хорошо подготовлены и могли успешно выполнить задание – проложить первую космическую борозду. Гагарин «обременен» семьей – у него малые дети... Казалось, разумнее было послать в первый полет холостого. Мало ли что могло случиться? Послали, однако, его, Гагарина. Выходит, он был лучшим из лучших? Проще всего сказать: «да». Но ведь я уже упомянул, что и другие могли... Дело в том, что для первого полета нужен был человек, в характере которого переплеталось бы как можно больше положительных качеств. И тут были приняты во внимание такие неоспоримые гагаринские достоинства: Беззаветный патриотизм. Непреклонная вера в успех полета. Отличное здоровье. Неистощимый оптимизм. Гибкость ума и любознательность. Смелость и решительность. Аккуратность. Трудолюбие. Выдержка. Простота. Скромность. Большая человеческая теплота и внимательность к окружающим людям. Таким он был до полета. Таким он встретил свою заслуженную славу. Таким он остался до конца (врач Е.А. Карпов)» [Воспоминания о Гагарине [https://www.e-reading.by/chapter.php/1031795/34/Artemov - Yuriy Gagarin - chelovek-legenda.html](https://www.e-reading.by/chapter.php/1031795/34/Artemov_-_Yuriy_Gagarin_-_chelovek-legenda.html)].

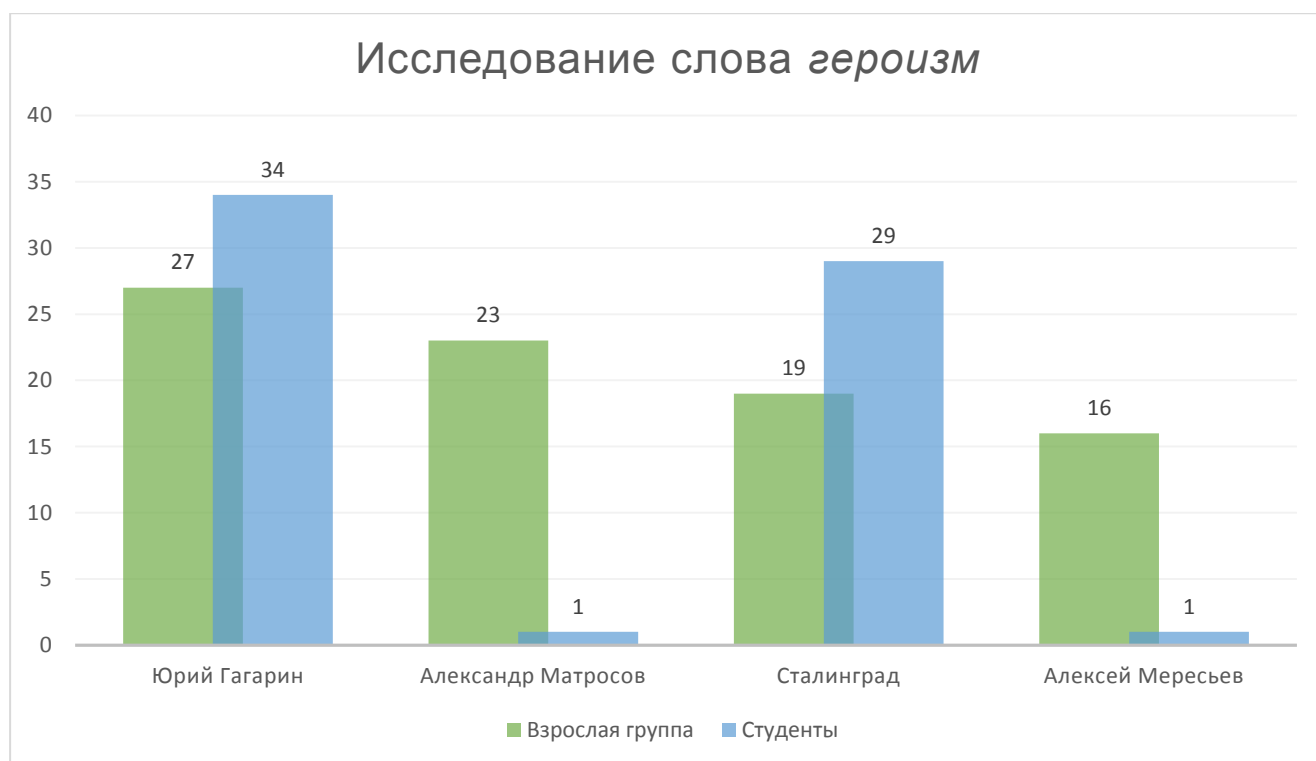

Рисунок 13. Экспериментальное исследование слова *героизм*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Связь поколений прослеживается и в имени *Сталинград* как прецедентном, олицетворяющем идею героизма в самом высшем смысле этого слова.

Значительно больше вопросов вызывают имена *Жанны Д'Арк 20*, *матери Терезы 13*, *Георгия Жукова 10*, которые появляются в качестве прецедентных в ассоциативном эксперименте в группе студентов. Безусловно, *Жанна Д'Арк* может рассматриваться как символ героизма, но соседство этого имени с именем города *Сталинград* (причем различие в количестве реакций, данных студентами, статистически не слишком значимо) подтверждает ранее высказанное предположение о формировании в сознании студентов некоего глобального взгляда на окружающий их мир, предполагающего стирание различий между собственной историей и историей других стран.

Эксперимент, проведенный в 2016 году, показал, что в сознании молодежи Юрий Гагарин продолжает оставаться символом героизма, что объяснялось нашими респондентами следующим образом: *он проявил героизм, не отказался и отправился в космос 15; стал первым, кто отправился в космос (неизвестность)10; согласился на то, о чем не ведал, но ради своей страны,*

народа 7; жил на благо своей Родины, прославил ее 5; сделал невообразимое по тем временам, стал народным героем, да, т.к. внес неоценимый вклад в науку космонавтики; не боялся умереть; да, стал символом эпохи.

Некоторые респонденты считают, что символом героизма может служить не только имя Гагарина: *да, и совместно с ним Королев и др. космонавты и все русские солдаты в любой войне это для меня героизм; Гагарин, конечно, герой, но это понятие очень широкое, для кого-то оно свое это врачи, спасатели и пожарные.*

И, наконец, были те, кто не согласился с утверждением «Гагарин – символ героизма»: *нет, солдаты ВОВ; нет, считаю, что здесь должны быть русские и советские солдаты, участвующие в ВОВ и спасшие весь русский народ; нет, со словом героизм у меня ассоциируется простой человек, который спасает или помогает другим; нет, так как я считаю, что это слово характеризует немного другие вещи; нет, настоящий героизм был несколько веков назад.*

В эксперименте проявились и новые личные имена, олицетворяющие идею героизма в сознании представителей молодого поколения, причем, наряду с именами героев Великой Отечественной войны (*Василий Зайцев русский стрелок в одиночку «положил» сотню фашистских солдат ради своей страны*), появилось и имя нашего современника: *нет, Анатолий Клян, оператор первого канала, героизм и самоотверженность, был ранен, но все равно продолжал свою работу*, и это вновь подтверждает нашу гипотезу о роли СМК в формировании номенклатуры прецедентных имен.

В целом, как можно заключить, понятие *героизма* в сознании наших современников продолжает связываться с идеей принесения себя в жертву ради других, с действием исключительным, однако, и это следует подчеркнуть особо, современные студенты имплицитно утверждают, что *героизм* – это характеристика людей прошлого века.

Дальнейшее исследование предполагало построение семантического гештальта слова *героизм*, для чего мы обратились к словарям.

ГЕРОИЗМ – особая форма человеческого поведения, которая в нравственном отношении представляет собой подвиг. Герой (отдельная личность, группа людей, иногда класс, нация) берет на себя решение исключительной по своим масштабам и трудностям задачи, возлагает на себя большую меру ответственности и обязанностей, чем предъявляется к людям в обычных условиях общепринятыми нормами поведения, преодолевает в связи с этим особые препятствия [Философский словарь 2012].

ГЕРОИЗМ героическое совершение выдающихся по своему общественному значению действий, отвечающих интересам народных масс, передовых классов и требующих от человека личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию. С древних времён люди отказывали в Г. тем необыкновенным и ярким действиям, которые не отвечали интересам народа, обществ. идеалам [Философский энциклопедический словарь 1983].

ГЕРОИЗМ героическое, свершение выдающихся по своему общественному значению действий, отвечающих интересам народных масс, передовых классов и требующих от человека личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию. [Большая советская энциклопедия <https://slovar.cc/rus/>]

ГЕРОИЗМ Отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке. Г. защитников Родины [Энциклопедический словарь <https://slovar.cc/rus/>].

ГЕРОИЗМ Самоотверженность, самопожертвование в критической обстановке, мужество, способность к совершению подвига. Г. защитников Родины. Г. жителей блокадного Ленинграда [Большой толковый словарь русского языка 2000].

ГЕРОИЗМ 1. Мужество, стойкость, самоотверженность, проявляемые в критической ситуации. 2. Способность к совершению подвига; высшее проявление патриотизма. [Толковый словарь русского языка 2006].

ГЕРОИЗМ Способность к совершению подвига [Толковый словарь русского языка 2005]

ГЕРОИЗМ Самоотверженность, мужество, способность к совершению подвига [Толковый словарь <https://slovar.cc/rus/>].

ГЕРОИЗМ Мужество, стойкость, самоотверженность, способность к совершению подвига [Толковый словарь 2001].

ГЕРОИЗМ Способность к совершению подвига [Новый словарь русского языка 2000].

ГЕРОИЗМ Отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке. Г. защитников Родины [Большой толковый словарь 1949-1992].

ГЕРОИЗМ – выдающееся по своему общественному значению действие. Воинский героизм многогранен и связан с наиболее сложными и опасными ситуациями, требующими огромных волевых усилий, высокого воинского мастерства, способности быстро принять единственно верное решение [Морской словарь 1939-1941].

ГЕРОИЗМ – высшая степень гражданского или военного мужества. [Словарь иностранных слов... 1907].

ГЕРОИЗМ греч., от *heros*, герой. Мужество необыкновенное; дух, свойственный герою [Словарь иностранных слов 1917].

ГЕРОИЗМ Способность к героически поступкам, деяниям; самоотверженность, храбрость [Исторический словарь галлицизмов... 2010].

ГЕРОИЗМ ♦ HEROISME Крайняя степень бескорыстной храбрости, противостоящей любому реальному или возможному злу. Такая храбрость способна противостоять не только страху, но и страданию, усталости, унынию, отвращению, соблазну и т. д. [Философский словарь 2012].

Анализ данных различных словарей позволяет представить семантический гештальт слова *героизм* следующим образом:

- 1) *особая форма в высшей степени нравственного поведения*, проявляющаяся в исключительных ситуациях: самопожертвование;
- 2) *выдающееся действие, совершенное в интересах общества*: подвиг, патриотизм;

- 3) **деяние, связанное с особыми качествами личности:** храбрость, самоотверженность, мужество, стойкость, воля, отвага, сила духа;
- 4) **многообразие сфер проявления:** воинский, гражданский;
- 5) **борьба с любым злом:** страхом, страданием, усталостью, унынием, отвращением, соблазном;
- 6) **отсутствие связи с личными интересами и потребностями:** бескорыстие.

В семантическом гештальте слова *героизм*, смоделированном на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 году (см. Рисунок 14), можно выделить следующие сферы:

- 1) **особая форма в высшей степени нравственного поведения,** проявляющаяся в исключительных ситуациях: спасение кого-то ценой собственной жизни 2;
- 2) **выдающееся действие, совершенное в интересах общества:** победа Советского народа; подвиг, исполнение долга в, казалось бы, безвыходной ситуации;
- 3) **деяние, связанное с особыми качествами личности:** смелость 3, глупость 3, личность 2, храбрость, мужество;
- 4) **многообразие сфер проявления:** воинский (*солдаты-добровольцы 6; ветераны войны 4*), гражданский (*МЧС 3, пожарные*), связанный с защитой государства в сфере безопасности (*двойной агент*);

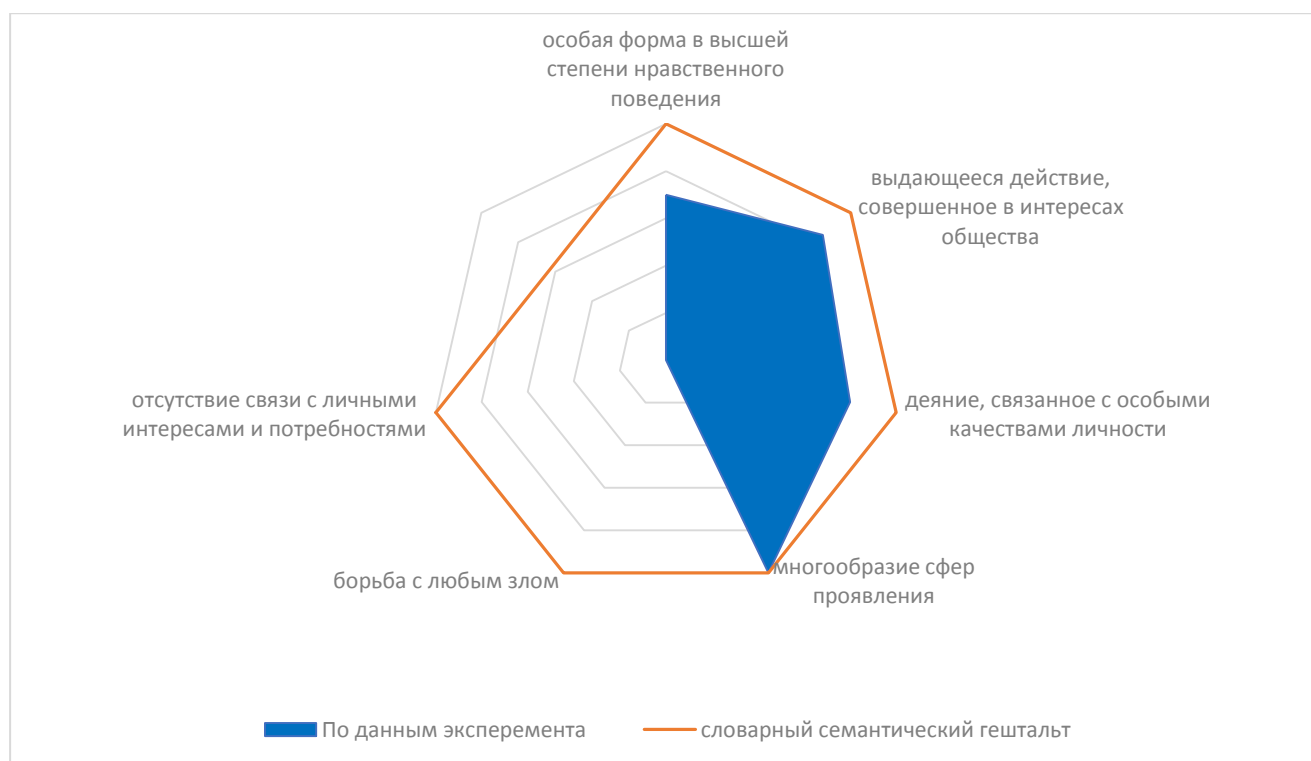

Рисунок 14. Семантический гештальт слова *героизм* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

Спецификой семантического гештальта, построенного по экспериментальным данным, является, во-первых, его размытость, связанная с доминированием единичных реакций, затрудняющих выделение сфер, и, во-вторых, наличие большого количества образов либо личных имен (*Тарас Бульба; последний воин Брестской крепости; солдат с гранатой на танк; солдат освобождает пленника; захват Рейхстага; знамя победы над Рейхстагом; один против врагов*). Более того, в сфере **деяние, связанное с особыми качествами личности**, появляется реакция *глупость*, что свидетельствует о постепенной переоценке данного качества личности представителями молодого поколения.

В 2016 году семантический гештальт становится более четким, в нем явно выделяются две доминантные сферы (см. Рисунок 15):

- 1) **деяние, связанное с особыми качествами личности:** отвага 6; смелость 5; самопожертвование 3; воля 2, мужество 2; храбрость 2;
- 2) **то, что связано с историческими событиями:** ВОВ 8, история 4; дедушка 3, бабушка 2; победа 2, ветеран 2 прадед.

Таким образом, *героизм* как одна из важнейших черт, относящихся к морально-нравственной сфере, начинает восприниматься как качество, не имеющее отношения к окружающей реальности.

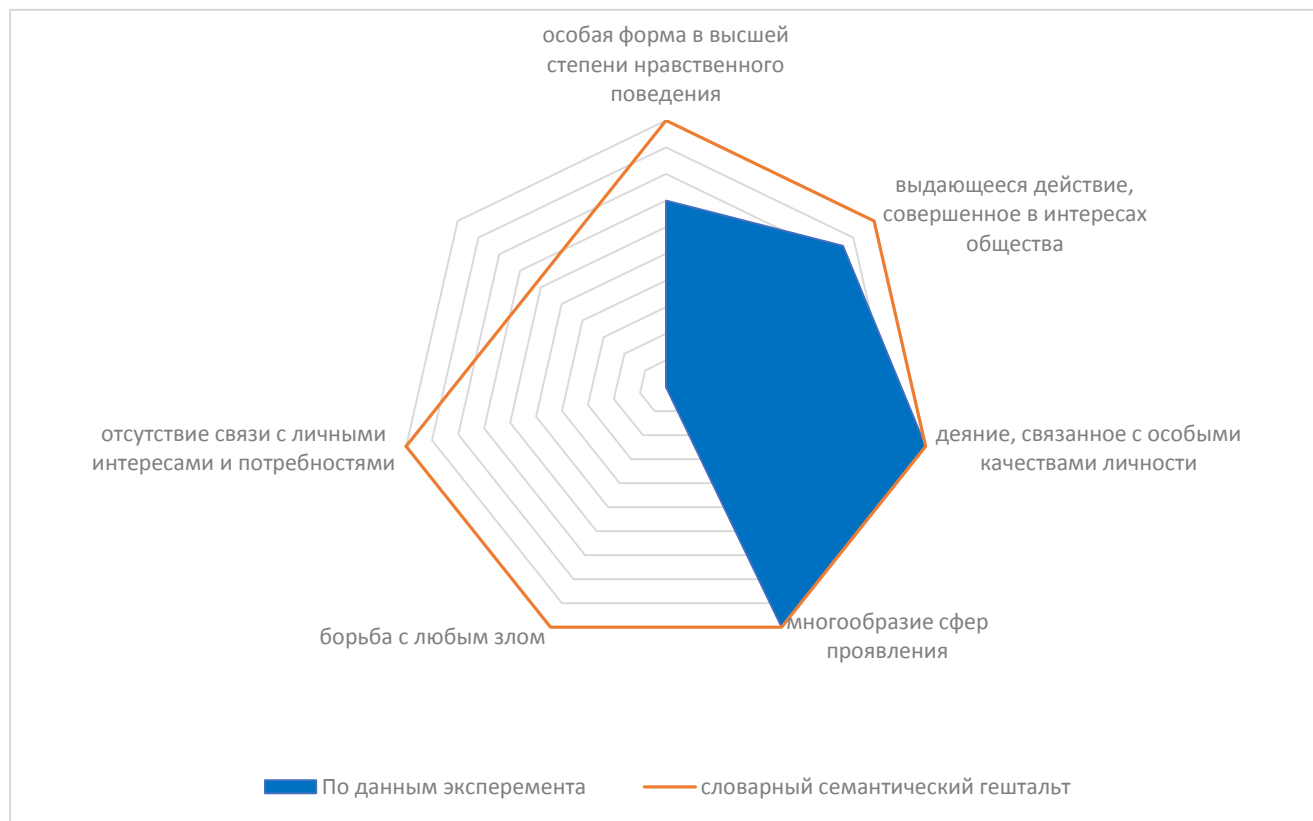

Рисунок 15. Семантический гештальт слова *героизм* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

Интересно, что в данном случае появляется и новая, хотя пока и единичная, реакция – *вера* 3.

Как представляется, все эти изменения связаны, во-первых, с празднованием 70-летия победы в Великой Отечественной войне, которое широко обсуждалось в массмедиа, что не могло не оказать влияния на сознание молодых людей, и, во-вторых, с ростом влияния РПЦ, «перехватывающих» воспитательную функцию у системы образования.

2.2.4. Экспериментальное исследование слова *преданность*

В группе респондентов, получавших образование в советской школе и вузе, в 2014 году прецедентными именами-символами *преданности* были (всего 166 реакций, Приложение 1, Таблица 10): *Хатико* 45, *Бим* 36, *Санчо Панса* 29, *Джейн Эйр* 13. Количество единичных реакций: *Николай Гастелло*, *Семен Буденный*, *Александр Матросов*, *Жанна Д'Арк*, *Павлик Морозов*, *Юрий Гагарин*, *Феликс Дзержинский* превышает 7 единиц, а, следовательно, также является значимым, причем, если имена *Николай Гастелло*, *Семен Буденный*, *Александр Матросов*, *Жанна Д'Арк*, *Юрий Гагарин* вполне соответствуют идее преданности неким общепризнанным идеалам и не вызывают вопросов, то появление имен *Павлика Морозова* и *Феликса Дзержинского* могут являться свидетельством нарастающих в обществе противоречий, т.к. в официальных источниках, они оцениваются весьма неоднозначно (см. Рисунок 16).

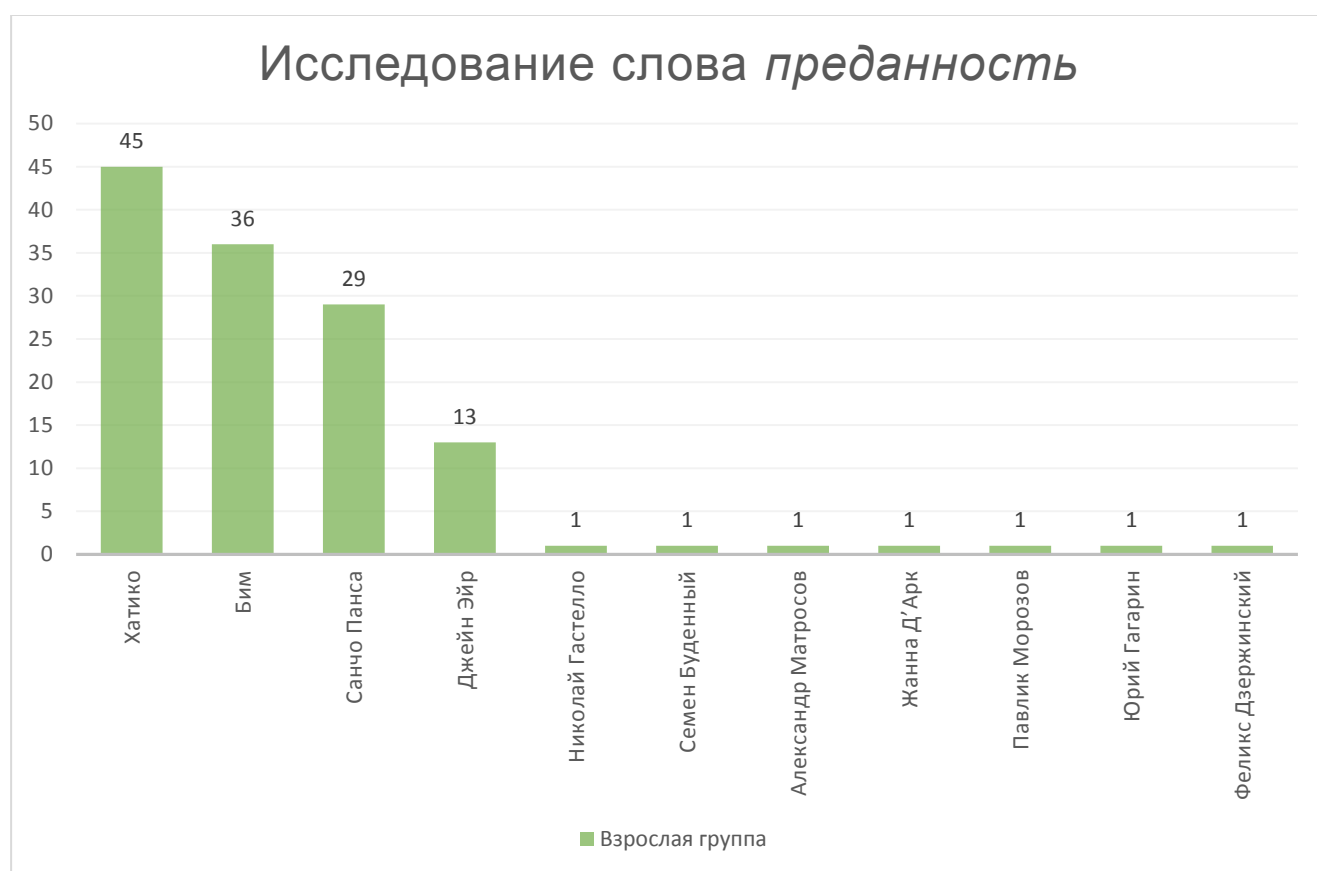

Рисунок 16. Экспериментальное исследование слова *преданность*. Реакции взрослой группы.

В том же году студенты – участники эксперимента считали символами преданности всего два имени (общее количество реакций – 144, Приложение 1, Таблица 11): *Хатико* 95, *Бим* 21. По одному разу появились имена *Марии Склодовской-Кюри*, *Георгия Жукова*, *Степана Бандеры*, *Данко*, *Тани Савичевой*, *Николая Лобачевского*, *Путина*. В данном списке привлекает внимание имя *Степана Бандеры*, т.к. идеи, защищавшиеся им, запрещены в России на законодательном уровне, однако появление его имени может говорить об их популярности в среде молодежи (см. Рисунок 17).

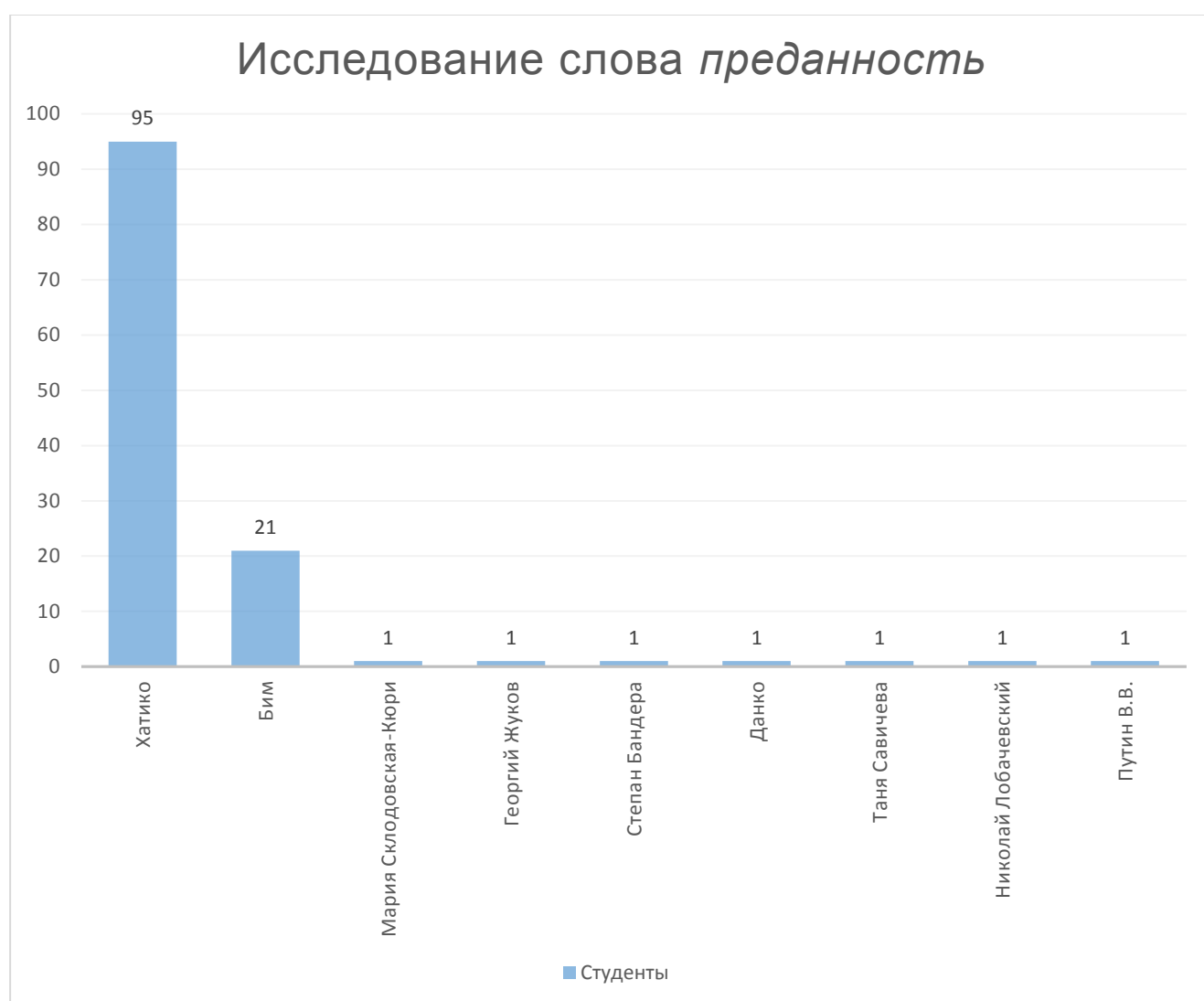

Рисунок 17. Экспериментальное исследование слова *преданность*. Реакции студентов.

В случае с прецедентным именем, отражающим в сознании респондентов смысл ценности *преданность*, привлекает внимание целый ряд факторов.

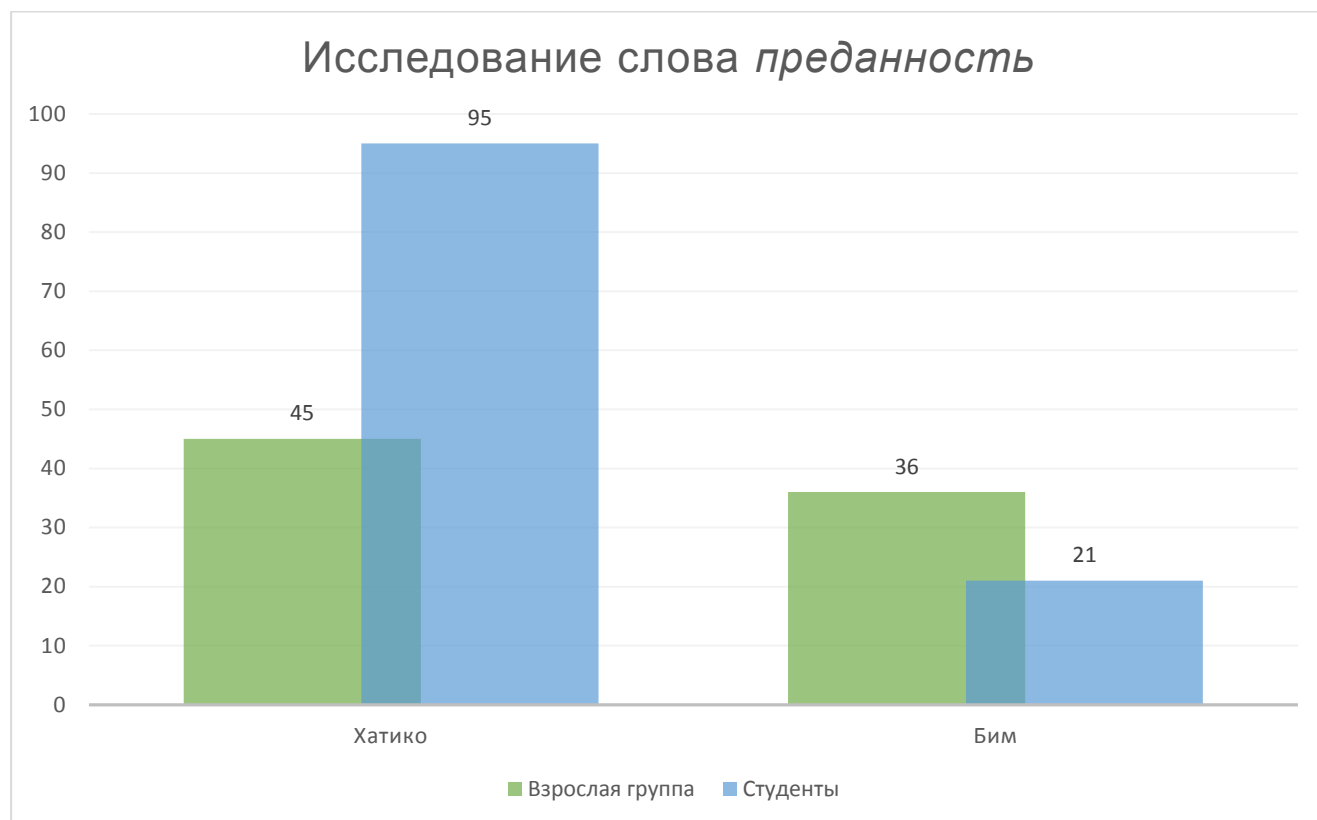

Рисунок 18. Экспериментальное исследование слова *преданность*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прежде всего, интересным оказывается полное совпадение первых двух имен – *Хатико* и *Бима* (см. Рисунок 18 и Приложение 1, Таблица 12), причем в случае со студентами эти имена оказались явными лидерами. Однако и здесь наблюдается весьма интересный феномен. В количественном отношении имена *Хатико* и *Бима* в реакциях взрослых практически равны, небольшой перевес в сторону имени *Хатико* можно объяснить значительной разницей в возрасте респондентов, составляющих группу людей, социализация которых пришлась на советский период истории нашей страны. Повесть Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо», переизданная много раз и переведенная более чем на 15 языков мира, послужила основой для одноименного фильма С. Ростоцкого, вышедшего на экран в 1977 году, ставшего победителем многих кинофестивалей и номинировавшегося на «Оскар» в категории «Лучший иностранный фильм». Однако обычных людей, безусловно, привлекало не количество побед,

завоеванных фильмом, а сама история преданности, любви, доброта, жестокости и предательства, всех основополагающих качеств человека, описанных глазами собаки. Фильм о *Хатико* («Хатико: самый верный друг») появился значительно позже, в 2009 году (японский фильм об этой собаке, основанный на реальных событиях, был снят в 1987 году, также на десять лет позже советского фильма) – это не менее трогательная история о верности и преданности, и именно этот фильм, как можно предполагать, значительно лучше знаком студентам, чем и объясняется преобладание (практически в четыре раза) этого имени над именем Бим.

Вторым интересным моментом является то, что взрослые респонденты не отказывают в качестве *преданности* и человеку (*Санчо Панса, Джейн Эйр*), что может объясняться, прежде всего, их знанием классической литературы, связанным с тем, что роман действительно читали большинство участников эксперимента. В случае со студентами такое знание оказывается поверхностным, как показали наши последующие опросы, их чтение романа Сервантеса (и таких участников эксперимента оказалось меньшинство, большинство просто слышали имена главных героев, употреблявшихся в различных контекстах) ограничивается кратким пересказом, которые стали не просто необычайно популярны, но и активно пропагандируются среди молодежи.

В 2016 году в ходе эксперимента подтвердилось, что подавляющее большинство рассматривают именно имя *Хатико* как символ преданности: *да, он ждал своего хозяина, несмотря ни на что, оставался верным ему всегда* 35.

Второй по частотности реакцией является реакция *собака 13*, имя Бима, в отличие от 2014 года, появляется лишь один раз: *да, верно ждал до последнего своего хозяина, несмотря ни на что, как Белый Бим Черное Ухо*. Но самым значимым, на наш взгляд, являются реакции, смысл которых можно суммировать следующим образом: *собаки вернее, чем люди* (вариант: *такой преданности стоит поучиться людям*). Эта реакция появляется 8 раз, что подтверждает высказанное ранее мнение о, скорее, уникальности качества *преданность* в настоящее время, по крайней мере именно так, как показывают

экспериментальные данные, начинает считать поколение людей, сформировавшихся уже в современной России.

В словарных статьях *преданность* толкуется следующим образом.

ПРЕДАННОСТЬ ж. приверженность и уважение, верность, щирая, искренняя любовь, правдивая, прямая покорность. [Толковый словарь живого великорусского языка 1882].

ПРЕДАННЫЙ, преданная, преданное; предан, предана, предано 1. прич. страд. прош. вр. от предать. Преданное забвению дело. 2. Всецело приверженный к кому-чему-нибудь, проникнутый любовью и верностью кому-чему-нибудь [Толковый словарь русского языка 2005].

ПРЕДАННОСТЬ – ПРЕДАННЫЙ, ая, ое; ан. 1. Проникнутый любовью и верностью к кому-л., чему-л. Исполненный любви и верности к кому чему н. П. друг. Предан своему делу. 2. Выражающий преданность [Толковый словарь русского языка... 2006].

ПРЕДАННОСТЬ – искренняя любовь и верность, совмещающаяся с искренней, чистосердечной покорностью [Тысяча состояний души... 2011].

ПРЕДАННОСТЬ – положительное духовно-нравственное качество личности, характеризующее приверженность человека к кому-то или чему-то, уважение, верность, искреннюю любовь. Преданность – это любовь и верность со смирением, не взирающим на смену обстоятельств [Основы духовной культуры 2000].

ПРЕДАННОСТЬ Свойство по знач. прил. преданный; преданное отношение к кому-то, чему-л. Выражение преданности. Преданность делу революции [Малый академический словарь 1957 – 1984; Словарь русского языка 1999].

Следует отметить два факта, представляющие в нашем случае чрезвычайный интерес.

Во-первых, в современных словарях, в частности, в Словаре русских синонимов, в отличие от словарей классических, *преданность* явно имеет негативные коннотации:

ПРЕДАННОСТЬ – фанатичность, покорность, приверженность, верность, неизменность, идейность, фанатизм, прозелитизм, любовь, повиновение, лояльность [Словарь русских синонимов... 1999].

Во-вторых, это слово включено в Толковый словарь языка Совдепии, и само название словаря не оставляет сомнений в отношении его авторов к избранным для интерпретации качествам, что и подтверждается приведенным толкованием:

ПРЕДАННОСТЬ – ж. Верность чему-л., каким-л. идеалам. == [Безграничная] преданность делу революции (коммунизма). патет. Партия укрепляла священное чувство любви советских людей к социалистическому Отечеству, преданность делу коммунизма [Толковый словарь языка 1998].

В целом семантический гештальт слова *преданность*, построенный с учетом всех изученных словарных статей, включает в себя следующие сферы:

- 1) ***искреннее чувство приверженности*** кому-либо или чему-либо, в основе которого лежат *любовь, уважение, верность, чистосердечное принятие*;
- 2) ***положительное духовно-нравственное качество***;
- 3) ***сферы жизни***, в которых может проявляться преданность: личная, общественная;
- 4) ***субъект***: личность, народ;
- 5) ***внешний субъект, навязывающий личности данное качество***: государство, партия, прозелитизм;
- 6) ***отрицательное качество личности***: фанатичность, покорность, идейность, фанатизм, повиновение.

В семантическом гештальте слова *преданность*, построенном на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 году, выделяется только одна доминантная сфера – ***субъект*** (см. Рисунок 19), причем это не человек, а *собака 37* (варианты: *Хатико 8; охраняющая своего хозяина 5*) Единичные реакции представлены следующими ответами: *верный оруженосец, следующий за своим господином; поддерживать своих родителей в любых ситуациях; «Властелин колец (Эомер)»; любовь к Родине.*

Рисунок 19. Семантический гештальт слова *преданность* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

В 2016 году в семантическом гештальте продолжает доминировать сфера *субъект*, однако она расширяется и представлена уже не только словом *собака* 15 (вариант: *животное, любовь животных к хозяевам*), но и лексемами *друг* 6 (*друзья*), *семья, сын*. Выделяется *еще одна сфера* – *искреннее чувство приверженности* кому-либо или чему-либо, в основе которого лежат *любовь* 6, *верность* 4, *искренность* 3, *честность* 3, *лояльность* 2; *вера* (*верить, верный*). На периферии находятся реакции *стране, Родине*, которые могут быть объединены в сферу *объект, которому можно быть преданным* (см. Рисунок 20).

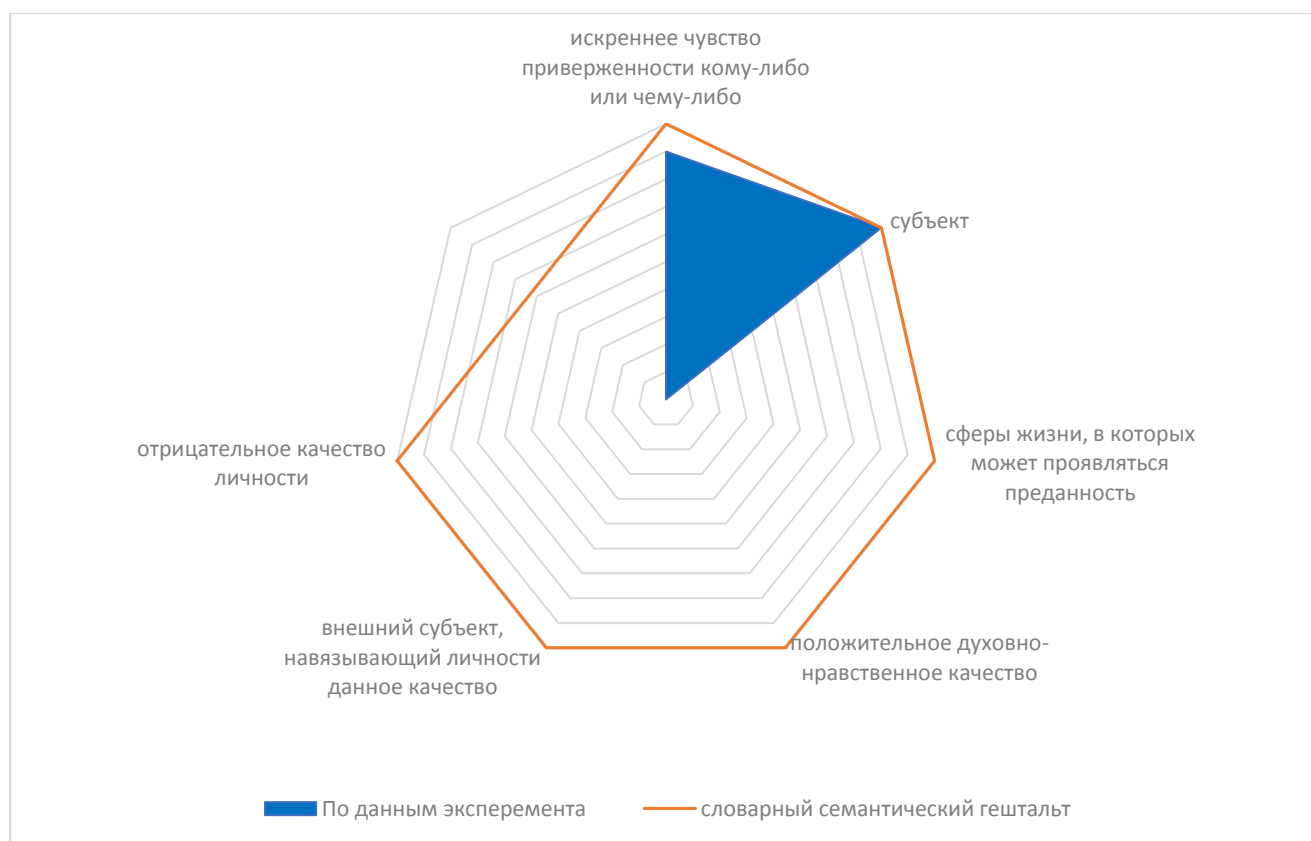

Рисунок 20. Семантический гештальт слова *преданность* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

Таким образом, появление новых сфер, объединяющих любовь, лояльность и веру, с одной стороны, и страну (Родину), с другой, позволяют предполагать, что смысловое содержание слова *преданность* к 2016 году изменилось под влиянием внешних факторов, которыми вполне могли стать политические события, происходившие в тот временной промежуток. Это объяснение представляется более вероятным, чем предположение о том, что зафиксированные перемены обусловлены образовательной системой, т.к. никаких новых имен, указывающих на изменения в системе индивидуальных знаний, отмечено не было.

2.2.5. Экспериментальное исследование слова *предательство*

Предательство – качество, которое в русской культуре непосредственно связано с базовой оппозицией Добро – Зло, в 2014 году в группе респондентов, получивших образование в советский период, ассоциировалось со следующими

именами (всего 157 реакций, Приложение 1, Таблица 13): *Иуда 71, Андрей Власов 32, Степан Бандера 23, Павлик Морозов 17* (см. Рисунок 21).

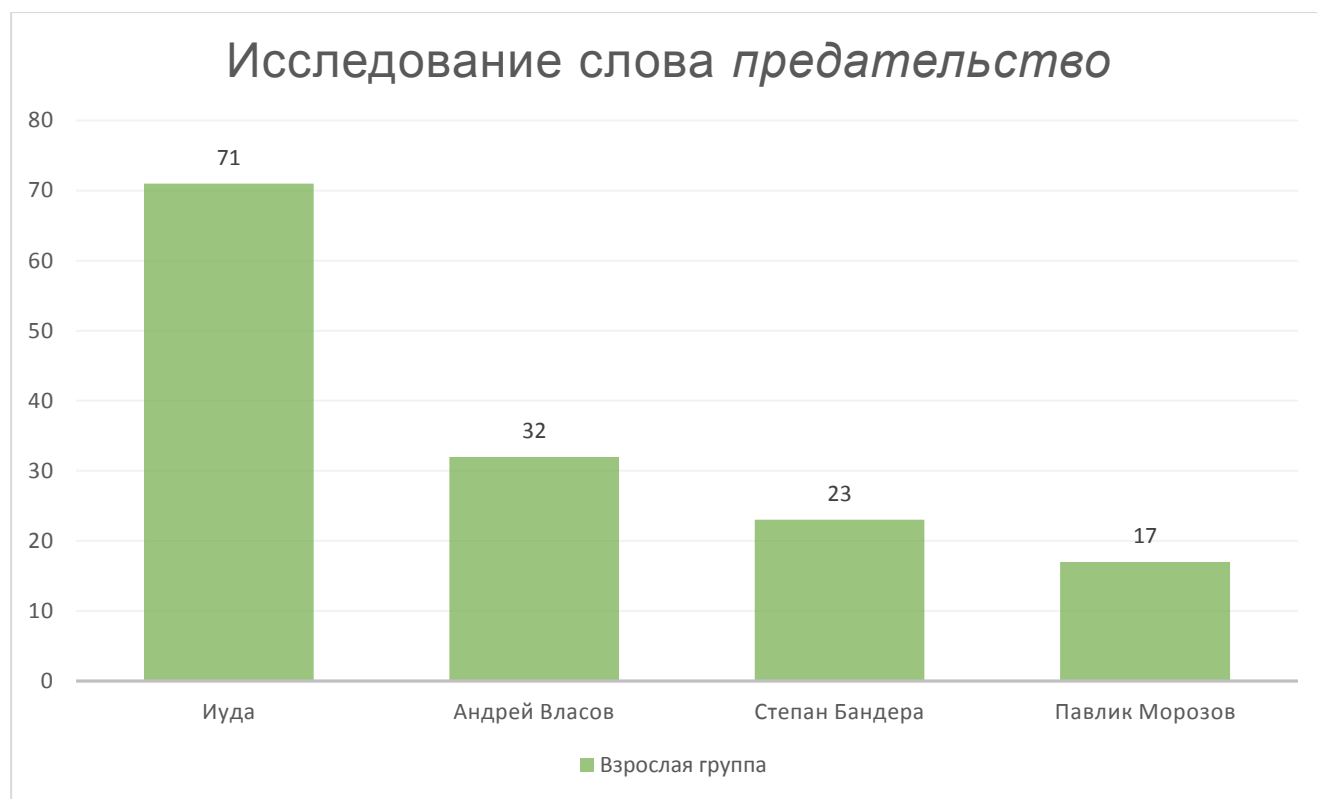

Рисунок 21. Экспериментальное исследование слова *предательство*. Реакции взрослой группы.

В группе студентов были получены следующие реакции (общее количество 133, Приложение 1, Таблица 14): *Иуда 63, Павлик Морозов 20, Степан Бандера 15*. В этом случае интересными являются и единичные реакции, представленные именами *Андрея Власова, Медведева Д.А., Андрея Сахарова, Данко, Дон Кихота, Жанны Д'Арк, Матери Терезы, Брута, Березовского, Салтычихи, Малюты Скуратова, Баинями-Близнецами и Хатынью*, т.к. такой «набор» имен, как нам представляется, может быть свидетельством отсутствия у значительного числа наших респондентов понимания смыслового содержания исследуемой ценности (см. Рисунок 22).

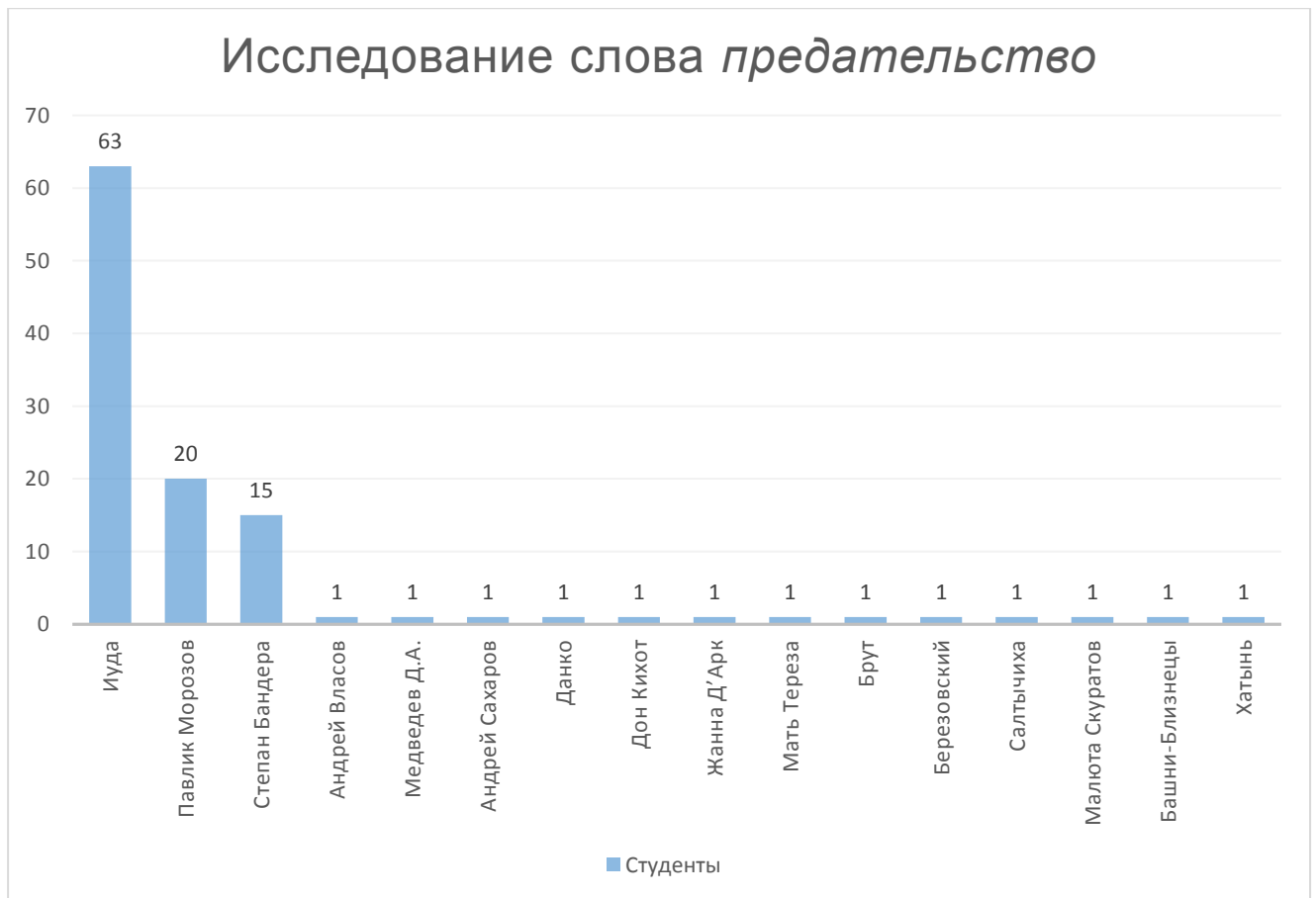

Рисунок 22. Экспериментальное исследование слова *предательство*. Реакции студентов.

Однако в целом список прецедентных имен, символизирующих идею предательства, в обеих группах совпадает, исключение составляет имя *Андрея Власова*, который является воплощением предательства для 27% взрослых испытуемых, но только для одного респондента – представителя молодого поколения (см. Рисунок 23 и Приложение 1, Таблица 15). Такое положение представляется вполне закономерным и является, как мы считаем, результатом совокупного воздействия двух основных факторов.

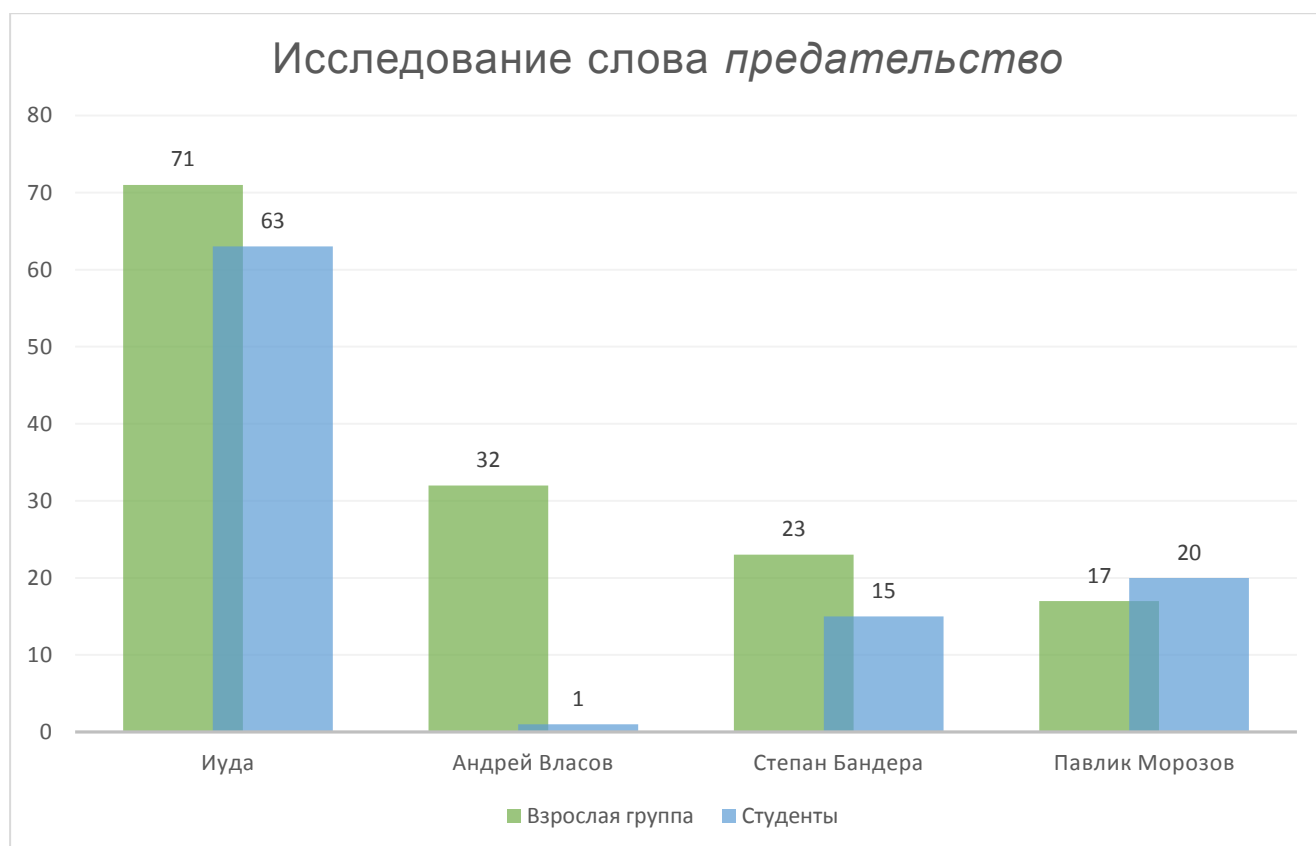

Рисунок 23. Экспериментальное исследование слова *предательство*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Во-первых, как уже упоминалось ранее (см. раздел 1.2.1.), учебники истории (как и учебники литературы), которые используются в образовательном процессе в средней школе настоящее время, неудовлетворительно выполняют свою основную функцию, в большинстве случаев их структура и язык с точки зрения психолингвистики не соответствуют основной задаче — дать непротиворечивые знания об истории своей страны. Позиции авторов учебников в оценке многих фактов и людей различаются, порой кардинально, в итоге выпускники школ не только не способны определить значимость того или иного события в контексте развития всего мира, но и элементарно не знают многих из них, тем более часто не имеют представления (либо их представления обусловлены весьма тенденциозным выбором произведений для изучения в курсе литературы) о большинстве исторических персонажей, связанных с тем или иным историческим эпизодом.

Во-вторых, массмедиа играют значительную роль в понимании молодыми людьми нашего прошлого. Именно здесь полностью подтверждаются слова Ю.М. Лотмана о том, что культура является полем битвы за выживание – биологическое и социальное, и массмедиа, представляя собой не-культуру, успешно заменяют традиционное содержание ценностей и прецедентных имен, их олицетворяющих, влияя на формирование понимания исторических событий и, таким образом, конструируя индивидуальный образ мира, не соответствующий тому, который определялся национальной культурой.

Все вышесказанное непосредственно касается имени *Андрея Власова*, которое для нескольких поколений, выросших в советский период, является прецедентным, маркирующим то, что в сознании русского человека определяется как *предательство*. В подтверждение этой мысли приведем описание эпизода Великой Отечественной войны, участником которого был генерал А.А. Власов, из различных учебников истории, а также фрагменты нескольких статей, размещенных в интернете в разное время.

В учебнике истории С.В. Журавлева дается абсолютно однозначная трактовка событий, произошедших в 1942 году: *«В конце июня 1942 г. после неудачного наступления советских войск под Ленинградом от основных сил была окончательно отрезана 2-я ударная армия Волховского фронта. Командующий армией и одновременно заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов сдался в плен. Вскоре он публично заявил о своей готовности сотрудничать с фашистами. В самом начале войны советские генералы, случалось, попадали в плен к врагу, но лишь единицы из них переходили на сторону противника. Гитлеровское руководство поручило А.А. Власову вербовку советских военнопленных для «русских национальных частей», воюющих в составе вермахта. С тех пор имя генерала Власова стало символом предательства и измены Родине. Власов выступил с идеей формирования самостоятельной Русской освободительной армии (РОА), в союзе с Германией, воюющей против сталинского режима»* [Журавлёв, Соколов 2017: 199] [выделено нами – Д.Г.]. Авторы другого учебника, также широко

использующегося в образовательном процессе, упоминают имя А.А. Власова вскользь, наряду с именами А. Петэна, В. Квислинга, Лавалья и Тисо в разделе «Сотрудничество с врагом: причины, формы, масштабы», замечая: «В СССР за сотрудничество с врагом были приговорены к повешению командующий Русской освободительной армией генерал А.А. Власов и его ближайшее окружение» [Горинов, Данилов 2016: 31]. О.В. Волобуев упоминает имя генерала Власова в контексте кровопролитных боев подо Ржевом и Вязьмой и попыток деблокаирования Ленинграда, отмечая, что командующий попавшей в окружение 33-ей армии генерал М.Г. Ефремов предпочел смерть плену, а «командующий окруженной 2-ой ударной армией генерал А.А. Власов предпочел сдаться в плен и начал сотрудничать с врагом» [Волобуев, Карпачёв, Романов 2016: 163], причем оценки такого действия в тексте нет. В других учебниках, например, в учебнике Н.В. Загладина и Ю.А. Петрова [Загладин, Петров 2014], имя А.А. Власова не упоминается вообще.

В интернет-пространстве об А.А. Власове пишут так: «Каждый год 9 мая наша страна отмечает День Победы и отдаёт дань доблестным защитникам Отечества – живым и мёртвым. Но оказывается, **далеко не всех, кого должны помянуть добрым словом, мы помним и знаем. Ложь тоталитарной идеологии долгие годы порождала мифы.** Мифы, которые становились истиной для нескольких поколений советских людей. **Но рано или поздно правда становится известной.** Люди же, как правило, не спешат расставаться с мифами. Так удобнее и привычнее... **Вот одна из историй о том, как национальный герой, любимец власти «стал предателем».** Эта история произошла с боевым генерал-лейтенантом Красной Армии Андреем Власовым» [Штолько <https://www.epochtimes.ru/content/view/10243/34/>] [выделено нами – Д.Г.].

«Между тем постепенно все становится на свои места. **Наконец-то имя опального генерала, вождя РОД, заняло достойное место на страницах "Большого энциклопедического словаря",** который в России является **официальным изданием.** Это впервые за всю послевоенную историю. Ни одного слова брани в адрес Власова там нет. **Дается объективная оценка его**

деятельности. В то же время, к примеру, Сталин оценивается весьма отрицательно. В "Энциклопедии военного искусства. Командиры Второй мировой войны" о Власове говорится следующее: **"Теперь известно, что почти все, что писалось у нас об этом генерале (Власове. – В.Л.), – ложь"**» [История предательства генерала Власова <http://www.peoples.ru/military/general/vlasov/history1.html>] [выделено нами – Д.Г.].

«В начале войны этот человек был в первых рядах среди лучших командиров Советской армии. Он и еще восемь генералов стали героями битвы под Москвой. Как же начинается история предательства генерала Власова? **Личность его насколько легендарна, настолько и загадочна. До сих пор многие факты, связанные с его судьбой, остаются спорными**» [История предательства генерала Власова <http://fb.ru/article/164688/istoriya-predatelstva-general-vlasova-film-general-vlasov-istoriya-predatelstva-rossiya>] [выделено нами – Д.Г.].

И даже биография генерала Власова, размещенная в интернете, выглядит следующим образом: «Власов Андрей Андреевич (1901 – 1946), советский военачальник, затем (с 1943 г.) **руководитель «Русской освободительной армии» (РОА) и Комитета освобождения народов России (КОНР), ставивший своей целью свержение сталинского режима. ... Силами РОА Прага была освобождена от гитлеровцев**». [Краткая биография генерала Власова <http://citaty.su/kratkaya-biografiya-general-vlasova>] [выделено нами – Д.Г.].

Таким образом, исчезновение имени А.А. Власова из списка реакций студентов вполне объясняется воздействием внешних факторов, т.к. в настоящий момент именно не-культура, являясь сферой торговли, определяет не только модели поведения, но и символы, в том числе и прецедентные имена. В данном случае уместно заметить, что в эксперименте ни разу не появилось и имя Мальчиша-Плохиша, которое выражало идею *предательства* в общественном сознании не менее часто, чем реальные исторические лица. Однако сегодня произведения А. Гайдара не упоминаются практически нигде, советские мультфильмы в медийном пространстве уже давно были заменены на

зарубежные, и это имя оказалось забытым старшим поколением, и совсем неизвестным студентам.

Этими же факторами, как можно предполагать, обусловлена и высокая частотность имени *Павлика Морозова*, которое использовалось в течение десятилетий в советский период в процессе воспитания как символ преданности идеям, а в период перестройки, наоборот, стало жупелом для молодежи. Именно на этого ребенка, реальные подробности жизни которого известны, вероятно, лишь исследователям его биографии, было вылито столько грязи, что даже в сознании многих более взрослых людей, как показывают данные не только нашего эксперимента, он превратился из героя, «несгибаемого борца за идеалы», в вероломного и подлого предателя, «стукача, предавшего родного отца», зверское убийство которого людьми, родными по крови, представлялось как справедливый акт возмездия. В документах упоминаются слова Ксении Морозовой, матери бывшего мужа и родной бабушки погибших, сказанные ею с усмешкой: «Татьяна, мы тебе наделали мяса, а ты теперь его ешь!» [Страсти по пионеру. Кем был

Павлик... http://www.aif.ru/society/history/strasti_po_pioneru_kem_byl_pavlik_morozov_geroem_ili_predatelem], которые не могут не вызывать ужаса у человека, неотягощенного метапатологиями, однако это не мешало многим известным писателям и журналистам продолжать настаивать на том, что Павел и его младший брат Федор «получили по заслугам». Отметим, что уже в период перестройки, в 1999 году представители движения «Мемориал» и родственники осужденных за убийство братьев Морозовых пытались добиться пересмотра приговора, но Генеральная прокуратура России, рассмотрев дело, пришла к выводу, что убийцы осуждены обоснованно и не подлежат реабилитации по политическим основаниям. Однако этот факт в печати широко не обсуждался и никак не повлиял на уже сформированное общественное мнение.

Следует особо подчеркнуть, что сегодняшние студенты, называя имя *Павлика Морозова* как прецедентное, как символ предательства, одновременно утверждают, что заявить в полицию на своих родителей – это вполне нормальное

действие, их право, обеспечиваемое законом. И в этом ярко проявляется, во-первых, происходящий в настоящее время сдвиг в системе ценностей российского общества, и, во-вторых, отсутствие элементарной способности мыслить логически, которое демонстрируют представители молодого поколения.

В период с 2014 по 2016 годы имя Павлика Морозова, Зои Космодемьянской и многих других вновь стало часто появляться в массмедиа в связи с пропагандой идеи патриотизма. Более того, поступок мальчика даже получил идеологическое обоснование с современных позиций: «С точки зрения своей эпохи, Павлик Морозов был подростком с твердыми убеждениями, который выступал против врагов существующего строя и за это был убит. **С точки зрения сегодняшнего дня, Павлик Морозов – это подросток с твердыми взглядами на жизнь, который, как законопослушный гражданин, дал свидетельские показания в суде в отношении погрязшего в коррупции сотрудника местной администрации, за что и был убит представителями криминалитета**» [выделено нами – Д.Г.], что не замедлило сказаться на сознании молодежи.

В 2016 году на вопрос «Согласны ли вы, что Павлик Морозов является символом предательства?» 15 респондентов, т.е. 30 % от опрошенных, дали ответ *не знаю*, 15 человек, т.е. те же 30% сказали *да*, 7 человек заявили *нет, так как в истории до сих пор сомневаются, было это или нет; нет, спорная личность*. Интересны ответы: *да, плохо помню поступок, вроде бы предал своих во время войны; да, потому что думал только о себе; да, нельзя быть таким корыстным*, свидетельствующие о незнании истории и непонимании смыслового содержания слова. Не менее примечательными являются следующие ответы: *Брут, Иуда, а Павлик Морозов сошка по сравнению с ними; да, в рамках небольшого временного периода, в рамках человечества-нет; да, предал отца, но данное предательство пошло на пользу обществу*, которые говорят о переоценке самого феномена предательства, т.к. в русской культуре оно не имеет временного измерения, не рассматривается с точки зрения пользы либо масштаба. Отдельный кластер составляют ответы, где *предательство* связывается именно с политикой, с историческими или современными событиями: *нет, я считаю, что*

уместен Гитлер, потому что мы заключили союз с Германией (мирный договор), а он его нарушил; нет, поставлю Украину за их неуважение к своим братьям-славянам.

Дальнейшее изучение словарных статей показало, что такой разброс мнений респондентов, как и мнений авторов учебников и статей, имеет под собой основания и коррелирует с современным толкованием данного слова, в частности, с его интерпретацией, данной в философском словаре:

ПРЕДАТЕЛЬСТВО – ценность человеческих отношений; понятие, существующее у всех народов, **в докапиталистическую эпоху каралось смертной казнью**. В настоящее время обычно уголовно наказуемо. В связи с тем, что **эта ценность является основой рыночных отношений**, буржуазная мораль стремится вывести это понятие в сферу обычных гражданских отношений. **При отсутствии обмана, предательства, мошенничества и насилия быстрое перераспределение богатств в обществе было бы невозможным, а без них рыночные отношения – блеф**. Именно быстрое перераспределение богатства является основой рынка и так называемой Американской мечты, на которой и зиждется привлекательность рынка. **"Не обманешь – не продашь" – народная мудрость**. Типичным предателем является Малыш-плохиш из сказки А. Голикова. **Вообще-то, понятие предательство относится к разряду естественных прав человека, то есть относиться к человеку как к предателю или приветствовать его действия – это вопрос свободы совести каждого, но не государства**. Государство (народ в его лице) может лишь наказывать за ущерб, нанесенный ему предателем. В середине восьмидесятых годов наш народ был предан его правящей и интеллектуальной элитой, в том числе Коммунистической партией Советского Союза, которым были доверены определенные функции [Философский словарь 2012] [выделено нами – Д.Г.].

ПРЕДАТЕ́ЛЬСТВО – тягчайший проступок из всего спектра негативных проявлений внутренней сущности человека, характеризующих его духовно-нравственное состояние. Предательство – это измена, отступничество (рenegатство), доносительство, неожиданная месть, шпионаж против своей

страны. Предательство – категория моральная, оно возникает как антипод преданности. Причины предательства могут быть самые разные: фанатизм, зависть, стяжательство, ревность, болтливость, страх, проявление физической слабости. **Границы предательства различны (есть явное и неявное), многое зависит от идеологических установок, от мировоззрения.** Предательству, в любых его формах и по любым причинам, нет оправдания, особенно **здесь важен суд собственной совести.** Символом предательства является Иуда Искарот, один из 12 апостолов Иисуса Христа, предавший Учителя за 30 серебряников. Позже, мучимый совестью, он повесился на осине [Основы духовной культуры 2000] [выделено нами – Д.Г.].

Очевидно, что современное толкование расходится с смысловым содержанием *предательства*, заложенным в русской культуре.

ПРЕДАТЕЛЬНОСТЬ – измена, вероломство, крамола, лукавство и облыжка, душепродавец (В.И. Даль). **В понятиях Святой Руси страшнейшее деяние. Предательство не прощается. Совершивший его достоин смерти.** Предательство состоит в том, что человек внутренне (в своих сокровенных помыслах, чувствах, решениях) или внешне (на словах или на деле) изменяет своему духовному принципу, не имея для того предметных оснований (И.А. Ильин). Причин предательства существует много, но главная из них – пристрастие к деньгам, вещам и комфорту. Как писал русский мыслитель кн. Е.Н. Трубецкой; «Комфорт родит предателей. Продажа собственной души и родины за тридцать серебряников, явные сделки с сатаной из-за выгод – вот куда, в конце концов, ведет мещанский идеал сытого довольства» [Энциклопедический словарь русской... 2000] [выделено нами – Д.Г.].

ПРЕДАТЕЛЬНОСТЬ – Предатель м. предательница ж. изменник, вероломец, крамольник, лукавый и облыжный человек, душепродавец. Предательский поступок, лукавый, вероломный, крамольный, изменнический. Предательство ср. предательное (предательское) дело. Предательствовать, промышлять предательством, лукавым обманом, снискивая доверенность лестью и изменой. предавать, предать кого, изменить кому, обмануть лукаво, либо покинуть в беде,

отступить, или изменнически выдать неприятелю, продать, быть предателем [Толковый словарь живого великорусского языка 1882].

ПРЕДА́ТЕЛЬСТВО, предательства, ср. Предательское поведение, вероломство, предательский поступок [Толковый словарь русского языка 2005].

ПРЕДА́ТЕЛЬСТВО, -а, ср. Вероломство, поступок, поведение предателя. П. не прощается [Большой толковый словарь 1949-1992].

ПРЕДАВАТЬ – предавать несов. перех. 1. Изменнически выдавать, отдавать во власть, распоряжение кого-либо. || Нарушать верность кому-либо, чему-либо; изменять. 2. Отдавать, предоставлять кого-либо, что-либо в чью-либо власть, в чье-либо распоряжение. [Толковый словарь <https://glosum.ru>].

ПРЕДА́ТЕЛЬСТВО -а; ср. 1. к Предать (2 зн.). П. семьи. П. дружбы. П. юношеской мечты. 2. Предательское поведение, предательский поступок, вероломство. Совершить п. Уличить в предательстве. Наказать за п. Прямое, коварное, наглое п. [Большой толковый словарь... 2000].

ПРЕДА́ТЕЛЬСТВО 1. Действие по глаг. предать (в 1 знач.). Предательство интересов рабочего класса. 2. Предательское поведение, предательский поступок, вероломство [Малый академический словарь 1957 – 1984].

В целом семантический гештальт слова *предательство*, учитывая его современные толкования, может быть представлен следующими доминирующими зонами:

1) **сферы:** личная, гражданские отношения, интересы народа, определенного класса, Родина;

2) **относится к внутренней сущности человека:** касается морали и нравственности, связано с самым страшным грехом – душепродавец;

3) **причины:** пристрастие к деньгам, вещам, комфорту, фанатизм, зависть, стяжательство, ревность, болтливость, страх, проявление физической слабости;

4) **оценка:** в понятиях Святой Руси страшнейшее деяние, не прощается, совершивший его достоин смерти; в период капитализма любое деяние, в том

числе и предательство, – дело личного выбора, государство может лишь наказывать за ущерб;

5) ***естественное право человека***: относиться к человеку как к предателю или приветствовать его действия – это вопрос свободы совести каждого;

6) ***отношение современного общества***: основа рыночных отношений, допустимо, когда речь идет о выгоде субъекта;

7) ***проявление в поведении***: лукавство, вероломство отступничество (ренегатство), доносительство, неожиданная месть, шпионаж против своей страны.

В семантическом гештальте исследуемого слова, смоделированном по данным ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 году, доминирует зона (см. Рисунок 24):

1) ***оценка***, причем эта оценка в подавляющем большинстве случаев выражена через метафору и однозначно негативна: *удар в спину 32, гнусность, подлость*. Выделяются и зоны:

2) ***сфера***: личная – *друг, бросивший тебя в сложной ситуации 5; измена супруга 2, предательство семьи/друга*; профессиональная, связанная с (воинским) долгом, с Родиной – *командир, сбежавший с поля боя 4; переход на сторону врага 2; нарушение клятвы, неисполнение долга*;

3) ***относится к внутренней сущности человека***: касается морали и нравственности – *Иуда 4, Цезарь 3, Карамзин «Бедная Лиза» 3, Брут*.

Значительное число реакций представляет образы: *хозяин бросил собаку, которая стала не нужна 7; картина «Смерть Цезаря» 3, человек с грустной и веселой маской одновременно*.

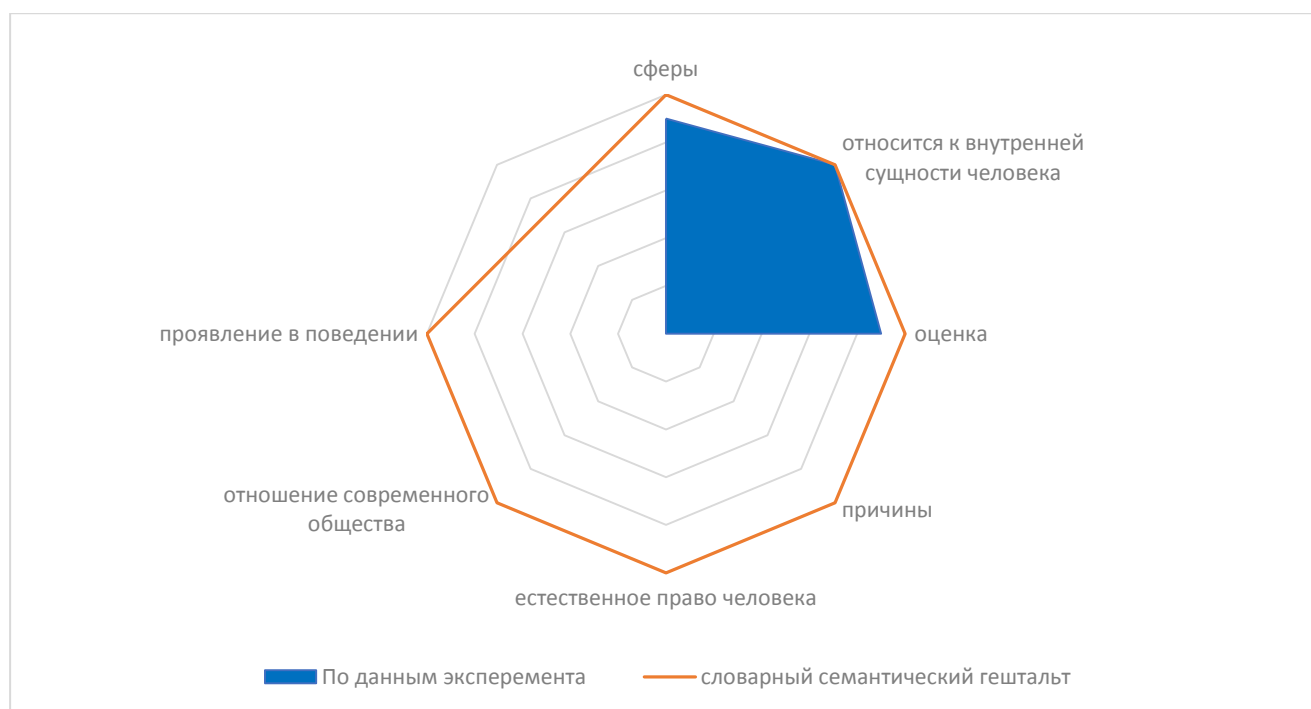

Рисунок 24. Семантический гештальт слова *предательство* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

В 2016 году в семантическом гештальте слова появляются зоны **реакция преданного человека**: обида 4; смерть 3; слезы 3; грусть 2 и **проявления в поведении**: измена 9; обман 3, они оказываются равными по количеству реакций с зоной **оценки**: подлость 6, враг 4, нож в спину 2, запрет. Выделяется зона **причина**: выгода, ненависть, коварство, алчность, слабость. Явно выделяется, хотя и находится на периферии, зона **сферы**: личная друг 2, подруга 2, дружба 2; профессиональная *воин* (см. Рисунок 25). Остальные реакции представлены либо личными именами (*Иуда, Брут, Цезарь*), либо образами (*жалящая змея, брошенная собака*).

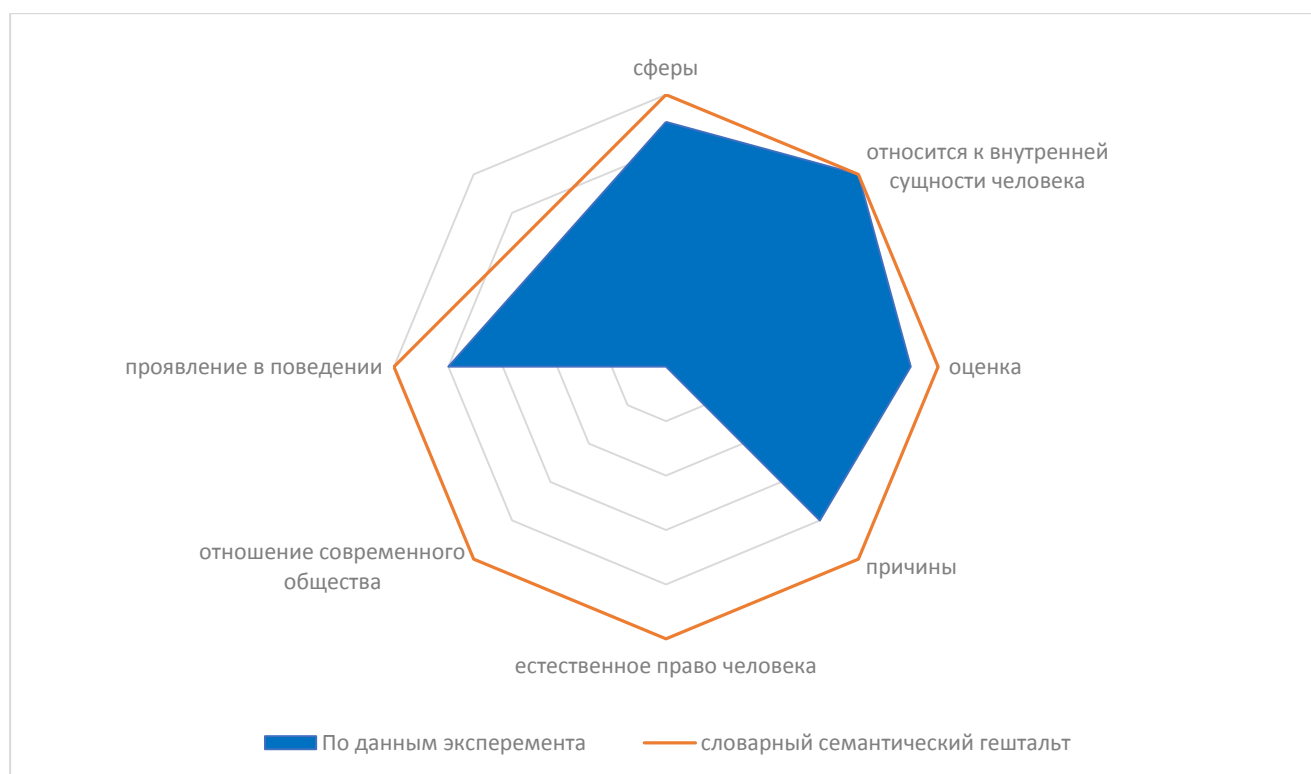

Рисунок 25. Семантический гештальт слова *предательство* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

Анализ изменений смыслового содержания анти-ценности *предательство* позволяет заключить, что:

- она начинает рассматриваться, в основном, в отношении личной сферы, хотя запрет на *предательство*, и его негативная оценка еще сохраняются;
- акцент смещается на индивидуальные реакции преданного человека;
- прецедентные имена под влиянием внешних факторов, прежде всего, анти-культуры, легко заменяются, что, в свою очередь, позволяет социуму изменять и смысловое содержание слова, меняя иерархию и значимость его компонентов в индивидуальном сознании личности.

2.2.6. Экспериментальное исследование слова *жестокость*

Жестокость, являясь оппозицией к ценности *милосердие*, как и *предательство*, имеет непосредственное отношение к паре *Добро – Зло*, т.е. к базовым ценностям русской культуры.

Прецедентными именами, символизирующими *жестокость* в сознании взрослых респондентов, стали (общее количество реакций 163, Приложение 1,

Таблица 16) *Степан Бандера 32, Салтычиха 26, Малюта Скуратов 22, Хатынь 20, Йозеф Менгеле 17, Саласпилс 12* (см. Рисунок 26).

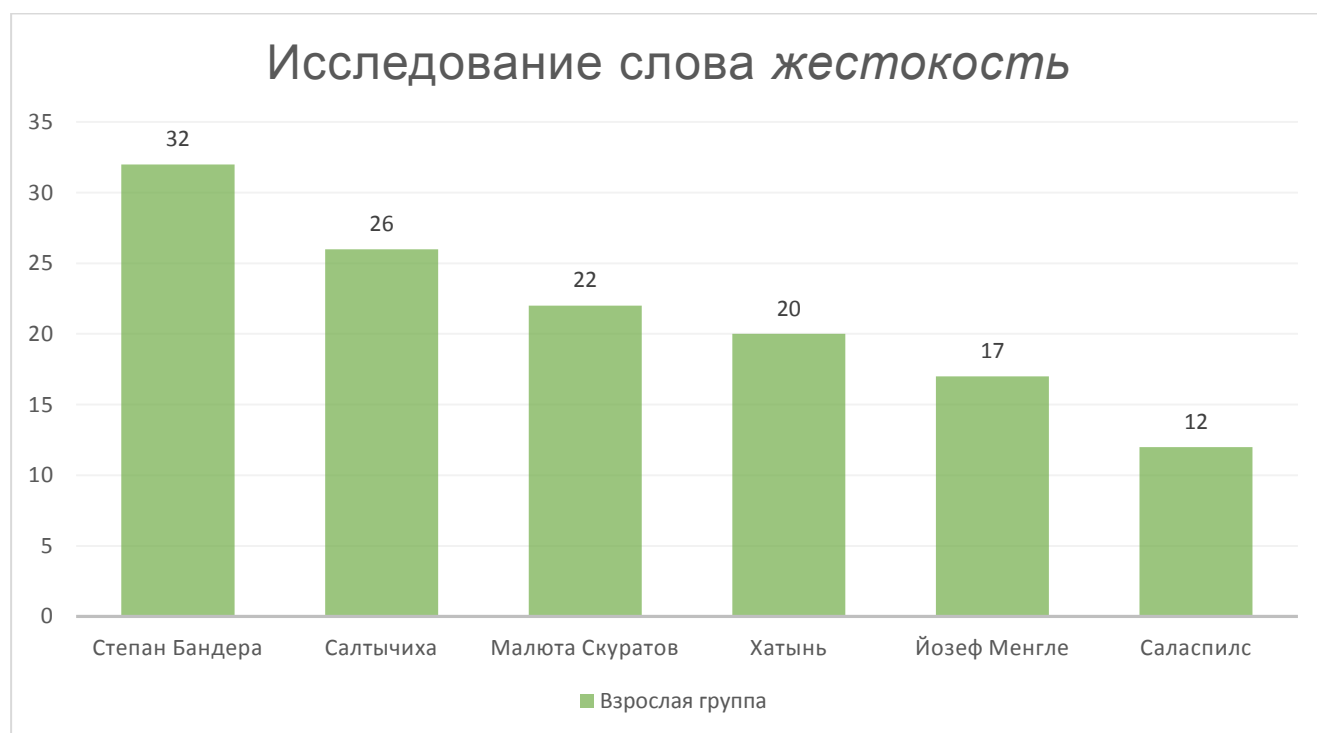

Рисунок 26. Экспериментальное исследование слова *жестокость*. Реакции взрослой группы.

Для студентов символами *жестокости* в 2014 году были (из 136 реакций, Приложение 1, Таблица 17) *Степан Бандера 33, Башни-Близнецы 23, Салтычиха 11, Норд Ост 9*. Имя *Йозефа Менгеле* появилось один раз, *Саласпилс* – ни разу, что косвенно подтверждает отсутствие глубоких знаний о многих трагических страницах в истории Второй мировой войны (см. Рисунок 27).

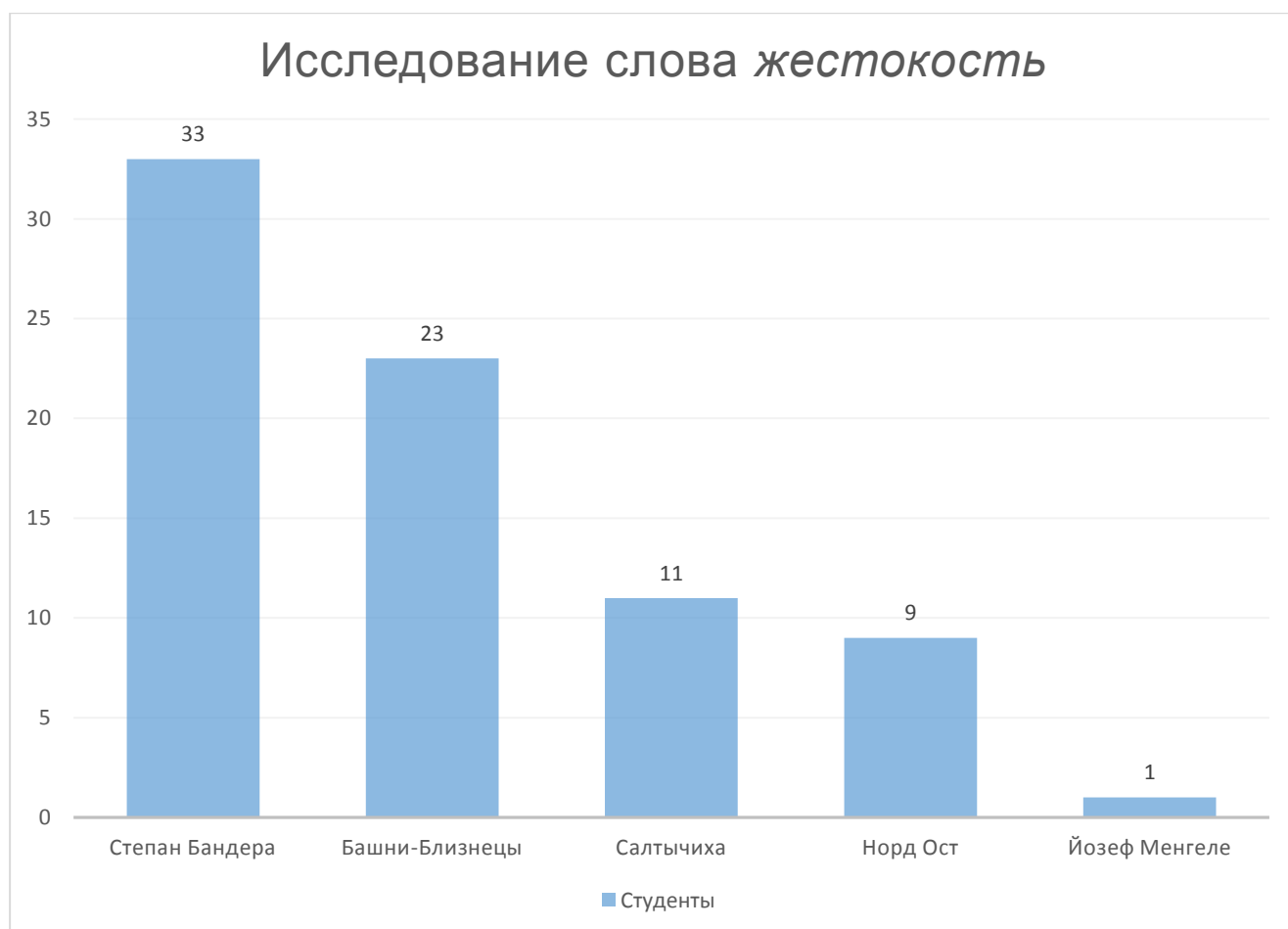

Рисунок 27. Экспериментальное исследование слова *жестокость*. Реакции студентов.

В данном случае в обеих группах лидером является имя *Степана Бандеры*, что подтверждает высказанное выше мнение о массмедиа как главном факторе, определяющем в настоящее время содержание когнитивной базы лингвокультурного сообщества. Именно в период проведения эксперимента, совпавшего по времени с известными событиями на Украине, СМК были переполнены материалами об ОУН и его руководителях и идейных лидерах. Таким образом, благодаря СМК, обслуживающим интересы правящего класса, имя *Степана Бандеры* стало прецедентным только сегодня, в современный период развития России, так как ранее о бандеровцах писали значительно меньше, в частности, никогда не акцентировался тот факт, что именно члены этой организации были причастны к убийствам советских граждан в Бабьем Яру, Хатыни и к многим другим карательным операциям во время Великой Отечественной войны (см. Рисунок 28 и Приложение 1, Таблица 18).

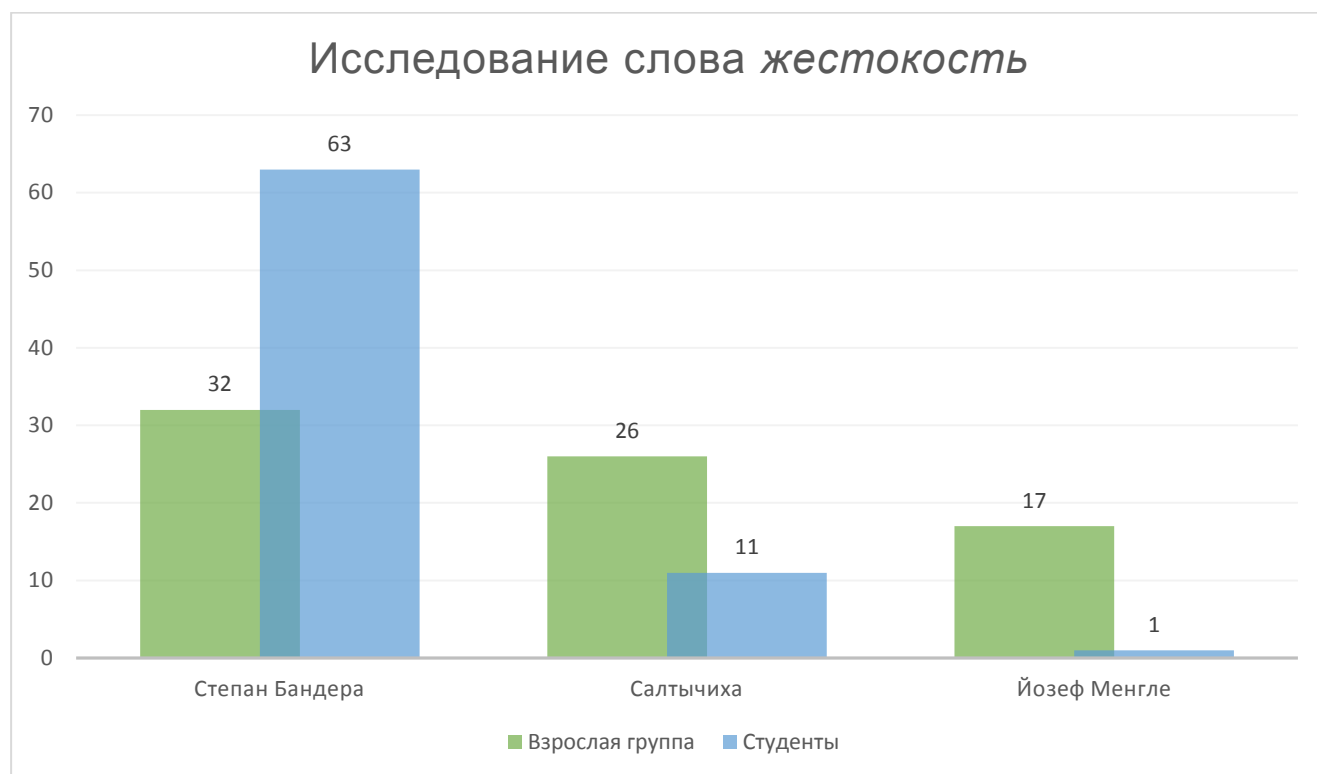

Рисунок 28. Экспериментальное исследование слова *жестокость*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Что касается *Салтычихи*, то ее имя как символ жестокости, олицетворение величайшего уродства рода человеческого, имевшего «душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую» [Студенкин <http://www.bibliotekar.ru/reprint-135/>], уже давно является частью когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества и известно практически любому, кто получал образование в советский период, из курсов истории и литературы.

Прецедентным для языкового сознания носителей русской лингвокультуры всегда являлось и имя *Малюты Скуратова*, жестокость которого, обросшая легендами и отразившаяся в исторических песнях русского народа, обусловила его сохранение в когнитивной базе, а изучение истории опричнины во времена Ивана Грозного, период правления которого в советских учебниках описывался достаточно подробно, обеспечивало знание деяний данного исторического персонажа и, таким образом, связывало его имя с соответствующими качествами.

Для значительной части представителей поколения, родившегося в конце XX века, как показывают результаты эксперимента, благодаря «знанию» истории

имя *Малюты Скуратова* перестало быть прецедентным, а имя *Салтычихи* известно только по современным фильмам, чем, скорее всего, и объясняется разница в количестве реакций, данных на него, между группой респондентов, социализировавшихся в советский период, и современной молодежью.

Имена *Хатынь*, *Йозеф Менгеле*, *Саласпилс* как реакции на стимул *жестокость* в группе старших респондентов связаны с историей страны и Великой Отечественной войной, причем первые два действительно на протяжении нескольких десятилетий были символами зверства, варварства, садизма и бесчеловечности. Все эти определения вполне приложимы и к имени *Саласпилс*, поэтому закономерно, что и оно было выбрано нашими испытуемыми из предложенного списка прецедентных имен. Отсутствие их в реакциях студентов может объясняться только одним фактором – незнанием, которое является результатом школьного образования.

Зато символом *жестокости*, вторым по значимости для российских студентов, оказалось название *Башни-Близнецы*, которое по частотности в 2.5 раза превысило имя *Норд-Ост*, что также, скорее всего, свидетельствует о роли массовой культуры и массмедиа в воспитании человека и формировании его когнитивной базы.

В эксперименте 2016 года 28 респондентов, т.е. 56% согласились, что *Башни-Близнецы* – это наиболее подходящий символ для обозначения *жестокости* (в ходе эксперимента им предоставлялся выбор – согласиться с утверждением либо дать иное имя, которое может рассматриваться как прецедентное). Однако были и иные ответы, свидетельствующие о способности к рефлексии и оценке данного события с иной точки зрения: *в данном примере больше политической и идеологической подоплеки, чем жестокости, как таковой; терроризм – это не жестокость, это вынужденная мера, войны против сильного врага с точки зрения террористов 8, жестокость – это живодерки из Хабаровска, мучающие животных 7; крещение Руси, так как было пролито много крови; нет, за место Башен поставлю эпоху Средневековья, так как это были самые жестокие времена для всего Европейского народа (как в*

оригинале); *нет, это траур или смерть*. Трое респондентов мотивировали свое согласие следующим образом: *да, потому что убийство невинных людей – это жестокость и варварство*.

Таким образом, данный эксперимент выявил (как и в случае с другими исследованными словами) различия в смысловом содержании значения слова между испытуемыми, прежде всего – различия в доминирующих для индивида сферах, составляющих семантический гештальт.

Однако, прежде чем анализировать групповой семантический гештальт слова, следует обратиться к трактовке смысла понятия *жестокость* в словарных статьях.

ЖЕСТО́КОСТЬ – это стремление причинять другим страдание, получая при этом удовольствие. Этим жестокость близка к садизму, но еще более предосудительна. Садизм – одна из форм извращения, тогда как жестокость – порок. Жестокость – один из самых тяжких грехов, хуже которого нет и быть не может. [Философский словарь 2012].

ЖЕСТО́КОСТЬ -и; ж. 1. к Жестокий Ж. спора. Ж. гнева. Мстительная ж. Безмерная ж. Ж. климата. Ж. мороза, ветра. Смягчить ж. удара (смягчить боль, причинённую кому-л. словами или поступками). 2. мн.: жесто́кости, -ей. Жестокие поступки. [Большой толковый словарь русского языка 2000].

ЖЕСТО́КОСТЬ, -и, ж. 1. Свойство по прил. жестокий (в 1 знач.). 2. мн. ч. (жесто́кости, -ей). Жестокие поступки. 3. Суровость, резкость || Высокая степень, большая сила проявления чего-л.: Смягчит жестокость гнева их. [Малый академический словарь 1957 - 1984].

ЖЕСТО'КОСТЬ, и, ж. 1. только ед. Отвлеч. сущ. к жестокий в 1 знач. Человеческая ж. 2. Жестокое обращение, жестокий поступок. Жестокостями умиряли непокорных [Толковый словарь русского языка 2005].

ЖЕСТОКОСТЬ, -и, ж. 1. см. жестокий. 2. Жестокий поступок, обращение. Допустить ж. Жестокости не прощаются [Толковый словарь <https://slovar.cc/rus/>].

Все данные определения позволяют выделить следующие зоны, входящие в семантический гештальт слова *жестокость*:

- 1) **психические свойства человека:** порок, еще более предрассудительный, чем садизм, т.к. он связан с моралью;
- 2) **отношение с точки зрения религии:** смертный грех;
- 3) **действия:** поступок, обращение;
- 4) **сила проявления чего-либо:** суровость, резкость;
- 5) **субъект:** Бог, человек;
- 6) **сферы проявления:** окружающая природа (климат, мороз, ветер), межличностные отношения (спор), социум (действия).

В семантическом гештальте, смоделированном на основе данных эксперимента 2014 года (см. Рисунок 29), присутствует зоны: 1) **психические свойства человека:** человеконенавистность (так в оригинале), хладнокровие, садизм; 2) **субъект, который иногда персонифицирован:** человек 3, родители 3, серийный убийца 2, террорист 3, маньяк, фашист(ы) 3, спортсмен, Гитлер, Иван Грозный 3, Раскольников 2, причем, как видно из числа реакций, зона **субъект** является доминирующей. В зоне **сферы проявления** основной является реакция, описывающая отношение человека к животным: зоопарк 2, цирк 2, война. Реакция **дьявол**, как представляется, может быть отнесена к зоне **отношение с точки зрения религии**; реакции **убийство, пытки, издевательство над беззащитными, убийство животных 5** относятся к зоне **действия**, однако, в отличие от словарной, все лексемы, входящие в эту зону, носят явно эмоциональный характер и отражают то, что происходит в современном социуме, освещается в СМК, особенно в интернете, и вызывает широкий общественный резонанс.

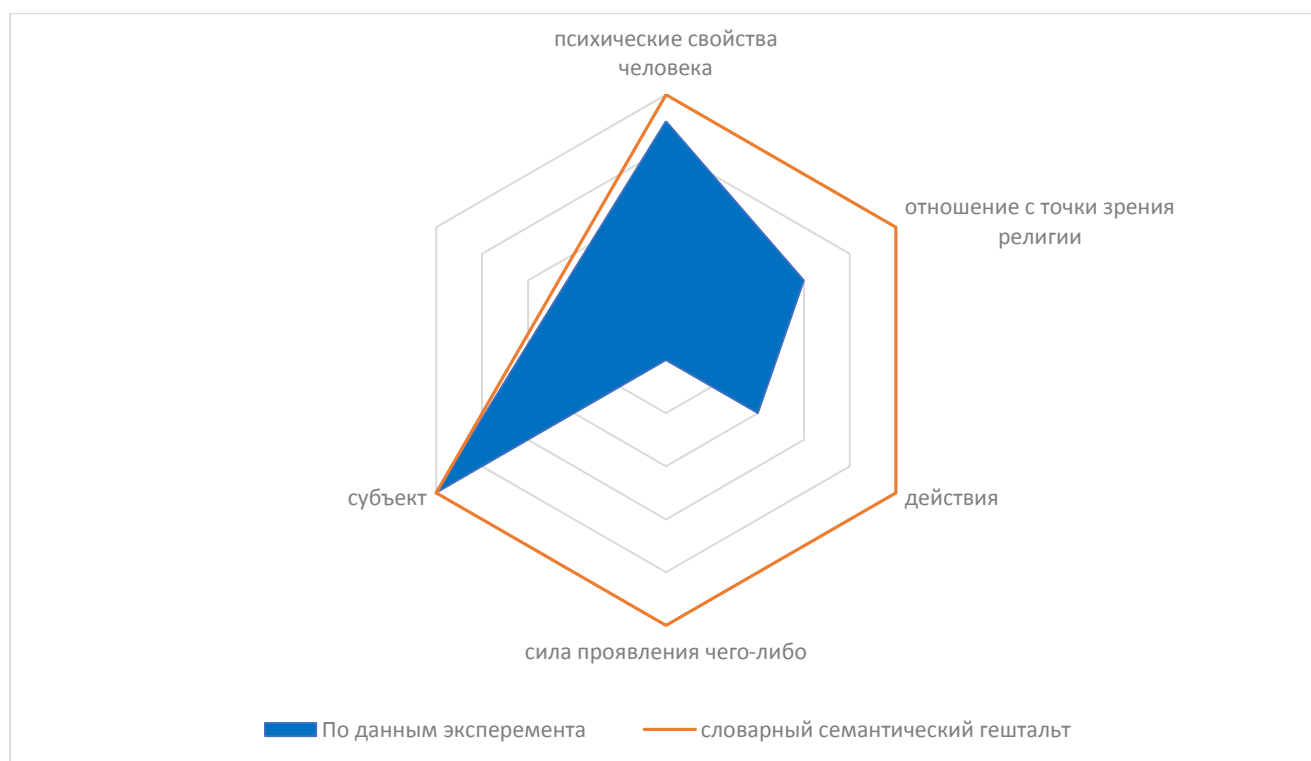

Рисунок 29. Семантический гештальт слова *жестокость* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

Отличительными признаками семантического гештальта в 2016 году стало значительное усиление зоны **действия**: *убийство 8, насилие 8, унижение слабых 7, живодёрство 7, издевательство 7, нужда 5, истязание 3, теракт*, причем все эти реакции отличаются высоким уровнем эмоциональной нагрузки и были даны в числе первых практически всеми испытуемыми (см. Рисунок 30). Добавляются зоны, которые могут быть обозначены как **реакция на жестокость**: *боль 4, злость 4, обида 3, ненависть 2, опасность* и **объект жестокости**: *люди 2, животные 2*. В зоне **сферы проявления** доминирует реакция *война 5*. Увеличивается зона **психические свойства человека**: *грубость 3, характер 2, слабость, безумие, эгоизм, сила*. Реакции *бешеная собака, мясо, необходимость, любовь* являются единичными и не образуют отдельных зон в общей структуре семантического гештальта.

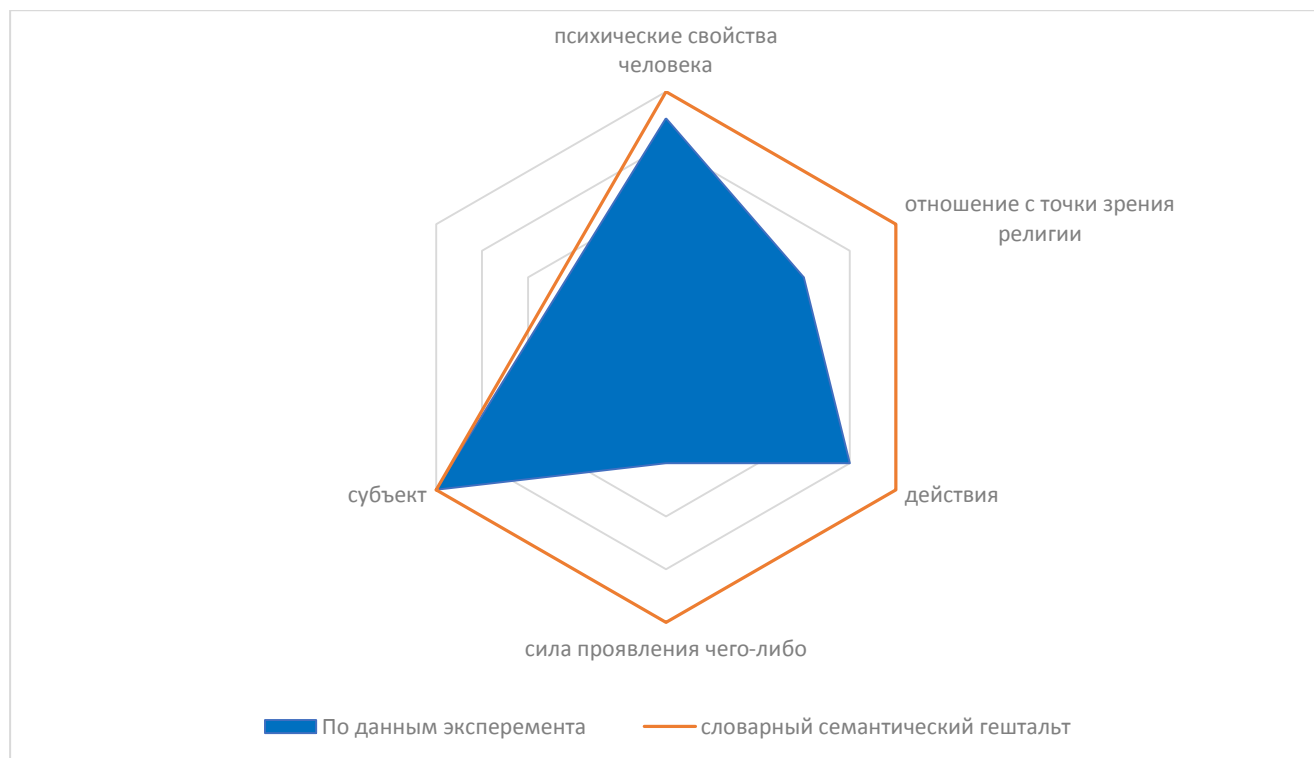

Рисунок 30. Семантический гештальт слова *жестокость* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

В целом качественное и количественное изменение зон в семантическом гештальте слова *жестокость*, происшедшее всего за два года, как можно предполагать, является отражением определенных изменений в сознании молодых людей, связанных с происходящими в обществе социальными процессами. Косвенным доказательством этого может служить отсутствие зоны *субъекта*, но появление зон *объект жестокости* и *реакция на жестокость*, а также присутствие эксплицитно выраженного эмоционального компонента в словах, составивших зону *действия*.

2.2.7. Экспериментальное исследование слова *успех*

Слово *успех* – единственное, которое не имеет отношения к морально-нравственной сфере, однако, как мы полагаем, его исследование в рамках нашей работы необходимо: то, как осмысливается успех человеком, позволяет прогнозировать динамику системы ценностей общества.

Для группы взрослых респондентов *успех* в 2014 году был представлен именами (всего 183 реакции, Приложение 1, Таблица 19) *Билла Гейтса* 40, *Романа Абрамовича* 26, *Мерлин Монро* 27, *Иосифа Кобзона* 20, *Сергея Королева* 15, *Опры Уинфри* 9, *Марии Склодовской – Кюри* 8, *Алексея Стаханова* 8. В наименьшей степени понятие *успеха* связывалось с именами *Данко*, *Саввы Морозова*, *Семена Буденного* и *Дон Кихота* (см. Рисунок 31).

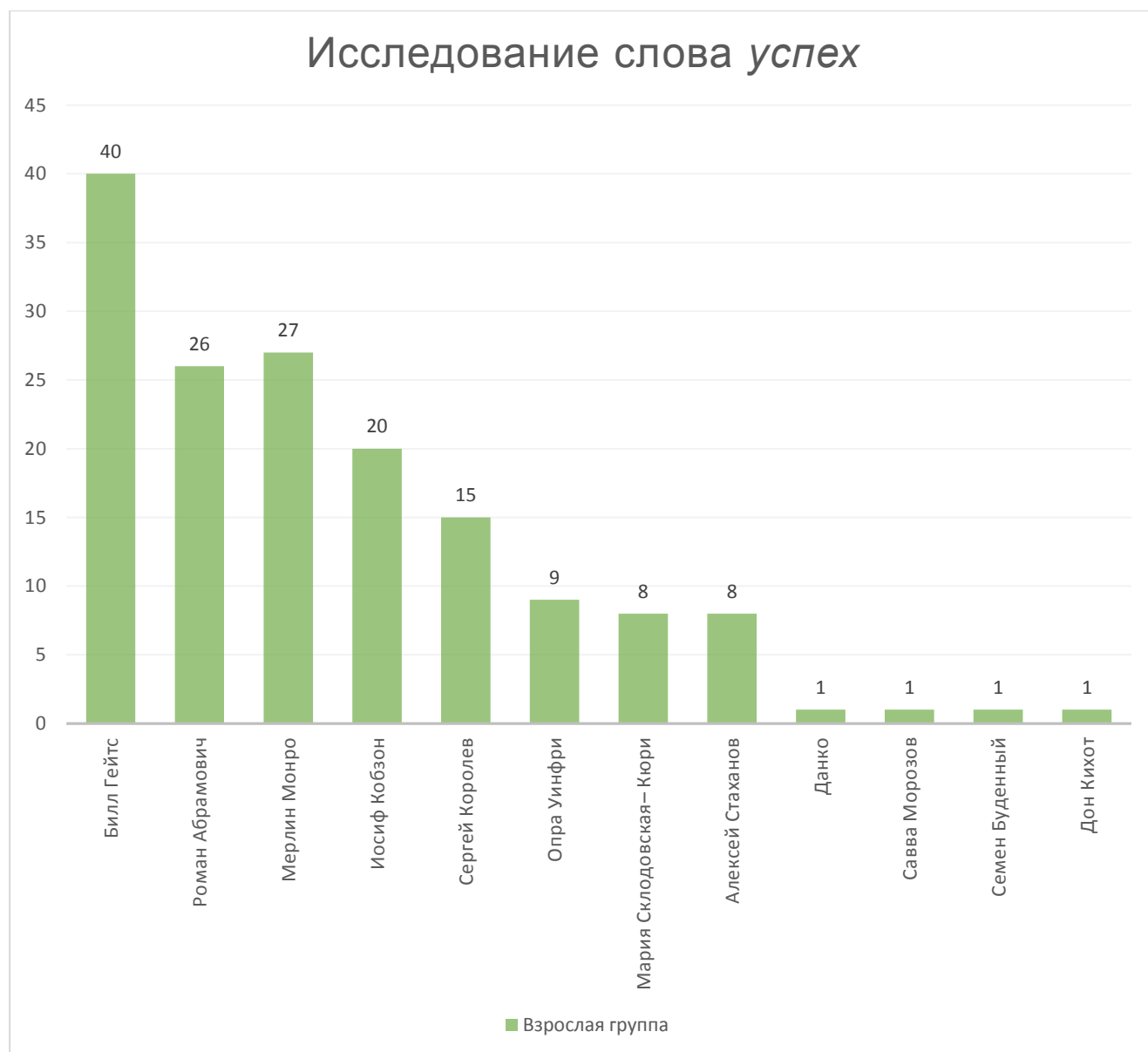

Рисунок 31. Экспериментальное исследование слова *успех*. Реакции взрослой группы.

В студенческой группе символом *успеха* являлись (всего 214 реакций, Приложение 1, Таблица 20) *Билл Гейтс* 57, *Роман Абрамович* 45, *Мерлин*

Монро 42, Ксения Собчак 11, Юрий Гагарин 8, Опра Уинфри 8, Мария Склодовская-Кюри 8. Единичными были имена Феликса Дзержинского, Дон Кихота, Данко, Андрея Власова (см. Рисунок 32).

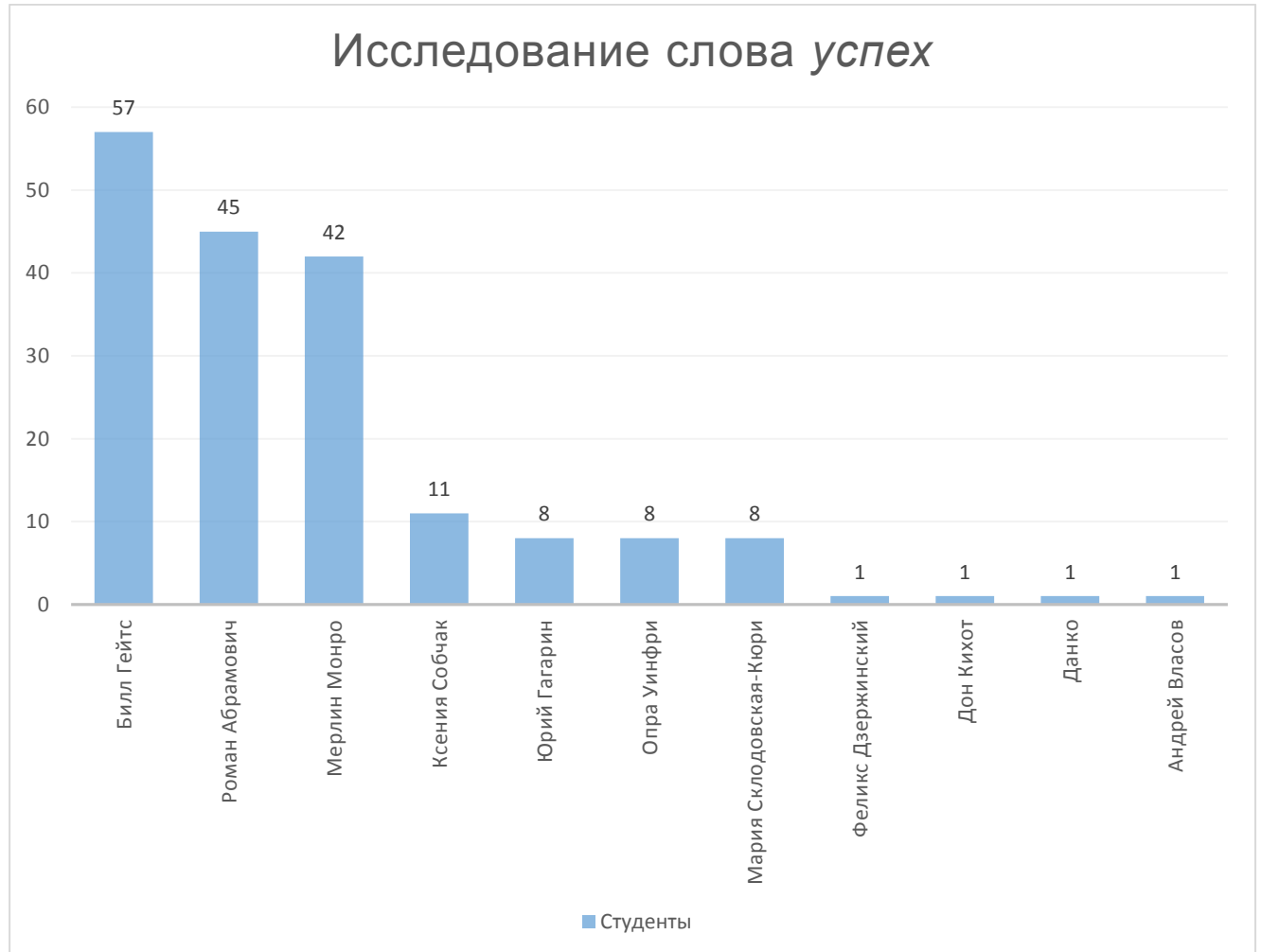

Рисунок 32. Экспериментальное исследование слова *успех*. Реакции студентов.

Анализ списка людей, которые не могут считаться образцом *успеха* по мнению всех наших респондентов (как представителей старшей группы, так и студентов) показывает, что всех их объединяет то, что они не реализовали поставленную перед собой цель. Не являются в этом случае исключением и имена *Буденного* и *Дзержинского*, так как в современном обществе их успех ставится под сомнение, а достоинства не признаются.

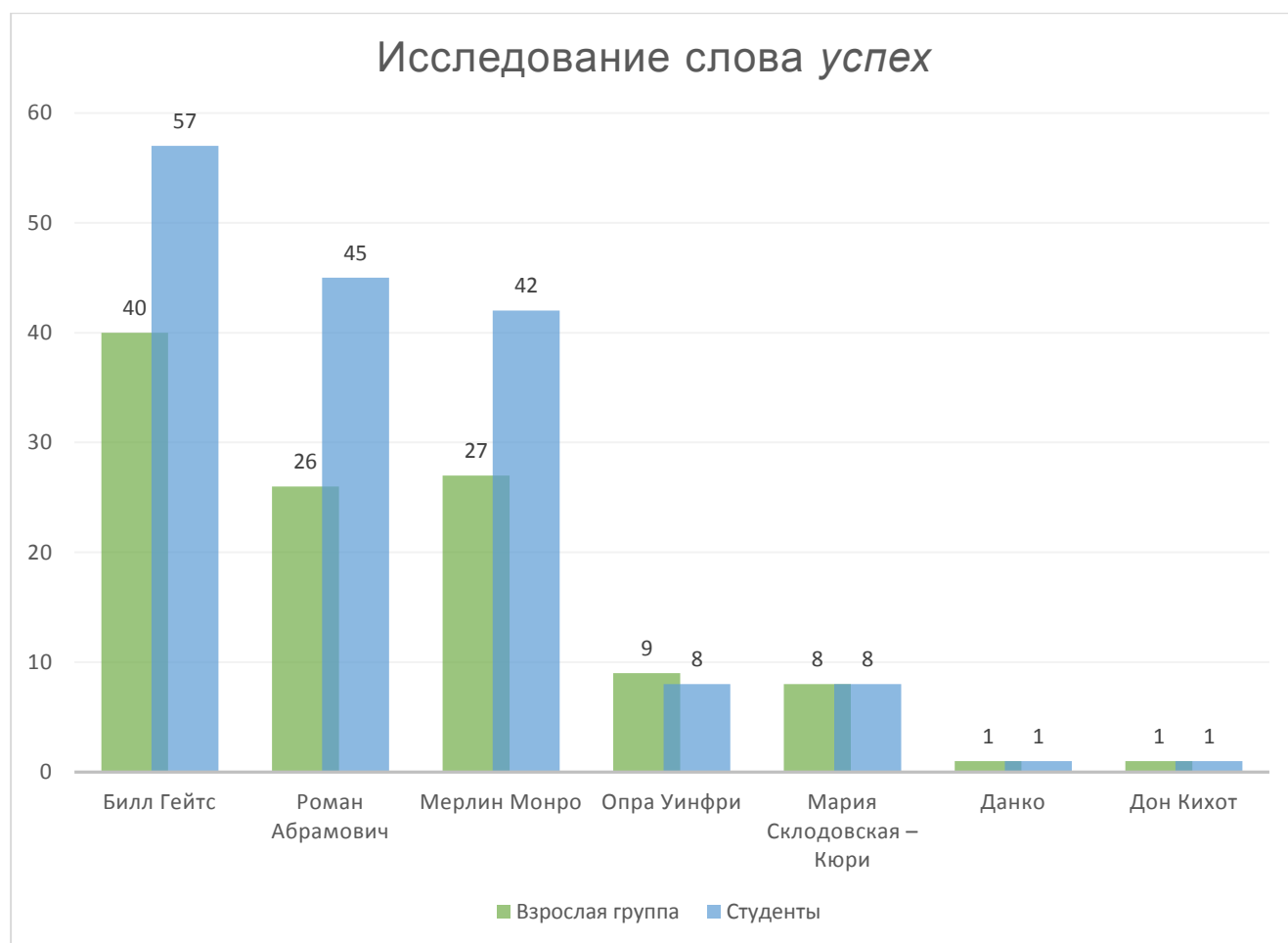

Рисунок 33. Экспериментальное исследование слова *успех*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Не менее интересным оказалось и полное совпадение первых трех имен в обоих списках (см. Рисунок 33, Приложение 1, Таблица 21), причем для всей выборки наиболее успешными кажутся представители бизнеса, предприниматели, входящие в первые строчки списка самых богатых людей планеты по версии журнала *Forbes*, а также представители шоу-бизнеса, причем, если для более старшего поколения этот круг представлен именем *Кобзона*, то студенты называют имя *К. Собчак*.

Из восьми наиболее частотных имен в группе людей, социализация которых пришлась на советский период, только два – *С. Королев* и *А. Стаханов* – относятся к людям, получившим общественное признание в СССР непосредственно за производительный труд, способствовавший развитию страны. В группе студентов к таким людям относится только *Ю. Гагарин*. Одинаковое количество раз в обеих группах названо имя *Марии Склодовской-Кюри*, однако

эту женщину – первого дважды нобелевского лауреата в истории, символом успеха считают только 9% испытуемых. В совокупности все эти факты могут говорить только об одном: успех в сознании современного носителя русской культуры связан, прежде всего, с достижением материальных благ, а не с известностью и признанием обществом заслуг человека.

Этот вывод подтверждается результатами, полученными в ходе эксперимента в 2016 году, когда 44 респондента, т.е. 88 % всех испытуемых согласились с утверждением, что символом *успеха* являются *Билл Гейтс* и *Роман Абрамович*. Все ответы, полученные в этом случае, можно свести к одному, наиболее яркому (оригинал сохранен): да, *поскольку по критериям успешности (слава, материальное состояние)))))) эти люди могут считаться состоявшимися в жизни* (в одном из ответов была следующая ремарка: *но воровать – это стыдно*). Два ответа *не знаю*, и два *нет*, *Стив Джобс, он пробивался с самых низов, но он был гений* статистически незначимы. И только два респондента отреагировали следующим образом: *успех у каждого свой, не только деньги; нет, богатство – это не успех*.

Для выявления значения слова *успех*, зафиксированного в культуре, мы вновь обратились к словарям, что в дальнейшем позволило построить и сравнить семантические гештальты исследуемого слова.

УСПЕ́Х 1. Удача в достижении чего-н. Добиться успеха. Развивать у. (поддерживать высокие темпы наступления; также перен.). 2. Общественное признание. 3. мн. Хорошие результаты в работе, учёбе. • С успехом легко, успешно, без затруднений [Большой толковый словарь 1949-1992].

УСПЕ́Х, -а, м. 1. Положительный результат, удачное завершение чего-л.|| Благоприятный исход, победа в каком-л. сражении, поединке и т. п. 2. Общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений. || Признание окружающими чьих-л. достоинств; интерес, влечение со стороны лиц другого пола. С успехом – легко, успешно, без затруднений [Малый академический словарь 1957 – 1984].

УСПЕ́Х – достижение поставленных целей в задуманном деле, положительный результат чего-либо, общественное признание чего-либо или кого-либо [Большой толковый словарь... 2000].

УСПЕ'Х, а, м. 1. Удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели || Удача в военной операции, победа (воен.). || только мн. То же о школьном учении, успеваемость. 2. только ед. Признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-н., чьих-н. достижений. 3. чей. Внимание общества к кому-н., признание чьих-н. достоинств, а также удача в ухаживании, флирте и т. п. ◇ С (каким-н.) успехом – успешно, без затруднений, очень легко [Толковый словарь русского языка 2005].

УСПЕ'Х 1. Удача в каком-либо деле, удачное достижение поставленной цели. 2. Удача в военной операции; победа. 3. Признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-л., чьих-л. достижений. 4. Внимание общества к кому-л., признание чьих-л. заслуг [Толковый словарь <https://glosum.ru/>].

УСПЕХ – -а, м. 1. Положительный результат, удачное завершение чего-л. Успехи культурного строительства. [Малый академический словарь 1957 – 1984]]

УСПЕВАТЬ, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого. Он успевает в науках. || Успех, успешка, спорина в деле, в работе; удача, удачное старание, достижение желаемого. [Толковый словарь живого великорусского языка 1882].

Словарные статьи позволяют выделить следующие зоны в семантическом гештальте слова *успех*:

- 1) **сферы деятельности**: любое задуманное дело;
- 2) **результат деятельности**: достижение, реализация поставленных целей;
- 3) **отношение окружающих**: признание, общественное одобрение человека и его достижений;

4) **повышенное внимание к человеку**: интерес других людей, связанный с достоинствами человека или его умением добиться расположения лица другого пола;

5) **внешний фактор, способствующий успеху**: удачное стечение обстоятельств.

Данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента в 2014 году, позволили представить семантический гештальт слова *успех*, который отражает его реальное понимание носителями языка на современном этапе. В этой структуре выделяется одна доминирующая зона – **результат деятельности**: *деньги 9, победа/покорение 7, достижение цели 5, стать президентом 2, счастье, радость, уверенность, карьера, дом, собственный автомобиль, диплом* (см. Рисунок 34). Главное в этом списке – *деньги*, которые позволяют достигать цели, сама цель конкретизируется (исключение – *стать президентом*) в материальных вещах, дающих человеку определенные ощущения. Следующая зона, обладающая структурой, – это зона **отношение окружающих**: *слава, известность*, к зоне **повышенное внимание к человеку** может быть отнесена только одна реакция: *поздравление от близкого человека наедине*. Остальные реакции единичны, представляют из себя список личных имен и не составляют какой-то определенной зоны: *Кэрл Шелби, Путин, Леонардо Ди Каприо, Фицджеральд «Великий Гэтсби», Россия, Конор Мак Грегор*.

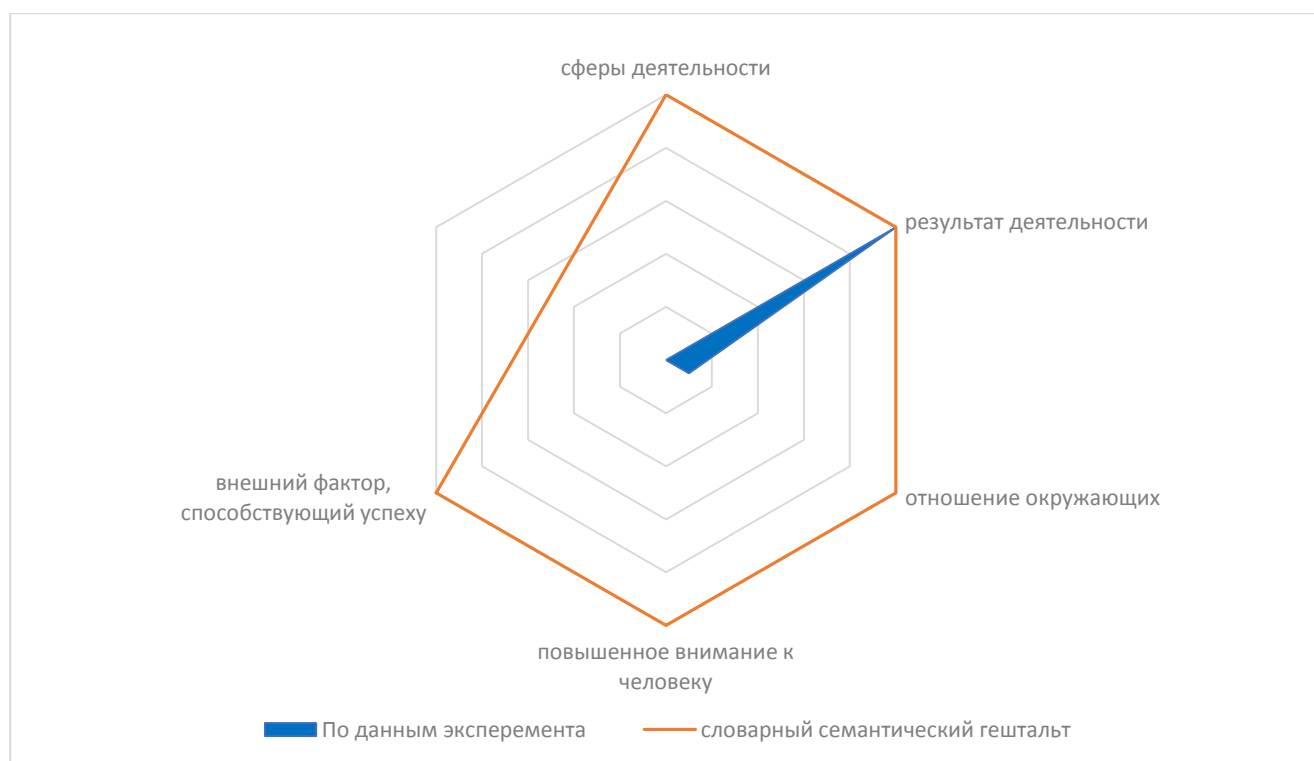

Рисунок 34. Семантический гештальт слова *успех* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2014 г.

В 2016 году продолжает доминировать зона **результат деятельности**: деньги 9, победа 9, независимость 3, карьера 3, счастье 3, рост 2, радость 2, поражение, уверенность, крах. Выделяются также зоны **отношение окружающих**: слава 4, признание 2; **повышенное внимание к человеку**: любовь. Появляются новые зоны, не определяемые по словарным толкованиям (см. Рисунок 35):

1) **внешний фактор, способствующий успеху**: удача 3, везение 2, университет/учеба 2,

2) **внутренние черты личности, определяющие успех**: труд/трудолюбие 5, (тяжелая) работа 3, игрок/игра 4. старания 2.

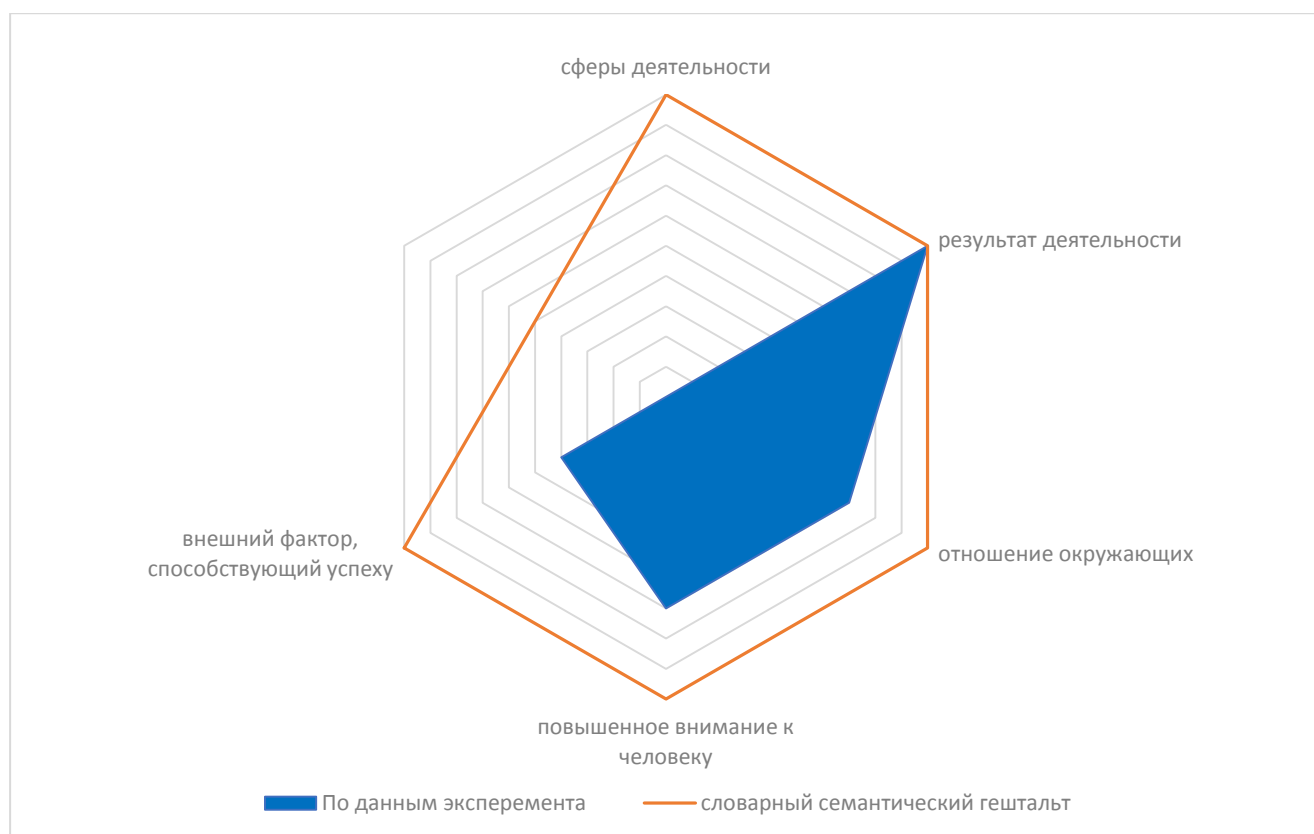

Рисунок 35. Семантический гештальт слова *успех* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г.

В целом семантический гештальт слова *успех*, смоделированный по данным экспериментов, коррелирует с именем, выбранным нашими респондентами в качестве прецедентного. Более того, в сознании студентов успех определяется количеством денег, и лишь незначительная часть молодежи связывает его с напряженным трудом. Привлекает внимание и тот факт, что в ассоциативных экспериментах практически не появляются имена людей (исключение — В. Путин), чей успех связан с общественным производительным трудом в любой сфере, идеалом *успеха* в нашем обществе стали люди, выросшие, сформировавшиеся и ставшие знаменитыми в иной культуре с другими ценностями либо люди, соответствующие показателям успешности на Западе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ динамики номенклатуры прецедентных имен, олицетворяющих морально-нравственные ценности, и их смыслового содержания в языковом сознании поколений, получивших образование и прошедших социализацию в советский и постперестроечный периоды, позволил сделать следующие выводы:

1. Специфика прецедентных имен, входящих в когнитивную базу российской молодежи, заключается в том, что эти имена могут рассматриваться как прецедентные, известные носителям любой культуры. Иными словами, это те имена, которые вошли в общий для всего человечества культурный фонд: *Юрий Гагарин (патриотизм), Жанна Д'Арк и Дон Кихот (честь), Юрий Гагарин, Сталинград, Жанна Д'Арк (героизм), Хатико (преданность), Иуда (предательство)*. Из всего этого списка только единичные имена – *Гагарин, Сталинград* – относятся непосредственно к российской истории. Большинство имен, связанных непосредственно с историей страны и входивших в когнитивную базу носителей русской лингвокультуры, неизвестны современному поколению, их число в экспериментах минимально.

Номенклатура прецедентных имен в языковом сознании поколения 60-80-х, как правило, совпадает с именами, сохраняющимися в общей когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества на протяжении нескольких десятилетий. Характерной особенностью этого списка является многообразие его источников: мировой истории и литературы, истории и литературы своей страны. Главным отличием между списками имен, которые рассматриваются как прецедентные поколением 60-80-х и студенческой молодежью, получившей образование в российской школе, является практически полное исчезновение из когнитивной базы последних имен, относящихся к довоенному и военному периодам истории СССР как части российской истории. Так, если в старшей группе *патриотизм* связывается с *молодогвардейцами* и *Алексеем Стахановым*, символами *героизма* для этого поколения являются *Николай Гастелло, Юрий Гагарин, Александр Матросов, Сталинград, Алексей Мересьев*, *честь* олицетворяют имена *Дон*

Кихота и генерала Карбышева, то в группах студентов первыми на эти стимулы называются два имени – *Юрия Гагарина и Жанны Д'Арк*.

2. Прецедентные имена, отражающие в языковом сознании современного студенчества смысловое содержание исследованных ценностей – *патриотизм, честь, героизм, преданность, предательство, жестокость* – свидетельствуют о:

а) изменении самой внутренней идеи, заключающейся в этих словах. Наиболее ярко эти изменения отражаются в изменении смыслового содержания слов-ценностей *честь, предательство, героизм*.

Значительное число респондентов ассоциирует ценность *честь* только с далеким прошлым, в настоящее время *честь* становится, прежде всего, эквивалентом *достоинства* индивида, которое, в случае его унижения, необходимо защищать в суде. Важно подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев студенческая молодежь не связывает *честь* с морально-нравственными качествами, которые, как отмечается в словарях, где отражено ее культурное понимание, прежде всего и определяют *честь* человека и его взаимоотношения с окружающими. Таким образом, понятие *чести* становится, во-первых, чем-то внешним, не затрагивающим систему внутренних смысложизненных ориентаций человека, и, во-вторых, вполне предметным и прагматичным, слабо связанным с высшими формами абстракции, на что указывает превалирование в ходе экспериментов конкретных реакций над понятийными.

Не менее показательны изменения, произошедшие в смысловом содержании слова-ценности *предательство*, которое в настоящий момент начинает рассматриваться, в основном, в отношении личной сферы (друг, подруга). Несмотря на то, что запрет на *предательство* и его негативная оценка еще сохраняются, но это, прежде всего, касается именно сферы межличностных отношений. Предательство интересов какой-то общественной группы или страны постепенно перестает рассматриваться как поступок, осуждаемый безоговорочно, в данном случае оно вполне может быть оправдано выгодой, получаемой в его результате в бизнесе либо лично человеком.

Интерес в этом отношении представляет и ценность *преданность*, которая в настоящее время начинает рассматриваться студентами как качество совершенно уникальное, не характерное для современного человека и относящееся, скорее, к животному (*собака*), чем людям.

б) постепенном семантическом опустошении исследованных слов-ценностей в индивидуальном сознании.

Феномен семантического опустошения достаточно ярко проявился в смысловом содержании ценностей *патриотизм, героизм, честь*.

Так, первым именем, символизирующим идеи *патриотизма* и *героизма* в сознании студенческой молодежи стало имя *Юрия Гагарина*, что может объясняться:

- уменьшением и наложением в индивидуальном сознании сфер, составляющих семантические гештальты данных слов, где доминирующими зонами становятся, во-первых, зона *чувство*, и, во-вторых, зона *деяние, связанное с особыми качествами личности*;

- отсутствием в личной когнитивной базе иных имен, олицетворяющих, по мнению респондентов, эти ценности.

Весьма примечательно то, что характеристикой личности героя, наряду с качеством *смелость*, становится и качество *глупость*, а в качестве реакций на стимул *патриотизм* появляются имена *Андрея Власова, Романа Абрамовича, Степана Бандеры и Гитлера*. На наш взгляд, такие экспериментальные данные являются весьма значимыми и могут быть либо показателем семантической пустоты слова, либо свидетельствовать о кардинальных сдвигах в восприятии исторических событий в индивидуальном сознании личности.

«Опустошение» смысла слова *честь* и преобладание индивидуального понимания реальности над культурным также подтверждается экспериментально реакциями студентов: *Жанна Д'Арк* является символом чести так как она *отстаивала права и честь женщин, была честной, смелой и отважной, первой женщиной, которая поборолась за свою страну* и т.д.

3. Сохранение в языковом сознании респондентов, получивших образование и прошедших социализацию в советский период, прецедентных имен, связанных с культурой (как национальной, так и мировой), обусловлено, как можно предполагать, прежде всего преемственностью в содержании школьных курсов литературы и истории. Иными словами, сохранность когнитивной базы обеспечивалась системой образования, главной задачей которой являлось формирование гражданских качеств, воспитание человека, осознающего свою ответственность перед страной и согражданами, причем все эти необходимые качества формировались не путем «натаскивания», а через сознательное усвоение образцов соответствующего мышления и поведения, т.е. тех образцов, которые были закреплены в сочинениях классиков литературы и в описании действий реальных людей, а также наиболее значимых для своей страны событий, с которыми школьники знакомились при изучении истории. Именно постоянным появлением широкого набора имен, связанных с историей страны и олицетворяющих определенные морально-нравственные ценности, в самых разных контекстах деятельности наших респондентов в процессе их социализации можно объяснить возможность их актуализации в ходе эксперимента, несмотря на десятилетия их социального забвения.

Появление имен героев Великой Отечественной войны в экспериментах, проводимых в группах студентов, коррелирует с активностью СМК, связанной с обсуждением текущих политических событий (Крым, война в Сирии и т.д.) либо отдельных эпизодов Великой Отечественной войны в преддверии празднования 70-летия Победы, причем их список ограничивается именно теми именами, которые неоднократно упоминались в массмедиа и интернете (проект «Имя Победы», обсуждение фигуры Зои Космодемьянской в связи с публикациями, где ее подвиг ставился под сомнение и т.д.), либо ассоциируется с фильмами, вышедшими на экран в то время («28 панфиловцев», «Маршал Победы» и т.д.).

В целом в современном обществе, как показывают данные, полученные в ходе экспериментальных исследований, ведущая роль в формировании смыслового содержания ценностной, принадлежит *не-культуре* (термин

Ю.М.Лотмана), в частности, массмедиа и масскультуре, влияние которых начинает распространяться и на смысловое наполнение слов, обозначающих морально-нравственные ценности, представителями более старших поколений. Ярким примером этого является имя *Павлика Морозова* как символа *предательства*, либо имя *Хатико* на стимул *преданность*, которое и в группе старших респондентов было первой реакцией на стимул.

Не менее весомым оказывается вклад массовой культуры и массмедиа в формирование смыслового содержания слова *успех*, которое, не являясь морально-нравственной ценностью, тем не менее показывает, какие ценности начинают доминировать в российском социуме. В этом случае все респонденты, принявшие участие в экспериментальных исследованиях, оказались единодушны: символом успеха в современном обществе являются, прежде всего, *Билл Гейтс* и *Роман Абрамович*, а также представители киноиндустрии и шоу-бизнеса (*Мерлин Монро* и *Иосиф Кобзон* в старшей группе, *Мерлин Монро* и *Ксения Собчак* в группе студентов). Успех сегодня не связывается с общественным производительным трудом в любой сфере деятельности (исключение – В.Путин), идеалом *успеха* в нашем обществе стали люди, выросшие, сформировавшиеся и ставшие знаменитыми в иной культуре с другими ценностями либо люди, соответствующие показателям успешности на Западе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из обязательных условий сохранения культурной идентичности человека, а также сохранения национального своеобразия того или иного народа, является стабильность его когнитивной базы – совокупности определенным образом структурированных, обязательных и детерминированных культурно ментефактов лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители национально-культурного сознания (В.В. Красных). Важнейшим компонентом когнитивной базы является определенный набор прецедентных феноменов, часть из которых олицетворяет морально-нравственные ценности, основополагающие для нации и определяющие ее культурно-специфический взгляд на мир.

Главной целью проведенного исследования была верификация гипотезы о том, что в современном российском обществе основным «поставщиком» знаний о смысле ценностей, базовых для русской лингвокультуры, становится масскультура или *не-культура* (термин Ю.М. Лотмана), которая, заменяя собой образование, постепенно изменяет как номенклатуру прецедентных имен, входящих в когнитивную базу, так и само индивидуальное значение слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в сознании молодого поколения. Количественные изменения в значениях слов, в конечном итоге, способны привести к изменениям качественным, т.е. к перерождению русской культуры вплоть до ее полного исчезновения.

В фокусе внимания в ходе исследования были морально-нравственные ценности *патриотизма, чести, героизма, преданности*, анти-ценности *предательство, жестокость*, ценность *успеха* и прецедентные имена, олицетворяющие в языковом сознании нескольких поколений носителей русской культуры эти ценности. Выбор данных ценностей для исследования был обусловлен, прежде всего, наличием в их смысловом содержании культурного компонента. Так, *патриотизм* как стойкое нравственное чувство, согласно словарям, всегда вырастает из особенностей образа жизни и культурных традиций того или иного этноса, формируется только в процессе овладения подрастающими поколениями родным языком и господствующими формами

мышления, нормами и эталонами культуры и закрепляется в определенных фиксированных установках поведения благодаря общению с представителями старших поколений, одобряющих или порицающих поведение молодых. *Честь*, т.е. внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть в русской культуре всегда была связана с добрым именем, с добром как способом отношения к окружающим, обуславливающим не только само поведение человека, но и оценки, даваемые личностью самой себе и окружающим. Характерная черта *героизма* в его традиционном культурном понимании заключается в том, что это понятие подразумевает только подвиги, которые совершаются во имя общества, т.е. он неразрывно связан с любовью к Отечеству и готовностью к самопожертвованию. Культурно-специфическое понимание *преданности* заключается в ее положительной, в отличие от современной, опосредованной уже глобальной культурой, оценки: с точки зрения последней преданность ассоциируется (если не отождествляется) с фанатизмом, покорностью и повиновением. *Предательство* – качество, которое в русской культуре непосредственно связано с базовой оппозицией *Добро – Зло*. Относясь к сфере человеческих отношений, предательство в русской культуре всегда рассматривалось как тягчайший проступок из всего спектра негативных проявлений внутренней сущности человека, однако в культуре западной оно не осуждается безусловно, рассматривается как понятие, тесно связанное со сферой идеологии, мировоззрением, а поэтому считается вопросом свободы совести каждого и вполне оправданным в ряде случаев. *Жестокость*, являясь оппозицией к ценности *милосердие*, как и *предательство*, имеет непосредственное отношение к паре *Добро – Зло*, т.е. к базовым ценностям русской культуры. Что касается смыслового содержания слова *успех*, то наш интерес к нему определялся тем, что прецедентное имя, являющееся сегодня символом *успеха*, то, как осмысливается *успех* современной молодежью, позволяет прогнозировать динамику системы ценностей общества.

Единственным источником, позволяющим выявить смысловое содержание базовых для русской культуры ценностей и происходящие в нем сдвиги, является язык, точнее, с одной стороны, словарные толкования исследуемых слов, и, с другой, их ассоциативная структура, отражающая психологическое значение слова в сознании личности.

Для доказательства выдвинутой гипотезы и реализации поставленной в исследовании цели нами была проведена серия экспериментов, включавших в себя свободный и направленный ассоциативный эксперименты, участниками которых были как респонденты, получившие образование и прошедшие социализацию в советский период развития нашей страны, так и студенческая молодежь, закончившая школу уже в постперестроечный период.

Полученные данные сравнивались с данными словарей, которые, как и результаты экспериментов, на завершающем этапе исследования использовались для моделирования семантических гештальтов слов, обозначающих морально-нравственные ценности, что позволило выявить расхождения между культурно обусловленным и реальным содержанием изученных слов и проследить его динамику.

Важно особо подчеркнуть, что исследование имело лонгитюдный характер (первый этап его был проведен в 2014, затем эксперименты были повторены в 2016 году, после событий, связанных с празднованием 70-летия победы в Великой Отечественной войне, присоединения Крыма, событий на Украине, введения антироссийских санкций, гибели граждан России в результате крупных террористических акций, начало войны с Сирией, которые широко обсуждались в медийном пространстве), что позволило эксплицитно показать степень воздействия масскультуры и массмедиа на массовое сознание и их роль в формировании смыслового содержания слов, называющих морально-нравственные ценности.

Было выявлено, что номенклатура прецедентных имен, отражающих смысл исследованных морально-нравственных ценностей в сознании поколений людей, получивших образование и прошедших процесс социализации в разные периоды

истории нашей страны, кардинально различается. Эти расхождения получают объяснение при сравнении зон семантических гешталтов, построенных на основе словарных статей и данных, полученных в ходе экспериментов, а также качественного анализа компонентов, вошедших в каждую зону.

Во-первых, экспериментальные гешталты не совпадают со словарными по самим зонам и их количеству, некоторые зоны в этих конструктах отсутствуют, например, из гешталта слова *героизм* исчезла важнейшая с точки зрения традиционной морали зона *борьба с любым злом, выдающееся действие, совершенное в интересах общества*. Одновременно появляются зоны, не выявляемые в ходе анализа словарных толкований: зона *реакция преданного человека* (гешталт слова *предательство*); зона *отношение с точки зрения религии* (гешталт слова *жестокость*) и т.д.

Во-вторых, выявляются расхождения в составе зон. Так, в экспериментальном семантическом гешталте слова *героизм* в зоне *деяние, связанное с особыми качествами личности*, появляется реакция *глупость*, что свидетельствует о постепенной переоценке данного качества личности представителями молодого поколения; в гешталте слова *преданность* зона *субъект*, в отличие от словарной, представлена очень широко, причем ее состав касается только личной сферы, но не страны и народа; в гешталте слова *жестокость* детализированной оказывается зона *субъект действия*, причем этот субъект персонифицирован: *человек, родители, серийный убийца, террорист(ы), маньяк, фашист(ы)*, появляются зоны *объект жестокости* и *реакция на жестокость*, которые, если судить по полученным высоко эмоциональным реакциям, отражают определенные изменения в сознании молодых людей, связанные с происходящими в обществе социальными процессами.

В-третьих, в ходе ассоциативных экспериментов большой процент составляет количество единичных реакций, что может быть свидетельством постепенного размывания смысла слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в индивидуальном сознании.

Следует подчеркнуть, что полученные в экспериментальных исследованиях реакции совершенно явно отражают: 1) влияние массмедиа на смысловое содержание значений исследованных ценностей; 2) утрату системой образования своей основной функции. Именно этим можно объяснить тот факт, что символом *жестокости*, вторым по значимости для российских студентов, оказалось название *Башни-Близнецы*, превысившее по частотности в 2.5 раза имя *Норд-Ост*, а имя *матери Терезы* стало олицетворением и *чести*, и *достоинства*, и *подвига* в сознании студентов. Таким же показательным является появление реакций типа *жестокость – это живодерки из Хабаровска, мучающие животных, живодёрство, животные*, которые мгновенно фиксируются в экспериментах на фоне постоянных сообщений в СМК, особенно в интернет-пространстве, о садистах, истязавших беззащитных и зависимых от человека живых существ, но отсутствие в реакциях, данных студентами, имен *Йозефа Менгеле* либо *Хатынь*, которые нынешним студентам абсолютно неизвестны.

Не меньшую роль играют массмедиа в понимании молодыми людьми нашего прошлого и проектировании своего будущего. Здесь еще раз полностью подтверждаются слова Ю.М. Лотмана о том, что культура является полем битвы за выживание – биологическое и социальное, и массмедиа, представляя собой *не-культуру*, успешно заменяют традиционное содержание ценностей и прецедентных имен, их олицетворяющих, влияя на формирование понимания исторических событий и, таким образом, конструируя индивидуальный образ мира, не соответствующий тому, который определялся национальной культурой. Представляется, что этим фактором обусловлена и высокая частотность на стимул *предательство* имени *Павлика Морозова*, которое в период перестройки стало жупелом для молодежи, и имена *Билла Гейтса* и *Романа Абрамовича* как символов *успеха*.

В целом проведенное исследование показало, что расхождения как в номенклатуре прецедентных имен, так и в понимании смыслового содержания ценностей, символами которых эти имена являются, являются достаточно значимыми, что позволяет сделать вывод о существенных изменениях,

происходящих в когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества на современном этапе развития страны, и нарастающем разрыве между поколениями. Таким образом, косвенно подтверждается и гипотеза о том, что трансформация смысла ценностей, которые веками транслировались культурой, в отдельной социальной группе, способна, в конечном итоге, спровоцировать перестройку традиционной для народа системы, определяющей основы его мировидения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность: Монография. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
2. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – 1. – С. 95 – 101.
3. Адорно Т. Диалектика Просвещения / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.: Медиум; – СПб.: Ювента, 1997. – 310 с.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд – во ЛГУ, 1968. – 329 с.
5. Артемьева Е.Ю., Мартынов Е.М. Вероятностные методы в психологии. М.: Изд – во МГУ, 1975. – 208 с.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Афанасьев М.Д. За книгой: место чтения в жизни советского рабочего / М.: Книга, 1987. – 128 с.
9. Афанасьева А.Н. Народные русские сказки в трех томах. М.: Наука, 1984. – 539 с.
10. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика // Диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19. / Бабушкин Анатолий Павлович; [Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 1998. – 330 с.
11. Базылев В.Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 7 – 13.

12. Балахонская Л.В. Прецедентные феномены как средство манипулирования в рекламном дискурсе / Л.В. Балахонская // Слово. Семантика. Текст. – СПб., 2002. – С. 34 – 39.
13. Баренбаум И.Е. Советский читатель (1920-1980-е гг.) / [Науч. ред. И.Е. Баренбаум]. – СПб.: СПбГИК, 1992. – 157 с.
14. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
15. Безруких М.М. Психофизиологические механизмы формирования навыков письма и чтения и проблемы трудностей в обучении // Международная конференция и VII международный научно-практический семинар «Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века» (Прага, 11 – 13 октября 2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article (Дата обращения: 7.02.2016).
16. Беленькая Л.И. Дети 10-11 лет как читатели художественной литературы // Социально-психологические проблемы чтения. – М.: Книга, 1977. – Вып. 3. – С. 5 – 38.
17. Беленькая Л.И. Ребенок и книга: О читателе восьми-деяти лет / Л. И. Беленькая. – М.: Книга, 1969. – 167 с.
18. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
19. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 256 с.
20. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. – М. РИП-холдинг, 2003. – 174 с.
21. Береснева В.А. Теоретические аспекты лингвистического синкретизма как категории общего языкознания // автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец.: 10.02.19 / Береснева Виктория Алексеевна; [Вятский государственный гуманитарный университет]. – Москва, 2013. – 32 с.

22. Бернштейн Н.А. О построении движений / Н.А.Бернштейн – М.: Книга по Требованию, 2012. – 253 с.
23. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н.П.Бехтерева. – доп. изд. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 383 с.
24. Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб., 2006. – С. 499 – 508.
25. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. – 86 с.
26. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д.И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – 3-изд. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 349 с.
27. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
28. Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: На материале ядра языкового сознания // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец. 10.02.19 / Боргоякова Аяна Павловна; [Московский государственный лингвистический университет]. – Москва, 2002. – 181 с.
29. Боярских О.С. Трансформация литературно-прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ / О. С. Боярских // Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве: материалы межвузовской научной конференции. - Нижний Тагил, 2006. – С. 115 – 118.
30. Брудный А.А. Психологическая герменевтика – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
31. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.
32. Бубнова И.А. «Контенты», «баттлы», «квесты»: закономерность развития языка, креативность пользователей или нечто иное? // «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Уральский филологический вестник, 2, 2018 – Екатеринбург, 2018. – С. 59 –72.

33. Бубнова И.А. «Образ мира» как культурный феномен и как результат жизнедеятельности отдельной личности // Актуальные проблемы германистики и романистики: Сб. науч. ст. / Под ред. Г.И. Краморенко, Р.В. Гуревич, Л.А. Кузьмина. – Вып.13. Ч. 1. – Смоленск: СмолГУ, 2011.
34. Бубнова И.А. Культурный инвариант и индивидуальные варианты современного русского «образа мира» // Вестник ИрГТУ. – 3 (50). – 2011. – С. 197 – 202.
35. Бубнова И.А. Неопсихолингвистика или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем: коллективная монография. – Москва: Гнозис, 2017. – 390 с.
36. Бубнова И.А. Прикладная психолингвистика в образовании: какую личность формируют современные учебники? С.51-63 // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности [Текст]: труды Уральского психолингвистического общества: материалы Всероссийского научного семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 3 ноября 2016 / Урал. гос. пед. ун-т, Урал. психолингвист. об-во, каф. общ. языкознания и рус. яз.; отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: [б.и.], 2017. – Вып. 15. – 179 с.
37. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 / Бубнова Ирина Александровна; [Институт языкознания РАН]. – М.: 2008. – 51 с.
38. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) // Диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 / Бубнова Ирина Александровна; [Институт языкознания РАН]. – М.: 2008. – 465 с.

39. Бубнова И.А. Школьный учебник как источник современного кризиса социальной идентичности // Вопросы психолингвистики. – 2017. – 2. – С. 36 – 49.
40. Бубнова И.А. Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2015. – 3 (19). – С. 34 – 42.
41. Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. / под ред. Красных В.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: Новые науки о человеке говорящем: Коллективная монография. – М.: «Гнозис», 2017. – 390 с.
42. Бубнова И.А., Красных В.В. Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национального своеобразия // Вопросы психолингвистики. – 2014. – 3(21). – С. 128 – 136.
43. Бубнова И.А., Красных В.В. Личность постиндустриального общества как объект неопсихолингвистики // CHALLENGES OF INFORMATION SOCIETY AND APPLIED PSYCHOLINGUISTICS – Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. – Moscow: RUDN – Institute of Linguistics RAN – MIL, 2013. – P. 53 – 54.
44. Бубнова И.А., Красных В.В. Нео-психолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психолингвистики. 2014-а, 3 (21). – С. 128 – 136.
45. Бубнова И.А., Красных В.В. Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: нео-психолингвистика и психолингвокультурология // Structures and Functions. Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции. Исследования по русистике. Volume II, Issue 2, 2016: Publishing house Pushkin Institute www.pushkin.ee Maneezi 7, Tallinn 10117, Estonia – P.5 –26.
46. Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник

- МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014 – б, 4 (16). – С. 80 – 89.
47. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., Зализняк А.А. О семантике щепетильности (обидно, совестно, неудобно) на фоне русской языковой картины мира // Логический анализ языка: Языки этики, – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 448 с.
 48. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – 5. – С. 5 – 19.
 49. Вендина Т.И. Язык как форма реализации культурной идентичности // Культура сквозь призму идентичности. – Москва: Индрик, 2006. – 424 с.
 50. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура, М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
 51. Вершовский С.Г., Матюшкина М.Д. Функциональная грамотность выпускников школ. Социологические исследования, 2007. – 5. – С. 140 – 144.
 52. Викулова Л.Г. Серебrenникова Е.Ф., Кулагина О.А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 196 – 230.
 53. Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 208 с.
 54. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 176 с.
 55. Волобуев О.В. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник /О.В. Волобуев, С.П. Карпачев, П.Н. Романов. – М.: Дрофа, 2016. – 367 с.
 56. Воркачев С.Г. «Куда ж нам плыть?» - лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития //Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 8. – Воронеж, 2010. – С. 5 – 27.
 57. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Монография. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 199 с.

58. Воркачёв С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
59. Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003-2004 гг.) // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец. 10.02.20 / Ворожцова Ольга Александровна. – [Уральский государственный педагогический университет]. Екатеринбург, 2007. – 215с.
60. Ворожцова О.А. Прецедентные имена в российской и американской печати / О. А. Ворожцова, А.Б. Зайцева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – С. 222 – 229.
61. Воспоминания о Гагарине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.by/chapter.php/1031795/34/Artemov_-_Yuriy_Gagarin_-_chelovek-legenda.html (Дата обращения 29.12.2016)
62. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
63. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2004. – С.41 – 191.
64. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
65. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2004. – 952 с.
66. Выготский Л.С. Мышление и речь // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2004. – С. 664 – 952.
67. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 536 с.
68. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Собр. Соч. в 6 т. Т. 3. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

69. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1982-1984. – 400 с.
70. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988. – 233 с.
71. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь Мир, 2004. С. 23-36.
72. Глазычев В.Л. Проблема «Массовой культуры» // Вопросы философии. – 1970. – 12. – С. 14 – 22.
73. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
74. Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю. и др. История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – 175 с.
75. Государственная программа Российской Федерации "Развитие образования" на 2013 - 2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-22112012-n-2148-r/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-razvitie/ii/ii.1/> (Дата обращения: 21.01.2018)
76. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология, 2010. – С. 14 – 21.
77. Гриценко Л.М. Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.01 / Гриценко Любовь Михайловна; [Томский государственный университет]. – Томск, 2010. – 23 с.
78. Гудков Д.Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 251 – 259.
79. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1998. – Вып. 4. – 128 с.

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_04_05gudkov.pdf (Дата обращения 11.05.2016).
80. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – «Филология», – М., 1997. – С.116 – 129.
 81. Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999. Доклады российских ученых. – М.1999. – С.121 – 122.
 82. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1998. – С. 58 – 69.
 83. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: «Гнозис», 2003. – 288 с.
 84. Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России – 4: материалы рабочего совещания / Под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина. – М., 2000. – С. 45 – 52.
 85. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – 4. – С. 106 -117.
 86. Гузенкова Т.С. Как сохранить память о Великой Отечественной войне? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.world-war.ru/kak-soxranit-pamyat-o-velikoj-otechestvennoj-vojne/> (Дата обращения: 15.12.2016).
 87. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2001. – 397 с.
 88. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества]. «Избранные труды по языкознанию». М., 1984. – С. 37 – 297.

89. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 320 с.
90. Гуревич П.С. Культурология. Учебник для вузов / П. С. Гуревич. – М.: Проект, 2003. – 336 с.
91. Гуревич П.С. Философия культуры. – М.: АО «Аспект-пресс», 1995. – 314 с.
92. Данилевский Н.Я. Россия и Европа – М.: Книга, 1991. – 574 с.
93. Дашиева Б.Д. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан. Национально-культурный аспект // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец.: 10.02.19 / Дашиева Будаханда Владимировна; [Московский ордена дружбы народов государственный лингвистический университет]. – Москва, 1999. – 243 с.
94. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
95. Добрынина Н.Е. Черты духовной общности: русская художественная литература в чтении многонационального советского читателя / Н. Е. Добрынина. – М.: Книга, 1983. – 112 с.
96. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии: Монография. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
97. Дубов И.Г. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г.Дубова. М.: Имидж – Контакт, 1997. – 478 с.
98. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
99. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
100. Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 431 с.
101. Ерофеева Т.И. Современная городская речь / Перм. ун-т; Прикам. соц. ин-т; Прикам. соц.-гум. колледж. – Пермь, 2004. – 316 с.
102. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 378 с.
103. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.

104. Жинкин Н.И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1965. – С. 7 – 37.
105. Жукова Т.Д. Функциональная неграмотность – бич XXI века? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geopolitics.by/analytics/funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxiveka> (Дата обращения: 11.09.2016).
106. Журавлёв С.В., Соколов А.К. История России. XX – начало XXI в.: учебное издание для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углублённый уровни: в 2 ч. Ч. 1. 1914 – 1945 / С.В. Журавлёв, А.К. Соколов. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2017. – 288 с.
107. Загладин Н.В., Петров Ю.А. История. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. Базовый уровень / Н.В.Загладин, Ю.А.Петров. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. – 448 с.
108. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 278 с.
109. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Учебное пособие. – Калинин: КГУ, 1979. – 172 с.
110. Залевская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов// Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 34 – 48.
111. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С.28 – 44.
112. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
113. Залевская А.А. Теоретические аспекты проблемы языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Междунар. симп. по

- психолингвистике и теории коммуникации. Москва. 29 – 31 мая, 2003. М., 2003. – С. 94 – 96.
114. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
 115. Зализняк А.А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен (в связи с романом М. Кун-деры «Невыносимая легкость бытия») // Festschrift Anna Wierzbicka / Ed. by J. L. Mey. RASK 9/10, Odense University Press, 1999. – 375 с.
 116. Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов / И.В. Захаренко // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – 192 с.
 117. Захаренко И.В. Прецедентное высказывание как объект лингвокогнитивного анализа // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 143 – 150.
 118. Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте / И. В. Захаренко // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации: сб. статей. – М., 1997. – С.143 – 150.
 119. Захаренко И.В. РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ. Угол четвертый: Мифотворчество и виртуальная реальность // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Отв. ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС – Пресс, 2000. Выпуск 13. – С. 23 – 27.
 120. Захаренко И.В., Красных В.В. Лингвокогнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 100 – 115.
 121. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 287 с.
 122. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2001. – 448 с.
 123. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

124. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
125. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 5 – 33.
126. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
127. Зыкова И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое. Монография. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011. – 368 с.
128. Зыкова И.В. Культура как информационная системы: Духовное, ментальное, материально-знаковое. Монография. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
129. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1998. – 280 с.
130. История предательства генерала Власова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/164688/istoriya-predatelstva-general-a-vlasova-film-general-vlasov-istoriya-predatelstva-rossiya> (Дата обращения 29.12.2016)
131. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Метрополис, 1996. – 414 с.
132. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 477 с.
133. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 191 – 206.
134. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
135. Кардонова И.А. Глобализация как социокультурная трансформация институциональная перспектива // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: спец. 09.00.11 / Кардонова Ирина Александровна; [Иркутский государственный университет]. – Иркутск, 2007. – 22 с.
136. Карпов А. Глобализация. Неогуманизм. Неототалитаризм. Базисные культурно-социальные процессы современности. – 70 с. [Электронный

- ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/andrey-karpov-9859212/bazisnye-kulturno-socialnye-processy-sovremennosti-globalizaciya-neogumanizm-neototalitarizm> (Дата обращения: 12.07.2017).
137. Касьянова К.О. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.
 138. Ках Г. Глобализация. На пути к всемирному завоеванию. – М.: «Христианское библийское братство апостола Павла», 2008 – 400 с.
 139. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
 140. Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков – 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudy> (Дата обращения: 21.01.2018).
 141. Кирилина А.В. Концепции языка в эпоху глобализации // Вестник Московского института лингвистики, 2013. – 1. – С. 17 – 30.
 142. Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. – М., 2012. – 1 (15) – С. 18 – 37.
 143. Клацки Р. Память человека: структуры и процессы / Пер. с англ. – М.: Мир, 1978. – 319 с.
 144. Кокшенева К.А. Русская культура в современном контексте. – ARCIPELAGO: Universita di Bergamo (Италия), 2003.
 145. Колодко Г.В. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. – «Европейский гуманитарный университет», 2002. – 200 с.
 146. Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис - что дальше? М.: Магистр, 2017. – 176 с.
 147. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
 148. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических преубеждений) // Новый мир. – 1996. – 9. С. 187 – 205.

149. Корженский Я. Коммуникация в Европе: глобализация и этничность /Глобализация - этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы – М: Наука, 2006. С. 94 – 105.
150. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
151. Косиченко Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки// Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец. 10.02.19 - теория языка / Косиченко Елена Федоровна; [Московский государственный лингвистический университет]. – М., 2006. – 224 с.
152. Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. – М., 1997. – 432 с.
153. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977. – 264 с.
154. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: «Гнозис», 2003. – 375 с.
155. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: «Гнозис», 2001. – 270 с.
156. Красных В.В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость. // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Москва, 1999. – С. 266 – 272.
157. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: «Гнозис», 2002. – 284 с.
158. Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики, 2015, 3 (25). – С. 168 – 175.
159. Краткая биография генерала Власова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citaty.su/kratkaya-biografiya-general-a-vlasova> (Дата обращения 29.12.2016)

160. Крысин Л.П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2003 – 565 с.
161. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
162. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 2004. – Т. 63, 3. – С. 3 – 12.
163. Кшиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вестн. Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», 2005. – 1. – С. 72 – 86.
164. Лабов У. Исследование языка в его социальном аспекте // Новое в лингвистике / ред. Н. С. Чемоданов. – М.: Прогресс, 1975. – С. 150.
165. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике / ред. Н.С. Чемоданов. – М.: Прогресс, 1975. – С. 320 – 335.
166. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
167. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
168. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – 536 с.
169. Левин К. Динамическая психология. Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
170. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения в 4-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1983. – 686с. – (Филос. наследие).
171. Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 391 с.
172. Леонтьев А.А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. // Сборник докладов на III симпозиуме по психолингвистике. М., Наука, 1972. – 142 с.

173. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
174. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения в массовой коммуникации. – М.: Смысл, 2008. – 271 с.
175. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования /Отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – С. 7 – 19.
176. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
177. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
178. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
179. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – 174 с.
180. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2004. – 352 с.
181. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2. т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
182. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
183. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
184. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Москов. ун-та, 1994. – 228 с.
185. Леонтьев А.Н. Человек и культура. – М., 1961. – 115 с.
186. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

187. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство – М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. – 172 с.
188. Липпман У. Общественное мнение – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
189. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в антропологии. Пер. с англ. – М.: «Восточная литература», 2001. – 142 с.
190. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. – М.: Мысль, 1985. – 621с.
191. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
192. Лотман Ю.М. Культура и информация // Семиосфера. – СПб: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
193. Лотман Ю.М. Семиосфера – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
194. Лотман Ю.М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры, // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. – Т.3 – М., 1993. – 326 с.
195. Лурия А.Р. Язык и сознание. Под редакцией Е.Д. Хомской. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
196. Мамонтов С.П. Основы культурологии: – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 272 с. [Мамонтов 1999]
197. Маркова Г.И. Массовая культура: содержание и социальные функции // Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологических наук: спец. 24.00.01/ Маркова Галина Ивановна; [Московский государственный университет культуры] – М., 1996. – 148 с.
198. Маркузе Г. Одномерный человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bim-bad.ru (Дата обращения: 12.07.2017).
199. Мацумото Л. Психология и культура. – СПб.: Питер, 2003. – 308 с.
200. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – М.: Республика, 1995. – 624 с.

201. Моль А. Социодинамика культуры. Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
202. Монгуш М., Зайцева А., Бакшеев Е. «Этническая культура»: содержание и составляющие понятия, – Журнальный клуб Интелрос КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2, 2014 [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/kul2-2014/25090-etnicheskaya-kultura-soderzhanie-i-sostavlyayushchie-ponyatiya.html>
203. Мягкова Е.Ю. Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности // Язык, сознание, коммуникация сб. ст. – М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. – С. 254 – 265.
204. Мягкова Е.Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf (Дата обращения 3.05.2017)
205. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка как средство диагностики функциональной неграмотности // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 44 – 51.
206. Мягкова Е.Ю. Овладение навыками чтения как основа функциональной грамотности носителя языка // Вестник ТвГУ. Серия «Филология», 2016. – 4. – С. 53 – 59.
207. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 / Мягкова Елена Юрьевна; [Российская Академия наук Институт языкознания]. – Москва, 2000. – 247 с.
208. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.

209. Налимов В.В. Самоорганизация как творческий процесс: философский аспект // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 143 – 156.
210. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. – М.: Прометей, 1989. – 289 с.
211. Неизвестный генерал Власов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/general/vlasov/history1.html> (Дата обращения 29.12.2016)
212. Немировская А.В. Структура и динамика ценностных ориентаций в массовом сознании населения региона в условиях трансформации российского общества: На материалах исследований в Красноярском крае в 1991-2004 гг. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 22.00.66 / Немировская Анна Валентиновна; [Красноярский государственный университет]. – Красноярск 2005. – 160 с.
213. Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ. – 1990.: АН КиргССР, Ин-т философии и права. – 227 с.
214. Ожиганова А.А., Кузнецевский В.Д., Филянова В.Н. История войны в учебниках Советского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.world-war.ru/istoriya-vojny-v-uchebnikakh-sovetskogo-soyuza/> (Дата обращения: 17.12.2016).
215. Оллпорт Г. Личность в психологии. «КСП+», М.; «Ювента», СПб. (При участии психологического центра «Ленато», СПб.), 1998. – 345 с.
216. Орлова В.С. Литературная ориентация и читательское восприятие (об итогах и проблемах одного исследования) // Книга и чтение в зеркале социологии. – М.: Книга, 1990. – С. 80 – 104.
217. Орлова В.С. Методические проблемы международных исследований восприятия художественной литературы. // Социология и психология чтения. – М.: Книга, 1987. – С. 154 – 185.
218. Ортега-и-Гасет Х. Запах культуры – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 384 с.

219. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Урак», 2003. – 259 с.
220. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
221. Осадчий И.П. Николай Островский – человек и писатель – в воспоминаниях современников (1904 – 1936). – М.: Дружба народов, 2002. – 237с.
222. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании (19 июля 1973), [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/энциклопедии/бсэ/народное-образование> (Дата обращения: 21.01.2018).
223. Павиленис Р.И. Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. – Вильнюс, 1986. – С. 240 – 263.
224. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. Алгоритм 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Royallib.ru> (Дата обращения: 12.07.2017).
225. Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец. 10.02.19 / Панарина Надежда Сергеевна; [Московский государственный лингвистический университет]. – Москва 2017. – 188 с.
226. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания: Монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
227. Петровский А.В. Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. – 1984. – 4. – С. 15 – 29.
228. Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1987/871/871015.htm> (Дата обращения: 27.11.2017)]
229. Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие. М.: Слово, 2002. – 402 с.

230. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста: учебное пособие. – Барнаул, 1991. – 87 с.
231. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2007. – 200 с.
232. Подrezова Д.В. История и ценности современной России в прецедентных именах // Вестник МГПУ, серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» 1 (21), 2016 – С.125 – 130.
233. Полякова Т.А. Нравственный идеал в языковом сознании русских // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец. 10.02.19 / Полякова Татьяна Александровна; [Институт языкознания РАН]. – Москва, 2009. – 305с.
234. Попкова Е.А. Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов: На материале русско-английского учебного билингвизма // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец.: 10.02.19 / Попкова Екатерина Анатольевна; [Московский государственный лингвистический университет]. – Москва, 2002. – 239 с.
235. Попова З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов. – М., 2007. – С. 7-9.
236. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 189 с.
237. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивно-семантический анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
238. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – 59 с.
239. Поппер К. Логика научного исследования. Перевод с английского под общей редакцией В. Н. САДОВСКОГО – М.: Республика, 2005. – 447 с.
240. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. – М.: Наука, 1973. – 256 с.

241. Пригожин И.Н. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
242. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
243. Психология внимания / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. – М.: ЧеРо, 2001. – 858 с.
244. Рибо Т.А. Психология внимания. С.-Петербург: Общественная Польза, 1897. – 102 с.
245. Ридингс Б. Университет в руинах [Текст] / пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
246. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 624с. (Серия «Канон философии»).
247. Риккерт Г. Ценность и действительность, Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
248. Рогожникова Т.М. О национально – культурной специфике ассоциативных реакций детей // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 108 – 116.
249. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. – М.: Книга, 1977. – 264 с.
250. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Т.1.: – М.: Педагогика, 1989. – 486 с.
251. Сахарный Л.В. Введение в психоллингвистику: Курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
252. Синявский А.Д. Иван – дурак: очерк русской народной веры. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
253. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М., 2000. – 128 с.

254. Слышкин Г.Г. Парольный потенциал прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – М.: Academia, 2000. – 139 с.
255. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: АДД // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – теория языка / Слышкин Геннадий Геннадьевич; [Волгоградский государственный педагогический университет]. – Волгоград, 2004. – 323 с.
256. Смольская Е.П. «Массовая культура»: развлечение или политика?» – М.: Мысль, 1986. – 146 с.
257. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, этики, права и общественных отношений: Пер с англ. – СПб., 2000. – 1056 с.
258. Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. – 433 с.
259. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: Монография. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
260. Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения: Коллективная монография. – М.: Наука, 1979. – С. 234 – 323.
261. Сорокин Ю.А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // Текст лекций «Введение в психолингвистику». – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 1991. – Т.2. – С. 30 – 56.
262. Сорокин Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 61 – 74.
263. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

264. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001 (2000). – 280 с.
265. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 744 с.
266. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
267. Стернин И.А. Структура концепта // Избранные работы. – Воронеж, 2008. – С. 172 – 184.
268. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
269. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 2000. – 320 с.
270. Страсти по пионеру. Кем был Павлик Морозов – героем или предателем? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/strasti_po_pioneru_kem_byl_pavlik_morozov_geroem_ili_predatelem обращения 29.12.2016)
271. Студенкин Г.И. «Салтычиха». Журнал «Русская Старина» 1874 том 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-135/>(Дата обращения 29.12.2016)
272. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 24 – 32.
273. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 30 – 34.
274. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 7 – 22.
275. Тарасов Е.Ф. Социальные аспекты формирования языкового сознания // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI

- международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тез. докл. Москва, 15 – 17 июня 2009 г. / Ред.коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв.ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Изд-во «Эйдос», 2009. – С. 51 – 56.
276. Тейлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ. – М.: «Издательство политической литературы», 1989. – 573 с.
277. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С.302 – 314.
278. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии / В.Н. Телия // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2-х ч. ч. I. – Минск: «Універсітэцкае», 1994. – С.13 – 15.
279. Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки. – М.: Обниск, 1995. – С. 102 – 104.
280. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
281. Телия В.Н. Язык и общество. О феномене воспроизводимости языковых выражений. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с.
282. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с
283. Тойнби А. Постижение истории. Сборник. - М.: Прогресс. Культура, 1996. – 607 с.
284. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 368 с.

285. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М.: Издательство "Индрик", 2003. – 624 с.
286. Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 3. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 465 с.
287. Топоров В.Н. Имя как фактор культуры // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1. Теория и некоторые ее частные приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
288. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. – 452 с.
289. Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры // 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 608 с.
290. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этно-культурная специфика языкового сознания. М., 1996. – С. 139 – 162.
291. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. – М.: Ин – т языкознания РАН, 1998. – С. 135 – 170.
292. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Уфимцева Н. В. – М., 2000. – С. 207 – 219.
293. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
294. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: этнопсихолингвистическая парадигма исследования // Методология современной психолингвистики. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.
295. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. Н.В.Уфимцевой. – М.; Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2004. – С. 6 – 17.
296. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. – М.: ПЕРСЭ, 2004. – 256 с.

297. Ушакова Т.Н. Семантика речи: имя, слово, высказывание // Психология. – Т.2, 1. – 2005. – С. 4 – 27.
298. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 74 – 122.
299. Флиер А.Я. Массовая культура и её социальные функции [Текст] / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1998. – 6. – С. 138 – 148.
300. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология / Общая редакция и предисловие действительного члена Академии педагогических наук СССР А.Н.Леонтьева. – М.: Изд – во Прогресс, 1966. – 429 с.
301. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М., 1992. – С. 28 – 43.
302. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 192 с.
303. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Ооо «Издательство аст», 2003. – 603 с.
304. Хоркхаймер М. «Новое искусство и массовая культура» 1946. – 256 с.
305. Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти /Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
306. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
307. Чубарьян О.С. Книга и чтение в жизни небольших городов [Текст] : По материалам исследования чтения и читательских интересов / [Ред. коллегия: д-р пед. наук О.С. Чубарьян (отв. ред.) и др.]; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – Москва: Книга, 1973. – 328 с.
308. Чубарьян О.С. Читательские интересы рабочей молодежи [Текст] / М-во культуры СССР, Гос. ордена Ленина б-ка им. В. И. Ленина, Ленинградский гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской ; [ред. кол.: О. С. Чубарьян (отв. ред.) и др.]. – Москва: Книга, 1966. – 85 с.

309. Швейцер А.Д. Современная социалингвистика: Теория. Проблемы. Методы. – М.: Наука, 1977. – 213 с.
310. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. – 224 с.
311. Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы, т. I. ч. 1. перевод с немецкого под редакцией А. А. Франковского. – СПб.: Academia, 1923. – 214 с.
312. Штолько А.В. Трижды преданный генерал. Последняя тайна Андрея Власова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.epochtimes.ru/content/view/10243/34/> (Дата обращения 29.12.2016)
313. Эббингауз Г. О памяти. Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под. Ю.Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов. - М., 1979. – 272 с.
314. Эббингауз Г. Очерк психологии». – Спб.: Издание О. Богдановой, 1911. – 246 с.
315. Элвуд У. Глобализация. – М.: «Книжный Клуб Книговек», 2013. – 208 с.
316. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
317. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Когито-Центр, 2010. – 352 с.
318. Юнг К.Г. Человек и его символы. – Серебряные нити, 2017. – 352 с.
319. Beer, B. Kultur und Ethnizität. – Berlin, 2002. – SS. 53-74
320. Blommaert J. Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 299 p.
321. Blommaert J. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press, 2010. – 230 p.
322. Braithwaite, W. A. Scott. Values. // J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman (ред.), Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. New York: Academic Press, 1991. – 753 с.
323. Cheshire J. Linguistic variation and social function // Coupland, N. and Jaworski, A. (eds.) Sociolinguistics: A Reader and Coursebook. Basingstoke and London: Macmillan, 1997. – P. 185 – 198.
324. Coupland N. The Handbook of Language and Globalization – D. Blackwell Publishing Ltd, 2010. – 662 p.

325. De Carvalho Jr., M. J. La conscience n'existe pas sans la liberte // Jaime, J. História da filosofia no Brasil. – Vol. 3. – Sao Paulo, 2001. – P. 409.
326. Fairclough N. Language and Globalization. London and New York: Routledge, 2006. – 186 p.
327. Fisher J. Social influence on the choice of a linguistic variant. N. Y., 1964;
328. Heller M. Language as Resource in the Globalized New Economy // The Handbook of Language and Globalization. – Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 349 – 365.
329. Hoffman, R. E. The identity crisis of contemporary sociology Sociol Spectr, 15(1), 1995. – P. 39 – 54
330. Horkheimer M., Adorno T.W., Kulturindustrie. Aufklärung als Massenbetrug. S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 1987. – 95 p.
331. Hymes D. Models of interaction of language and social life // Direction in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. N. Y., 1972. – P. 35 –71.
332. Inglehart R. Measuring Culture and Cultural Change: an Introduction. Paper presented to The Samuel Huntington Symposium: Culture, Cultural Change and Economic Development. – Moscow, 25 May 2010.
333. Inglehart R., Baker, W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. – P. 19 – 51
334. Johnstone B. Indexing the Local // The Handbook of Language and Globalization - Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 386 – 405.
335. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: a critical review of concepts and definitions// Cambridge, MA: Peabody Museum. – Vol. 47. 3 – 1952. – 161 p.
336. Lévi-Strauss C. Introduction à l'oeuvre de Marcel Mauss / Mauss M. Sociologie et anthropologie. – Paris: PUF., 1950. P. P. I–XXXIII.
337. Levi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la Parenté. – Paris, Presses Universitaires de France, 1949. – PP. 3 – 13.
338. Lewin K. Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis, mit Vorbemerkungen über die psychischen Kräfte und Energien und die Struktur der Seele. Berlin: Springer, 1926. – 93 s.

339. Maher J.C. Metroethnicities and Metrolanguages // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). - Blackwell Publishing Ltd., 2010. – P. 575 – 591.
340. Maher J.C. Metroethnicity, language, and the principle of Cool // International Journal of the Sociology of Language. Volume 2005, Issue 175 – 176. – P. 23 – 102.
341. McDonald D. A Theory of Popular Culture. – «Politics», February, 1944. – PP. 1–17.
342. McGuire W.J. Attitudes and attitude change // G. Lindzey and E. Aronson (eds). Handbook of Social Psychology (3rd ed.). New York: Random House, 1985. Vol. II. – 439 p.
343. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. – Toronto: University of Toronto Press, 1962. – 294p.
344. McLuhan, M. Understanding Media. Gingko Press, 1964. – 464p.
345. Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. // The Psychological Review, 1956, vol. 63. – PP. 81 – 97.
346. Sartre J.P. Esquisse d'une theorie des émotions / J.-P. Sartre. – Paris: Hermann, 1960. – 67 p.
347. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992. – PP. 1 – 65.
348. Tajfel H. Social stereotypes and social groups. – Intergroup behaviour / Ed. by J.C. Turner, H. Giles. Oxford, «Basil Blackwell», 1981. – P. 144 – 167.
349. Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – 211 p.
- 350.** Van den Berghe, P. L. Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective // Ethnic and Racial Studies. – 1978. – Vol. 1. – 4. – P. 401 – 411.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Андерхилл Д. Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Берн, П. Бернем, и др. – Москва: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир». Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М., 2001. – 536 с.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. – М.: Эксмо, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://greater_political.academic.ru/ (Дата обращения: 07.01.2018).
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/> (Дата обращения 29.12.2016).
4. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – М., СПб.: Наука, 2004. – 864 с.
5. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychology.academic.ru/1010> (Дата обращения: 12.07.2017).
6. Большой толковый словарь / Под ред. – М., 1949 –1992. – 736 с.
7. Большой толковый словарь по культурологии / Под ред. Б. И. Кононенко. – М.: Вече 2000, 2003. – 512 с.
8. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. Под ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия [отв. ред. В.Н. Телия], – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
10. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
11. Глобализация и девиантность. Коллектив авторов. – М.: «Юридический центр Пресс», 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.libfox.ru/635847-kollektiv-avtorov-globalizatsiya-i-deviantnost.html>
(Дата обращения: 12.07.2017).

12. Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов русского языка» / В.Н. Телия // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24 – 26 февраля 2004 г. – М.: РАН, ИРЯ им. В.В. Виноградова. – С. 102 – 105.
13. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков. Под ред. Глинкина Л.А. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1998. – 277 с.
14. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – Москва: ЭТС, 2010. – 5140 с.
15. Исторический словарь, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/hist_dic/11514 (Дата обращения: 12.07.2017).
16. Культура // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. – 2-е изд., испр. и допол. Под ред. Стёпин В.С. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1 – 744 с., Т. 2 – 634 с., Т. 3 – 692 с., Т. 4 – 736 с.
17. Малый академический словарь. Под ред. Евгеньева А.П. – М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957 – 1984. – 702 с.
18. Морской словарь. Под ред. Самойлов К.И. – М.: Воен. – мор. изд-во, 1939–1941. – 2 т. – 654 с.
19. Новый словарь иностранных слов, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/39002 (Дата обращения: 12.07.2017).
20. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Под ред. Ефремова Т.Ф. – М.: Русский язык, 2000. – в 2 т. – 1209 с.
21. Общее и различное в языковом сознании славянских народов (некоторые результаты анализа Славянского ассоциативного словаря) // Язык. Сознание. Культура. Под ред. Сабуркина Н.В., Сонин А.Г. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – С. 230 – 245.

22. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд – во Московского университета, 1977. – С. 5 – 16.
23. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Под ред. Безрукова В.С. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
24. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. пол. Наук / Санжаревский И.И. – Москва: Политология, РГУ., 2010. – 745 с.
25. Предисловие // Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004. – С. 3 – 9.
26. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.] – М., 1994. – Кн. 1. – С. 191 – 218.
27. Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации. – Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», Под ред. Платонов О.А. – 2000. – 1148с.
28. Словарь – справочник лингвистических терминов / Розенталь Д.Э. Теленкова М.А. Изд. 2 – е. – М.: Просвещение, 1976. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/> (Дата обращения: 11.05.16).
29. Словарь иностранных слов / Афанасьев К.В. – М.: Солдат - гражданин, 1917. – 68 с.
30. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Павленков Ф. 2-е изд. – С. Петербург: Типография Ю. Н. Эрлих, 1907. – 368 с.
31. Словарь народных растений Урала / Коновалова Н.И. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. – 235 с.
32. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Под ред. Абрамов Н.А. – М.: Русские словари, 1999. – 433 с.

33. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин – т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – 800с.
34. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Степанов Ю.С. Константы. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
35. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Хеффе О., Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Культурная революция, 2009. – 392 с.
36. Социальный стереотип. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/STEREOTIPI_SOTSIALNIE.html (Дата обращения 01.04.2017)]
37. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Под ред. Даль В.И. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 710 с.
38. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
39. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Под ред. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
40. Толковый словарь языка / Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. – Харьков: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.
41. Толковый словарь. / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Берн, П. Бернем, и др. – Москва: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир». Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М., 2001. – 536 с.
42. Толковый словарь. Под ред. Евгеньева А.П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/> (Дата обращения 29.12.2016).
43. Толковый словарь. Под ред. Ефремова Т.Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru> (Дата обращения: 12.07.2017).

44. Тысяча состояний души: краткий психолого – филологический словарь/ Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – 3-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 424 с.
45. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/581 (Дата обращения: 12.07.2017).
46. Философский словарь. Под ред. Конт-Спонвиль А. – М.: Издательство: Этерна. 2012. – 752 с.
47. Философский энциклопедический словарь / Ильичёв Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалёв С.Н., Панов В.Г. – М.: Советская энциклопедия, 1983 г. – 840 с.
48. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/> (Дата обращения 29.12.2016).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Реакции взрослой группы.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
<i>Молодогвардейцы</i>	21
<i>Жанна Д'Арк</i>	14
<i>Алексей Стаханов</i>	11
<i>Дмитрий Карбышев</i>	11
<i>Сталинград</i>	10
<i>Андрей Сахаров</i>	10
<i>Сергей Королев</i>	10
<i>Павел Корчагин</i>	9
<i>Нельсон Мандела</i>	9
<i>Шарли</i>	1
<i>Ксения Собчак</i>	1
<i>Жириновский</i>	1
<i>Семен Буденный</i>	1
<i>Сергей Королев</i>	1

Таблица 2. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Реакции студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Юрий Гагарин</i>	26
<i>Иосиф Кобзон</i>	16
<i>Георгий Жуков</i>	15
<i>Жанна Д'Арк</i>	11
<i>Сталинград</i>	10
<i>Андрей Власов</i>	2
<i>Сергей Королев</i>	2
<i>Роман Абрамович</i>	2
<i>Степан Бандера</i>	2
<i>Тони Коун</i>	2
<i>Медведев Д.А.</i>	2
<i>Павел Корчагин</i>	2

<i>Алексей Стаханов</i>	2
<i>Гитлер</i>	2
<i>Суворов</i>	2
<i>Ксения Собчак</i>	2
<i>Иуда</i>	2
<i>Мать Тереза</i>	2
<i>Мария Склодовская-Кюри</i>	2
<i>Владимир Путин</i>	2
<i>Лобачевский</i>	1
<i>Сергей Королев</i>	1
<i>Опра Уинфри</i>	1
<i>Баини-Близнецы</i>	1

Таблица 3. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Жанна Д'Арк</i>	14	11
<i>Алексей Стаханов</i>	11	2
<i>Сталинград</i>	10	10
<i>Сергей Королев</i>	10	1
<i>Павел Корчагин</i>	9	2
<i>Ксения Собчак</i>	1	2
<i>Сергей Королев</i>	1	2

Таблица 4. Экспериментальное исследование слова *честь*. Реакции взрослой группы

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
Дон Кихот	17
Андрей Сахаров	15
Павел Корчагин	12
Дмитрий Карбышев	11
Георгий Жуков	10
Юрий Гагарин	9
Андрей Власов	1

Царь Николай II	1
Мария Склодовская-Кюри	1
Колчак	1
Суворов	1
Павлик Морозов	1

Таблица 5. Экспериментальное исследование слова *честь*. Реакции студентов

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Жанна Д'Арк</i>	15
<i>Дон Кихот</i>	14
<i>Мать Тереза</i>	13
<i>Георгий Жуков</i>	12
<i>Нельсон Мандела</i>	11
<i>Андрей Власов</i>	1
<i>Опра Уинфри</i>	1
<i>Анжелина Джоли</i>	1
<i>Малюта Скуратова</i>	1
<i>Алексей Стаханов</i>	1
<i>Алексей Мересьев</i>	1
<i>Павел Корчагин</i>	1
<i>Саласпилс</i>	1
<i>Данко</i>	1
<i>Шарли</i>	1
<i>Николай Гастелло</i>	1
<i>Митрофанушки</i>	1
<i>Шарик</i>	1
<i>Маргарет Тэтчер</i>	1
<i>Дмитрий Карбышев</i>	1
<i>Дон Кихот</i>	1
<i>Панчо Вилья</i>	1
<i>300 Спартанцев</i>	1
<i>Бим</i>	1
<i>Хатико</i>	1
<i>Мария Склодовская-Кюри</i>	1

<i>Путин В.В.</i>	1
<i>Андрей Сахаров</i>	1

Таблица 6. Экспериментальное исследование слова *патриотизм*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Дон Кихот</i>	17	14
<i>Андрей Сахаров</i>	15	1
<i>Дмитрий Карбышев</i>	11	1
<i>Георгий Жуков</i>	10	12
<i>Андрей Власов</i>	1	1
<i>Мария Склодовская-Кюри</i>	1	1

Таблица 7. Экспериментальное исследование слова *героизм*. Реакции взрослой группы

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
<i>Николай Гастелло</i>	33
<i>Юрий Гагарин</i>	27
<i>Александр Матросов</i>	23
<i>Сталинград</i>	19
<i>Алексей Мересьев</i>	16
<i>Дмитрий Карбышев</i>	14

Таблица 8. Экспериментальное исследование слова *героизм*. Реакции студентов

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Юрий Гагарин</i>	34
<i>Сталинград</i>	29
<i>Жанна Д'Арк</i>	20
<i>Мать Тереза</i>	13
<i>Георгий Жуков</i>	10
<i>Мария Склодовская-Кюри</i>	1
<i>Феликс Дзержинский</i>	1
<i>Иосиф Кобзон</i>	1
<i>Анджелина Джоли</i>	1

<i>З. Фрейд</i>	1
<i>Баини-Близнецы</i>	1
<i>Санчо Пансо</i>	1
<i>Александр Матросов</i>	1
<i>Нельсон Мандела</i>	1
<i>Роман Абрамович</i>	1
<i>Василий Зайцев</i>	1
<i>Алексей Мересьев</i>	1
<i>Норд Ост</i>	1
<i>Владимир Путин</i>	1
<i>Ксения Собчак</i>	1
<i>А. Македонский</i>	1
<i>Буденный Семен</i>	1
<i>Джейн Эйр</i>	1

Таблица 9. Экспериментальное исследование слова *героизм*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Юрий Гагарин</i>	27	34
<i>Александр Матросов</i>	23	1
<i>Сталинград</i>	19	29
<i>Алексей Мересьев</i>	16	1

Таблица 10. Экспериментальное исследование слова *преданность*. Реакции взрослой группы

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
<i>Хатико</i>	45
<i>Бим</i>	36
<i>Санчо Панса</i>	29
<i>Джейн Эйр</i>	13
<i>Николай Гастелло</i>	1
<i>Семен Буденный</i>	1
<i>Александр Матросов</i>	1

<i>Жанна Д'Арк</i>	1
<i>Павлик Морозов</i>	1
<i>Юрий Гагарин</i>	1
<i>Феликс Дзержинский</i>	1

Таблица 11. Экспериментальное исследование слова *преданность*. Реакции студентов

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Хатико</i>	95
<i>Бим</i>	21
<i>Мария Склодовская-Кюри</i>	1
<i>Георгий Жуков</i>	1
<i>Степан Бандера</i>	1
<i>Данко</i>	1
<i>Таня Савичева</i>	1
<i>Николай Лобачевский</i>	1
<i>Путин В.В.</i>	1

Таблица 12. Экспериментальное исследование слова *преданность*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Хатико</i>	45	95
<i>Бим</i>	36	21

Таблица 13. Экспериментальное исследование слова *предательство*. Реакции взрослой группы

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
<i>Иуда</i>	71
<i>Андрей Власов</i>	32
<i>Степан Бандера</i>	23
<i>Павлик Морозов</i>	17

Таблица 14. Экспериментальное исследование слова *предательство*. Реакции студентов

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Иуда</i>	63
<i>Павлик Морозов</i>	20
<i>Степан Бандера</i>	15
<i>Андрей Власов</i>	1
<i>Медведев Д.А.</i>	1
<i>Андрей Сахаров</i>	1
<i>Данко</i>	1
<i>Дон Кихот</i>	1
<i>Жанна Д'Арк</i>	1
<i>Мать Тереза</i>	1
<i>Брут</i>	1
<i>Березовский</i>	1
<i>Салтычиха</i>	1
<i>Малюта Скуратов</i>	1
<i>Баини-Близнецы</i>	1
<i>Хатынь</i>	1

Таблица 15. Экспериментальное исследование слова *предательство*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Иуда</i>	71	63
<i>Андрей Власов</i>	32	1
<i>Степан Бандера</i>	23	15
<i>Павлик Морозов</i>	17	20

Таблица 16. Экспериментальное исследование слова *жестокость*. Реакции взрослой группы

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
<i>Степан Бандера</i>	32
<i>Салтычиха</i>	26
<i>Малюта Скуратов</i>	22

<i>Хатынь</i>	20
<i>Йозеф Менгеле</i>	17
<i>Саласпилс</i>	12

Таблица 17. Экспериментальное исследование слова *жестокость*. Реакции студентов

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Степан Бандера</i>	33
<i>Баини-Близнецы</i>	23
<i>Салтычиха</i>	11
<i>Норд Ост</i>	9
<i>Йозеф Менгеле</i>	1

Таблица 18. Экспериментальное исследование слова *жестокость*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Степан Бандера</i>	32	63
<i>Салтычиха</i>	26	11
<i>Йозеф Менгеле</i>	17	1

Таблица 19. Экспериментальное исследование слова *успех*. Реакции взрослой группы

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы
<i>Билл Гейтс</i>	40
<i>Роман Абрамович</i>	26
<i>Мерлин Монро</i>	27
<i>Иосиф Кобзон</i>	20
<i>Сергей Королев</i>	15
<i>Опра Уинфри</i>	9
<i>Мария Склодовская–Кюри</i>	8
<i>Алексей Стаханов</i>	8
<i>Данко</i>	1
<i>Савва Морозов</i>	1
<i>Семен Буденный</i>	1
<i>Дон Кихот</i>	1

Таблица 20. Экспериментальное исследование слова *успех*. Реакции студентов

Прецедентные имена	Кол-во реакций студентов
<i>Билл Гейтс</i>	57
<i>Роман Абрамович</i>	45
<i>Мерлин Монро</i>	42
<i>Ксения Собчак</i>	11
<i>Юрий Гагарин</i>	8
<i>Опра Уинфри</i>	8
<i>Мария Склодовская-Кюри</i>	8
<i>Феликс Дзержинский</i>	1
<i>Дон Кихот</i>	1
<i>Данко</i>	1
<i>Андрей Власов</i>	1

Таблица 21. Экспериментальное исследование слова *успех*. Сравнение реакций взрослой группы и студентов.

Прецедентные имена	Кол-во реакций взрослой группы	Кол-во реакций студентов
<i>Билл Гейтс</i>	40	57
<i>Роман Абрамович</i>	26	45
<i>Мерлин Монро</i>	27	42
<i>Опра Уинфри</i>	9	8
<i>Мария Склодовская – Кюри</i>	8	8
<i>Данко</i>	1	1
<i>Дон Кихот</i>	1	1